

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

V. I. KOZENKOVA

**SPECIFICITY
OF THE INNER LIFE
OF KOBAN CULTURE
TRIBES**

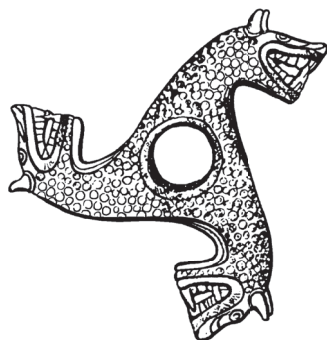

Moscow 2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. И. КОЗЕНКОВА

**СПЕЦИФИКА
ДУХОВНОГО МИРА
КОБАНСКИХ
ПЛЕМЕН**

Москва 2017

УДК 92/94
ББК 63.4
К 95

**Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии РАН**

Ответственный редактор
доктор исторических наук М.Х. Багаев

Рецензенты
доктор исторических наук В.Б. Ковалевская
кандидат исторических наук О.А. Брилева

Козенкова В.И. Специфика духовного мира кобанских племен. 2017.
Монография. Москва: ИА РАН, 2017. 114 с.: ил.

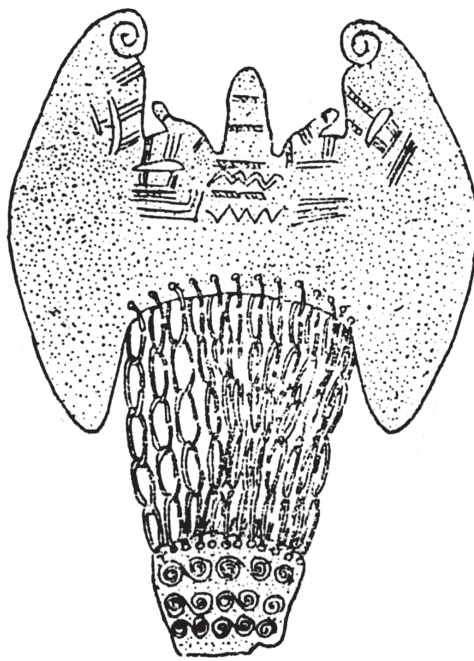
В книге представлена одна из версий о мировоззрении и мифологических традициях населения кобанской культуры, основанная на анализе конкретных свидетельств (аксессуарах костюма, знаках на бытовых и погребальных предметах, остатках жертвенников и т.п.). Весь состав вещей бытового уклада рассматривается как содержимое духовной сферы. Предложена схема упорядочения материалов в рамках указанной темы исключительно для кобанской культуры второй половины XIV — начала VII вв. до н.э. «Кобанцы» имели много общего в космогонических представлениях с народами других культур Кавказа, и в том числе с древнейшими индоевропейцами (миф о «Древе жизни»), поэтому конкретные данные проанализированы в рамках трех уровней (Верхний, Средний и Нижний миры). В работе изложены данные об основных формах представлений «кобанцев» о строении вселенной и об окружающей действительности. Особо рассмотрен вопрос о наличии у них системы смысловых знаков и символических чисел как проявления духовного бытия. Выявлена специфика духовной сферы в каждом из трех вариантов культуры. Книга рассчитана на историков, археологов, религиоведов и на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-94375-228-5

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2017
© В.И. Козенкова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>I. Введение</i>	<i>10</i>
<i>II. Материальные свидетельства соляного культа</i> у населения кобанской культуры в контексте древнейших представлений о трех уровнях строения вселенной (Верхний мир «Древа жизни»).....	17
<i>III. Мировоззренческие формы и их символы (анимизм, культ усопших и т.п.)</i> в представлениях населения ареала Кобани о Среднем (земном) мире.....	32
<i>IV. Элементы культа и сакральная символика водной и</i> подземной стихии Нижнего мира у племен кобанской культуры.....	49
<i>V. Материальные свидетельства круговых церемоний (хороводы)</i> и особенности магии и гадания у населения кобанской культуры	52
<i>VI. Система символов как форма проявления духовного бытия</i> населения кобанской культуры (смысловые знаки, представление о сакральности некоторых чисел)	56
<i>VII. Традиционные черты в духовной сфере населения ареала поздней Кобани</i> и в посткобанское время	62
<i>VIII. Заключение</i>	<i>67</i>
Литература	71
Описание иллюстраций.....	77
Иллюстрации	81
Сведения об авторе	99
Список научных трудов доктора исторических наук В.И. Козенковой	100
Список сокращений	113

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обращение В.И. Козенковой к теме духовного мира кобанских племен более чем закономерно. Здесь все логично. С 60-х гг. прошлого века и по сегодняшний день автор изучает эпоху поздней бронзы – раннего железа на Северном Кавказе ареала кобанской культурно-исторической общности. Когда в 2013 г. исследователем была издана 13-я монография «Кобанская культура и окружающий мир», то подумалось, что все – больше об этой культуре нечего сказать! Но нет, есть еще что исследовать, и доказательство тому – данная книга, которую В.И. Козенкова предлагает читателю.

На фоне известных научных работ многих кавказоведов монография «Специфика духовного мира кобанских племен» отличается не только своей новизной, но и широтой охвата самой проблемы. Отдавая дань глубокого уважения своим предшественникам и высоко оценивая их интерпретации соответствующих артефактов кобанской культуры, автор на протяжении всей книги нацеливает внимание читателя на духовный мир коренного населения региона, раскрытый ей на основе широкомасштабного анализа типичных для кобанской культуры предметов прикладного искусства. При всем этом, три варианта кобанской культуры (восточный, центральный и западный) выступают в единстве основных критериев, показывая тем самым то общее, что роднило разные этносы Северного Кавказа. Сближала же их, безусловно, в первую очередь духовная культура очень близких друг другу народов, о чем еще в конце 50-х годов писал Е.И. Крупнов. «Нам представляется, – читаем у него, – что совпадение границ распространения древней материальной и духовной культуры не случайно. Очевидно, в относительной однородности северо-кавказской материальной культуры I тыс. до н.э.... и в единстве этнической среды того времени и следует искать объяснение этого факта» (Крупнов, 1960, с. 376). С тех пор прошло почти 60 лет, археологические источники увеличились в разы, и археологическая наука достигла новых высот, особенно в области уточнения конкретных дат тех или иных памятников, благодаря новым методам в относительной и абсолютной хронологии. Однако основные выводы, сделанные Е.И. Крупновым по проблемам духовной культуры «кобанцев», неизменно отвечают и сегодняшним реалиям, хотя и требуют в ряде случаев, по словам В.И. Козенковой, определенной конкретики при нынешних инновациях в археологии Северного Кавказа. Особенно это очевидно, если речь идет о пяти формах сакрализации

внешних сил природы и окружающих бытовых предметов, которые проявлялись в различных культах: культ предков, культ мертвых, анимизм, тотемизм и наделение магическими силами множества окружающих человека явлений и вещей. В этом аспекте трудно не согласиться с автором, утверждающим, что фактически подавляющее число кобанских изделий из различных материалов, имевших прикладной характер, являлись довольно часто по внешнему облику одновременно и принадлежностью духовной сферы. Это наблюдение также позволило В.И. Козенковой предложить совершенно новую схему упорядочивания материалов конкретно кобанской культуры с точки зрения понимания «кобанцами» окружающего мира, что и являлось основной задачей данного труда. Для достижения этой цели автором рассмотрены наиболее показательные материальные свидетельства, главным образом эпохи расцвета кобанской культуры (вторая половина XIV – начало VII в. до н.э.). Исчерпывающе исследован вопрос специфики духовного мира в ареале всех трех вариантов культуры. При этом археолог усиливает свою позицию привлечением не только данных археологии, но и свидетельств этнографии и палеоантропологии, что, в свою очередь, позволило автору предложить достаточно убедительную версию об общем уровне духовного мира носителей кобанской культуры и об их представлении о строении вселенной.

Стержневой основой труда являются сакральные представления «кобанцев» о трех уровнях строения вселенной: Верхний, Средний и Нижний миры «Древа жизни». Суть их раскрыта на страницах семи разделов монографии на фоне обширной панорамы анализа соответствующих артефактов и этнографических эпизодов из жизни аборигенов Северного Кавказа, создавших богатейший комплекс знаменитой кобанской культуры.

Знакомясь с обширными и разнообразными научными трудами по комплексному изучению древних культур Кавказа, убеждаешься в том, что и в материальной, и в духовной жизни автохтонов Северного Кавказа на протяжении столетий и тысячелетий наблюдается определенная преемственность. Все элементы, составляющие бытовой уклад, а заодно и духовную жизнь местных народов, переходили из поколения в поколение с соответствующей времени модернизацией. Говоря иначе, на всем пространстве Северного Кавказа прослеживается генезис материальной и духовной культур на основе трансформации ранних археологических культур в последующие. Речь идет о северо-восточном варианте куро-аракской культуры, а также о майкопской, северокавказской, гинчинской, каякентско-харачоевской, кобанской, скифо-сармато-аланской, раннесредневековой и даже позднесредневековой культурах. Здесь каждая предыдущая культура являлась своеобразным источником в формировании последующей. Этот процесс наглядно продемонстрирован в трудах всех археологов-кавказоведов. Применительно же к рассматриваему труду, в анализируемых кобанских артефактах восточного варианта прослеживается след более ранней каякентско-харачоевской культуры, а на стыке тысячелетий до н.э. и н.э., и даже в раннем средневековье – прямое наследие кобанской культу-

ры. Это видно, например, в декорировке птицевидных блях типа Исти-Су и подражающих им дайских (все из Чечни). В них отразилась глубокая местная традиция, выразившаяся в переплетении позднекобанских, скифских, савроматских и раннесредневековых элементов материальной и духовной культуры автохтонных народов Северного Кавказа с конца первой половины I тыс. до н.э. по VIII в. н.э.

Особого внимания заслуживает иллюстративный (базовый) материал, наглядно демонстрирующий и подтверждающий основные концепции автора. В монографии тщательно и профессионально подобраны соответствующие рассматриваемой проблеме артефакты. Они логично размещены на 16 таблицах – рисунках. Весь объем этих материалов, а их более 230 предметов, имеющих прямое отношение к духовной сфере, проанализирован по трем уровням «Древа жизни»: «Солярные символы Верхнего мира (небо)» – рис. 1–3; «Элементы культа Среднего мира (земля)» – рис. 4–8; «Элементы культа Нижнего мира (вода)» – рис. 9–10. Новым в работе является выделение условных смысловых знаков и особой сакральности некоторых чисел. Они представлены в специальных таблицах, таких как «Смысловые знаки» (рис. 11), «Дуализм в мировоззрении древних кобанцев» (рис. 12); «Мифологическое представление о сакральности триединства в мировоззренческих традициях древних кобанцев» (рис. 13–14). Таблицы «Солярная символика на предметах кобанской культуры позднего этапа и в посткобанской культуре в конце I тыс. до н.э.» (рис. 15); «Солярная символика в средневековой бытовой культуре населения Северного Кавказа (могильники, башни, жилища)» (рис. 16) наглядно показывают отдельные примеры преемственности в духовной культуре.

Основываясь в первую очередь именно на этих материалах, В.И. Козенкова выдвигает одну из версий о мировоззрении и мифологических традициях народов Северного Кавказа, главным образом в период расцвета кобанской культуры. Автор не утверждает, что ее видение – это последняя инстанция по пути к истине, но совершенно справедливо считает своим правом предложить достаточно правдоподобную схему разработки поднятой в книге одной из сложнейших проблем в археологии в целом. На мой взгляд, с этой задачей В.И. Козенкова, безусловно, справилась.

Уверен, что это издание заинтересует не только археологов, но и специалистов в области истории искусства, эстетики, философии, этнографии, культурологии, теологии, а также широкий круг преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих древнюю и средневековую культуру народов Северного Кавказа. Всем им я желаю приятного чтения, а Валентину Ивановну Козенкову поздравляю с изданием этой замечательной книги и желаю ей крепкого здоровья и новых творческих успехов.

М.Х. Багаев, д. и н., профессор

I. Введение

Материальные основы быта племен кобанской культуры (кобанской этнокультурной общности) в результате 150-летнего изучения достаточно хорошо представлены в многочисленных трудах разных ученых России, дальнего и ближнего зарубежья. Многообразие аспектов изучения древностей Кобани (ареал, специфика погребального обряда, формы и особенности поселений, характер богатейшей коллекции артефактов, вопросы хронологии, сравнительное сопоставление с другими культурами, новейшие методы исследования) с исчерпывающей полнотой освещены в сотнях статей и монографий. Со времени первого обобщающего труда П.С. Уваровой «Могильники Северного Кавказа» (1900) несколько поколений исследователей разрабатывали разные системы типологии и классификации изделий кобанской культуры. В меньшей степени и с различной полнотой в этих научных работах получила освещение тема духовного мира древнего населения ареала Кобани, хотя большинство материальных свидетельств имело в той или иной форме отношение к духовной сфере.

В большинстве этих трудов накопленная база данных по кобанской культуре рассматривалась либо как объект разного рода научной систематизации, либо в утилитарном значении прикладного характера. В то же время вопросам стилистики были посвящены аналитические исследования В.И. Марковина, Б.В. Техова, Л.Н. Панцхава, А.Ю. Скакова, В.В. Кривицкого, Г.Н. Вольной и других. Имеются труды с обобщающими обзорами, в которых высказывались всевозможные версии о семантике изображений на кобанских изделиях в сопоставлении с параллелями из ареалов близких по уровню культур (Ф. Ганчар, Б.А. Куфтин, Б.Б. Пиотровский, Б.В. Техов, Н.Е. Урушадзе, Я.В. Доманский, В.Б. Виноградов, М.Н. Погребова, А.П. Мошинский, А.Ю. Скаков, В.Т. Чшиев, В.В. Кривицкий и многие другие).

В контексте предложенной темы напомним довольно содержательную статью В.Б. Виноградова (*Виноградов*, 1968). Хотя она посвящена более позднему периоду археологии Центрального и Северо-Восточного Кавказа, но в ней приведены многочисленные примеры, напоминающие о религиозно-магических талисманах и оберегах древнего населения кобанской культурно-исторической общности (изображения частей тела, сакральность лягушки, черепахи, волка, барана и т.п.). Особенно важным является заключение исследователя о том, что смысл многих иноземных предметов среди местных изделий, связанных с духовной сферой, во

многим совпадает со смыслом верований коренного населения и потому «прижился» на Кавказе, в частности, и на территории некогда занятой восточным (чеченским) вариантом кобанской культуры (Виноградов, 1968, с. 44, 45, 48, 49–51).

Одной из сравнительно недавних работ, специально посвященных религиозным представлениям населения Северного Кавказа в эпоху позднебронзового и раннего железного веков, является кандидатская диссертация В.В. Кривицкого (Кривицкий, 1989, 2012). При всей скрупулезности изложения собранного обширного фактического материала, особенно по зооморфной бронзовой пластике, работа имеет очевидно искусствоведческий уклон с преобладанием описательного характера над аналитическим.

Более глубоко эта тема раскрыта в статьях В.(Х.)Т. Чшиева (2005, 2014; 2014а). Однако, на мой взгляд, слишком прямолинейное привлечение им гимнов из «Авесты» (Чшиев, 2005), как и достаточно спорная трактовка символизма Сэнмурва (Чшиев, 2005, с. 89–107), применительно к толкованию конкретных кобанских изделий, например, трактовка в этом плане зверовидных ручек на кобанской посуде или же предположение о связи птицевидных кобанских привесок с «древнеиранским образом Сэнмурва» (Чшиев, 2005, с. 94, 97), требует дополнительного доказательства. Более плодотворной представляется идея исследователя о хронологическом различии таких привесок и их появления не без влияния образа блях-бараноптиц протокобанского периода. Позднее этот образ прошел ряд морфологических преобразований от раннекобанского до классического периодов (Чшиев, 2005, с. 96).

Чрезвычайно интересная искусствоведческая и семантическая характеристика всего пантеона художественных изображений на вещах древних жителей Кобани представлена в монографии Я.В. Доманского (1984). По мнению автора, «Изобразительное художественное творчество кавказцев не было только искусством в нашем понимании. Оно служило материализованным выражением всего мировоззрения, заменявшим будущие науку, философию, этику и пр.»... «...В искусстве, вернее, посредством его, искали опору, спасение, искали помощь в жизни, в больших деяниях и повседневных предприятиях». Во всеобщем украшательстве «следует видеть отражение тех или иных сторон мировоззрения создавших их людей, и что орнаментация включает в себе определенное смысловое значение» (Доманский, 1984, с. 67–69, 77).

Несравненно более глубокое и обобщенное в аналитическом плане широкое представление о духовном мире именно населения ареала Кобани содержит раздел фундаментального труда Е.И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа» (1960). В книге рассмотрены основополагающие мировоззренческие аспекты бытия древнего населения кобанской культуры в контексте данных не только Кавказа, но и более далеких областей. Чрезвычайно обстоятельно привлечены этнографические данные по культам народов всего Кавказа (Крупнов, 1960, с. 357–376).

В связи с темой нашего исследования важно знакомство с работой Н.Е. Урушадзе по семантике изображений на предметах колхидской культуры. В ее ис-

следовании вкупе с закавказскими материалами в равной степени анализируются и изделия кобанской культуры. Они использованы для раскрытия семантики зашифрованного смысла рисунков и целых изображений на бронзовых поясах, топорах и других изделиях художественной тореvтики. Интересным представляется ее опыт расшифровки содержания рисунков как знаковой системы, связанной с природными циклами в земледелии и скотоводстве населения кобанской и колхидской культур (Урушадзе, 1988, с. 39–57).

Наше исследование носит более скромный характер. Его основная задача *упорядочить* в определенной системе основные, открытые за годы после выхода в свет книги Е.И. Крупнова материалы, связанные с кyльтами и духовной сферой *собственно* кобанской культуры. Упорядочение проведено согласно общеизвестному многим народам, в том числе и народам Кавказа, мифу о трехуровневой модели строения Вселенной. Мифу о священном «Древе жизни».

Цель проведенной работы рассмотреть последовательно по выделенным уровням определенные группы материальных свидетельств кобанской культуры и охарактеризовать их особенности, а также выявить их кyльтовое значение. Такая система позволяет более отчетливо представить не только основные кyльты, но и другие аспекты духовной жизни населения ареала кобанской культурно-исторической общности. Причем в данном случае более важное значение имеет не общее количество, а вариативность привлеченных артефактов.

На основе наиболее выразительных примеров, главным образом предметов прикладного искусства, я постаралась выделить то общее, что роднило разные родственные по культуре племена Кобани в целом и что составляло специфику каждого из трех ее вариантов, главным образом ранних периодов, то есть в пределах второй половины XIV в. до н.э. – начала VII в. до н.э. (Козенкова, 1996). Отдельные, особо показательные изделия времени трансформации культуры (позднекобанский период) и постепенного ее угасания привлечены в исследовании для демонстрации преемственности ряда кyльтовых форм и генетической неразрывности мифологических и мировоззренческих традиций в изучаемом кyльтурном ареале.

На современном уровне имеющихся в распоряжении науки разнообразных знаний о кобанской культуре не требует специального доказательства того, что она относится к одной из древних социальных систем эпохи бронзы – раннего железного века Европы (Козенкова, 2013). По многочисленным данным системного, комплексного изучения кобанской культурно-исторической общности, очевидно, что она представляет собой структурированное по общепологающим жизненным признакам сообщество племен автохтонного характера, близкое другим подобным сообществам (культурам) Кавказа (Козенкова, 1999, с. 185–194).

Традиционно оседлый на протяжении 1000 лет (Козенкова, 1996) скотоводческо-земледельческий образ жизни предполагал долгожительство из века в век многих элементов бытового уклада, в том числе и элементов материальной культуры, от-

ражавших духовное бытие родственных во многом племен коренного населения центральной части Большого Кавказа и его северных склонов от бассейна р. Уруп на западе до бассейна р. Аксай на востоке (Козенкова, 2013 (карта на с. 16).

Подобные особенности жизнедеятельности населения древней Кобани позволили с большой долей вероятности привлекать для раскрытия содержания нематериальной (мировоззренческой) стороны жизни местного горского населения многие аспекты и реалии «живой» этнографии, сохранившиеся у народов Кавказа и более отдаленных территорий. Привлекать, где это уместно, близкие параллели из других архаичных культур, независимо от этногенеза их носителей.

Благодаря сравнительному анализу данных археологии, многих элементов этнографии и палеоантропологии (погребальная практика) удалось выявить некоторые важные элементы общего уровня духовного мира древних жителей ареала Кобани, на которых базировались конкретные формы проявления их мировоззрения. Этот мировоззренческий взгляд на окружающую действительность заключался в восприятии ее как непознаваемой и одухотворенной субстанции, глубоко враждебной человеку и требующей постоянного поклонения, жертвоприношения и просьб о милости. Отсюда как защитная реакция возникали всевозможные формы сакрализации непознанных сил природы и окружающих бытовых предметов. Они проявлялись в многочисленных культах, сопровождавшихся разного рода церемониями и перманентными актами всевозможных жертвоприношений.

В кобанской культуре Е.И. Крупнов выделял следующие основные формы: 1) культ предков, 2) культ мертвых, 3) анимизм, 4) тотемизм, 5) придание магического значения большинству окружавших человека явлений и вещей (Крупнов, 1960, с. 358). Именно на наличие подобной системы уходящих вглубь субстрата первобытных верований указывают многие материальные элементы погребального обряда и погребальных обычаев населения ареала Кобани, а также большинство аксессуаров костюма в погребальном инвентаре. Об этом же свидетельствуют многочисленные жертвенники на поселениях.

Исходя из наличия всех этих форм, можно предполагать, что уходит в далекую древность и миф о строении вселенной, известный на Кавказе, в том числе и у вайнахов, то есть некогда территории распространения восточного варианта кобанской культуры. Согласно местным космогоническим представлениям кавказских народов, «земная твердь имеет круглую форму, окружена морем и горами; на краю света стоит дерево жизни, соединяющее по вертикали небо, землю и подземный мир» (Мифы народов Кавказа, с. 6).

В этом плане носители кобанской культурно-исторической общности, как и другие представители земледельческо-скотоводческих культур Кавказа, а также более далеких от него территорий, имели много общего в версии об устройстве окружающего мира. Образ строения мира представлялся самым разным, но близким по уровню развития народам как наличие и господство трех основных сфер всеобщего бытия (древа жизни): Верхнего, Среднего и Нижнего миров. По мне-

нию Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, «Модель мира, отраженная в подобных мифологических представлениях, является *некоторой культурной универсалией* (выделено мной. – В.К.), поскольку она засвидетельствована в основных мифологических традициях самых различных культур на обширной территории Евразии и Нового Света» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 485). Среди них особое место занимала мифология о строении мира в виде священного дерева, у которого крона олицетворяла Верхний мир как мир неба; ствол как Средний мир, или мир земли, а корни как Нижний мир, или мир водной стихии.

Можно предполагать, что уже древнейшие жители ареала Кобани (Протокобань) были знакомы с этими космогоническими представлениями. Яркий пример тому находка в 1882 г. экспедицией П.С. Уваровой среди кобанских материалов при раскопках в Камунте в Дигории (Северная Осетия) гематитовой бусины (рис. 1, 1), переделанной из цилиндрической печати XV–XIV вв. до н.э. «ассирийского типа» (Уварова, 1900, с. 324). Все пространство цилиндра заполнено изображениями в виде двух отдельных групп, связанных друг с другом по смыслу. Одна из групп представляет композицию, центром которой является обнаженная крылатая богиня с переплетенными змееобразно ногами. Руки ее подняты вверх к расположенному над головой диску Солнца. По обеим сторонам от солнечного божества изображены мужские фигуры, поддерживающие ее за крылья. Но особый интерес вызывает вторая композиция. Она состоит из стилизованного изображения дерева с разветвленной кроной, мощным стволом с отростками-завитками и короткими корнями. По обе стороны дерева находились в противостоянии по три зооморфных существа: олень, горный козел и крылатый сфинкс (Флиттнер, 1939, рис. VI; Козенкова, 2013, с. 34, 35, рис. 16, 1).

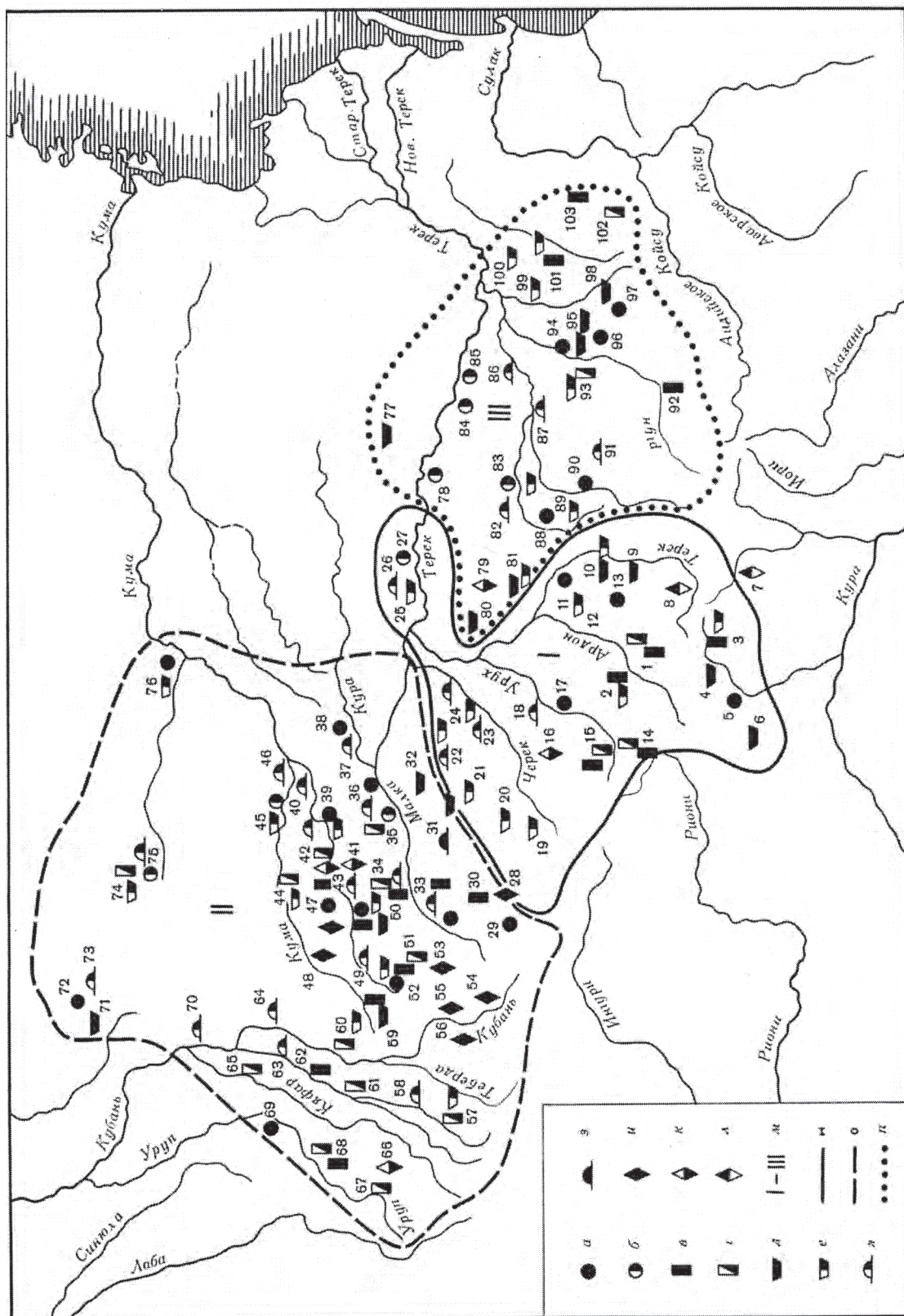
В свое время Е.И. Крупнов, отмечая эксклюзивность этой находки среди материалов, как он полагал, «докобанского периода», справедливо указал на «наличие более ранних и более действенных культурных импульсов» со стороны ареала хуррито – митанийских древностей, не уточняя ни времени, ни путей попадания таких предметов в кобанскую среду (Крупнов, 1949, с. 10; 1960, с. 342; Козенкова, 2013, с. 35).

Исследователи (Б.Б. Пиотровский, А.А. Мартиросян, М.Н. Погребова и др.) полагают, что стилистика большинства таких печатей в Закавказье сохранялась до XIII в. до н.э. Причем использовались они здесь ограниченное время, синхронное с подобными изделиями на территории Передней Азии (Пиотровский, 1992, с. 12–14; Погребова, 2011, с. 45; Мартиросян, 1964, с. 109–111). Сказанное не без основания позволяет предполагать, что заимствование через Закавказье идеи и смысла, заложенного в изображении на подобных предметах, и использование такой печати-цилиндра в ожерелье в качестве оберега или амулета, связанного с культом Солнца, было возможно кем-то из носителей кобанской культуры. Причем это могло произойти не позднее XII в. до н.э., то есть в Протокобанский период.

Судя по материальным остаткам, каждый из указанных выше миров имел у древних носителей кобанской культуры многочисленную, разнообразную и причудливую систему символов, образов, а в ряде случаев – интересных жанровых сцен. Вероятно, не все, но главные представлены на 16 иллюстративных таблицах. Они соответствуют порядку изложения содержания.

В конце вводной части выражаю мою искреннюю благодарность за помощь в работе Т.Н. Бурмистровой, канд. ист. наук З.Х. Албеговой и канд. ист. наук Т.М. Кузнецовой. Искренняя благодарность сотруднику Государственного Эрмитажа Ю.Ю. Пиотровскому за предоставленные улучшенные фото некоторых изданных в 1984 г. Я.В. Доманским предметов из фонда музея. Особая моя благодарность рецензентам данной работы докт. ист. наук В.Б. Ковалевской, канд. ист. наук О.А. Брилевой, канд. ист. наук В.Е. Маслову и канд. ист. наук С.Б. Вальчаку.

Карта. Ареал кобанской культурно-исторической общности (по: Козенкова, 1989б, с. 253, карта 24). Римскими цифрами обозначены локальные варианты: западный, центральный, восточный

II. Материальные свидетельства солярного культа у населения кобанской культуры в контексте древнейших представлений о трех уровнях строения Вселенной (Верхний мир «Древа жизни»)

Главным из миров «Древа жизни» был мир Неба. Ему подчинялись два других, а то, что управляло небесной сферой, что было непререкаемым Божеством – то был каждодневно восходящий лик солнца. Наблюдаемое удивительное завораживающее явление движущегося огненного колеса приковывало взор, пугало и в то же время на чувственном уровне порождало уверенность в его всемогуществе. Не исключено, что ему возносили песнопения и гимны, близкие по смыслу сохранившимся хеттским. «Ты, о Бог Солнца, судишь ежедневно суд над сыном человеческим, собакой, свиньей и зверем степей» (*Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 469*).

Култ Солнца пронизывает фактически все сферы жизни населения кобанской культурно-исторической общности. В погребальном обряде его следы просматриваются в таких обычаях, как трупосожжение. В полном объеме оно засвидетельствовано в центральном и западном локальных вариантах культуры (могильники Верхняя Рутха, Терезе). При обряде трупоположения об этом культе свидетельствует такой обычай, как обжиг могильных камер в Сержень-Юртовском могильнике восточного варианта. След солярного культа усматривается в постоянном присутствии углей в засыпи могил (Кобанский, Кисловодский, Мебельная фабрика-1 и другие могильники) или небольших кострищ рядом с покойниками, что отмечено по всему ареалу культуры.

На мой взгляд, к солярному культу может быть отнесен и обычай ставить рядом с погребенными миниатюрные глиняные, конусовидной формы плошки с нагаром внутри стенок (могильники Сержень-Юрт, Зандак восточного варианта). В определенной мере доказательством существования у носителей кобанской культуры культа обожествления солнца служит и обычай класть рядом с покойником кусочки охры или реальгара (Сержень-Юрт). В этом плане следует отметить и захоронения в могилах коня (одной из ипостасей солнечного божества) как солнечного оберега-сторожа в загробном мире (Сержень-Юрт, Терезе).

Знаки солнца, особенно в виде свастики, круга, круга с крестом в центре, в виде простого креста фиксируются на многих предметах быта (рис. 1, 2–13). Большая роль отведена также ромбу, который выступает во всевозможных вариациях на самых разных предметах быта как один из символов солнца. Вариации подобного вышеозначенного набора многообразных знаков засвидетельствованы, например, на глиняных корчагах из слоя Сержень-Юртовского поселения и одноименного могильника. Так, в помещении XII, относящемся к слою XI–VII вв. до н.э., обнаружен фрагмент миски (рис. 3, 3) с наклепной четырехконечной свастикой (Козенкова, 2001, рис. 43, 4). Похожая наклепная свастика была нанесена на верхнюю часть фрагмента горшка, дополнительно украшенного по краю венчика волнистым наклепным валиком (рис. 3, 4), в слое Бештаугорского поселения в ареале западного варианта (Козенкова, 1989а, табл. XI, 26). Такой же точно наклепной солярный знак имел место на фрагменте стенки сосуда в позднекобанском погр. 14 Лугового могильника VI–IV вв. до н.э. восточного варианта (Мунчаев, 1963, с. 151, рис. 7, 3).

Выразительная серия солярных знаков в виде наклепных круга, креста, круга, пересеченного вертикальной линией по центру, а также круга с крестом в центре имели по окружности корпуса биконические корчаги из слоя Сержень-Юртовского поселения и погр. 66, 70, 71 Серженьюртовского могильника (Козенкова, 2001, рис. 68, 78; 2002, табл. 51–54). Любопытно, что аналогичные по форме биконические корчаги с близкими знаками из могильников куштановицкой культуры Карпатского бассейна, относящейся к кругу гальштаттоидных культур эпохи раннего железа, чрезвычайно напоминают вышеуказанные восточнокобанские. По мнению И.В. Кобаля, исследователя этих западноевропейских материалов, особые знаки на конкретных сосудах представляли своего рода «язык мертвых» (Кобаль, 2012, с. 263).

Узкогорлая корчага с шаровидным туловом (рис. 1, 21) из погребения VIII в. до н.э. Пседахского могильника была украшена нарезным узором из ромбов с крестами в центре (Козенкова, 1996, с. 48, рис. 18, 3). Изображение креста покрывает всю внешнюю поверхность днища глиняного кубка в погребении 15 Кобанского могильника из раскопок Е. Шантра (Козенкова, 1996, с. 22, рис. 6, 8). И подобные знаки типичны для многих изделий кобанской культуры.

Знак Солнца в виде пятиконечной звезды (рис. 1, 23) занимал всю поверхность крышки глиняной пиксиды в погребении 16 того же могильника из раскопок Е. Шантра (Козенкова, 1996, с. 23, рис. 7). О солнечной символике напоминали и глиняные четырехконечные пуговицы из указанного выше поселения Сержень-Юрт, находившиеся среди других сакральных предметов в жертвеннике № 4 (Козенкова, 2001, рис. 5; 9, 7).

Особую примечательную группу предметов, украшенных солярными символами, представляли глиняные штампы-пинтадеры (рис. 1, 11, 16, 17–19). Они составляли специфику материальной культуры восточного варианта Кобани. По форме это были изделия типа либо катушки, либо канцелярской печати, либо пе-

чати с овальной «рабочей» поверхностью. На рабочих торцах изделий нанесены солярные символы в виде креста, ромба, окруженного лучами, спирали; спирали, обрамленной черточками-лучами; изображения угла в окружении лучей. Все пинтадеры обнаружены в слое поселений Алхасте, Бамут, Сержень-Юрт и Замни-Юрт (Козенкова, 1982, табл. XII, 10, 13, 14, 16, 18, 19).

Особо отмечу фрагмент корчаги, украшенной сосцевидным выпуклым налепом, напоминающим женскую грудь (рис. 1, 22). «Сосок» выпуклости был обведен такой же прочерченной по сырой глине спиралью, обрамленной лучами, как на некоторых пинтадерах. Обломок происходит из слоя Клинярского поселения в окрестностях г. Кисловодска (Козенкова, 1989а, табл. XIII, 36). Солярный знак в виде концентрических кругов, как на пинтадерах из Сержень-Юрта, украшал сосцевидные выпуклости по окружности корпуса корчаги из слоя XI–VIII вв. до н.э. (рис. 3, 15) Змейского поселения центрального варианта (Деоник, Крупнов, 1961, рис. 3, 1). Как знак солнца предстают среди женских украшений в погребении 23 Зандакского могильника восточного варианта пуговицы, литые из сурьмы, украшенные рельефным узором из концентрических кругов (Марковин, 2002, рис. 37, 5). Погребение датируется IX–VIII вв. до н.э.

Поклонение солнцу отражено и в многочисленных бронзовых предметах кобанской культуры, будь то многочисленные украшения одежды или оружие, или воинское снаряжение. Особенно заметны с самого раннего времени существования культуры ажурные литые колесовидные привески с крестом в центре (рис. 1, 2–5). Они имели место в ряде разновременных памятников по всему ареалу и служили для украшения сложного головного убора. Чаще всего их подвешивали к поясам и браслетам. Реже они входили в состав сложной системы фурнитуры головных уборов. То есть являлись одновременно и талисманами-оберегами. Такие привески имели место изредка в Кобанском могильнике, в погр. 1 Инжиччукунского могильника (Алексеева, 1971, табл. 7а, 3), в могильнике Терезе, в могильнике Мельбильная фабрика-1, в слое поселения Сержень-Юрт. В погребении 49 Зандакского могильника подобная ажурная привеска (рис. 1, 4) была украшена в центре двумя крестами (Марковин, 2002, с. 89, рис. 49, 3). Но особенно колесовидные привески с крестом в центре заметны в погр. 35, 38, 53, 76 Сержень-Юртовского могильника (Козенкова, 1982, табл. XXIV, 35, 36; 2001, рис. 86, 11; 2002, табл. 21, 26, 30, 38, 44, 65, 68; 2004, табл. 37). В погребении 74 такой сакральный знак был нанесен в виде налеса на стенку биконической корчаги (Козенкова, 2002, табл. 54, 13). Солярный знак в виде бронзового с ушком-трубочкой кольца имелся в могильнике XI–VIII вв. до н.э. Инжиччукун (Козенкова, 1998, табл. XI, 6). Интересны бронзовые булавки с колесовидными навершиями из Былымского клада (Алмалы-кая) в верховьях Баксанского ущелья (рис. 3, 2). Булавки и часть других вещей этого клада относятся к концу Протокобанского периода Кобан 1б (Козенкова, 1989а, табл. XXXVII, А; 1996, с. 93, табл. 2). Дата их не позднее середины XII в. до н.э. Массово представлены по всему ареалу бронзовые ромбовидные (Техов, 1977, с. 168, рис. 113, 1–32)

и крестовидные пуговицы (рис. 1, 15) (Козенкова, 1982, табл. XXIV, 1, 2; 1998, табл. X, 1, 2). Солярные знаки в виде четырехконечной свастики украшали бронзовые двувальные нагрудные и налобные бляхи в погр. 37, 42, 46, 65, 87 Лугового могильника (Мунчаев, 1963, рис. 13, 15, 22, 33). Такой значок имел место на одной из бронзовых «бабочковидных» поясных пряжек в погр. 87 этого же памятника (Мунчаев, 1963, рис. 33, 12). Необыкновенно нарядна бронзовая трапециевидная бляха, являющаяся, скорее всего, составной частью нагрудной птицеобразной бляхи «типа Исти-су» (Козенкова, 1973, с. 149–158; Вольная, 2002, рис. 20–23) и найденная, предположительно, в районе сел. Ведено в верховьях р. Хулхулау на востоке Чечни. Поверхность бляхи была покрыта тремя рядами свастикообразных знаков с серповидно изогнутыми концами (рис. 15, 9). Строгая ритмичность изображений и необычные очертания формы солярных значков создавали ощущение движения солнечного светила (Скаков, Сташенков, 2005, с. 504, рис. 1).

В Кобанском могильнике в орнаментальную зону двух гравированных дважды изогнутых топоров были включены четырехконечные свастики (рис. 3, 12). Но безусловным шедевром литейного и ювелирного искусства древних мастеров ареала Кобани является объемный бронзовый скипетр в виде трехконечного солнечного колеса-свастики, каждый конец которого завершался головкой оскалившегося хищника (рис. 3, 7). Жезл, безусловно, имевший сакральный смысл, обнаружен в богатой по погребальному инвентарю могиле 254 Тлийского могильника центрального варианта кобанской культуры (Техов, 1980, табл. 108, 8). Погребение входит в группу захоронений, датирующихся Б.В. Теховым XII–X вв. до н.э.

Примечательны среди солярных символов также литые объемные крестовидные привески с расширенными плоскими торцами и отверстием в центре (рис. 1, 7). Они массово представлены в погребениях центрального варианта, главным образом в Кобанском и Тлийском могильниках (Антонович, 1882, с. 243; Техов, 1977, с. 166, рис. 112, 13, 27; Доманский, 1984, илл. 91; Козенкова, 1998, табл. XIII, 4). Например, в Верхне-Кобанском могильнике, в погребении 480 в Тли, а также в гробнице 1 и гробнице 3 могильника Терезе имелся вариант этих предметов с округлыми концами (рис. 1, 6, 8), напоминая тем самым миниатюрные навершия булав (Уварова, 1900, табл. XXX, 8; Техов, 1977, с. 166, рис. 112, 28; 2004, табл. 139, 6; Доманский, 1984, илл. 91; Козенкова, 1998, табл. XIII, 3, 5). Как полагает Б.В. Техов на основе материалов из Тли, крестовидные привески характерны для женских погребений «и были известны уже на раннем этапе позднебронзовой эпохи» (Техов, 1977, с. 167). Данный факт подтверждается и их присутствием в могильнике Терезе, датирующемся от конца XII и не позднее середины VIII в. до н.э. Для восточного варианта они не характерны. На западе распространения культуры крестовидные привески имели место, кроме Терезе, в погребениях VIII – начала VII в. до н.э. могильника Мебельная фабрика-1, Белореченского 2 и Заюковского 1 могильников, а также в виде случайных находок в Баксанском ущелье и в Каменномостском укреплении (Козенкова, 1998, с. 46–47). Находки подобных солярных

символов, являясь глубоко местными по происхождению формами, в материалах «киммерийцев» свидетельствуют, на мой взгляд, всего лишь о характере межкультурных всякого рода контактов населения Северного Кавказа и степей юга Восточной Европы в предскифское время.

Фигура квадрата с вогнутыми сторонами и приостренными углами, дополненного выпуклым кружком в центре, украшала типичные для VIII – начала VII в. до н.э. массивные литые уздечные бляхи (рис. 1, 14). Такая бляха засвидетельствована в Кобанском могильнике (Уварова, 1900, табл. XXXVI, 2; Доманский, 1984, илл. 82). На восточной окраине восточного варианта похожая бронзовая бляха входила в комплекс погребения 23 Зандакского могильника. Погребение находилось в самой ранней группе каменных ящиков, относящихся по времени не позднее X в. до н.э. (Марковин, 2002, с. 53, 147, рис. 37, 6). Наиболее близкие по облику бляхи известны в Султангорском-1 и Клинярском-3 могильниках (Дударев, 1999, рис. 110, 120) и датируются VIII в. до н.э. Солярной символикой в виде кругов и ромбов украшены и нагрудные «пекторали» (рис. 3, 5) из этих же памятников (Дударев, 1999, рис. 107, 125, 130). «Можно полагать, – пишет М.Н. Погребова, – что изображения на кавказских пекторалях ассоциируются с солнцем и звездами и в местных культурах прекрасно известны и понятны» (Погребова, 1984, с. 105). Выразительные знаки в виде солнечного диска, имеющего в центре спираль, обрамленную лучами, присутствуют и на многих кобанских бронзовых гравированных топорах (рис. 3, 8, 9), а также на боевых сакральных поясах. Особо следует выделить серии топоров и поясов из Тлийского могильника. В частности, можно указать на топор из погребения 347/2 (Техов, 2002, табл. 15а) и на пояса из погребений 350 и 363 (Техов, 2002, табл. 22а, 4; 38).

Одной из ипостасей Бога Солнца в древнейшей мифологии, связанной с солярным культом, являлся конь (рис. 2, 1–6, 9). К Верхнему миру относились также орел и водоплавающие птицы, такие как гусь и утка. Образ летящего божественного коня во многих древних мифах неразрывно связан со светилом. Так, например, в древних сохранившихся текстах конь представлен как «везущий колесницу Солнца». О неразрывной связи солнца и образа коня повествует сохранившийся в Авесте молитвенный Гимн Солнцу: «Мы молимся Солнцу, бессмертному Свету, чьи кони быстры...» (Стеблин-Каменский, 1993, с. 54). В древнегреческой мифологической традиции летящий конь приравнивается к птице, а в ведийских текстах – к образу орла (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 549–551). Древние свидетельства также предполагают существование взаимозаменяемости этих солярных символов. Типологические параллели такого обмена и распределения двух образов просматриваются и в мировоззренческой системе многих кавказских народов, в том числе у племен кобанской культуры.

Изображения коней – один из часто встречающихся в кобанской культуре, скорее всего, солярных символов Верхнего мира. Образы коней представлены как объемными целыми скульптурами или их частями, так и гравированными компо-

зициями на предметах. Конские сюжеты характерны для искусства Кобани всего ареала. Хронологически к самым ранним сакральным статуэткам этого животного относились литые, объемные, но слегка уплощенные, миниатюрные бронзовые лошадки из вышеупомянутого Былымского клада в ареале западного варианта (рис. 2, 2). Они были украшены выпуклыми солярными значками в виде спиралей, что подчеркивает их сакральную сущность (Доманский, 1984, табл. XV; илл. 102, 103; Козенкова, 1989а, табл. XXXVII, А, 8–10). Наиболее полно отражавшими образ солнечного «летающего» коня являются бронзовые, литые, рельефные поясные пряжки – кони (рис. 2, 6, 9) из Верхне-Кобанского, Галиатского («Фаскау») и, возможно, Верхне-Рутхинского (Кумбулта) могильников с территории центрального варианта культуры, датирующиеся XI–X вв. до н.э. (Козенкова, 2006, с. 20, рис. 1–5). Особенно наглядно это демонстрирует фигура пряжки-коня из Кобанского могильника, украшенная на лопатке и морде гравированной сеткой из солярных символов в виде ромбов (Доманский, 1984, илл. IX). Многочисленны в ареале Кобани и статуэтки лошадей в статичной позе, выполненные в глине (рис. 2, 3) и бронзе, свидетельствующие о бесспорно широко распространенном культе коня. При этом наблюдается отчетливо выраженная вариантная специфика. Для центрального варианта характерны фигурки, отлитые из бронзы (рис. 2, 4, 5), например, такие как в Кобанском могильнике (Уварова, 1900, табл. XXXVIII, 5; Техов, 1977, с. 172, рис. 115, 7–13; 116, 2, 3). Для западного варианта они засвидетельствованы только в верховьях Баксана (Алмалы-кая), то есть в пограничной зоне с центральным вариантом (Козенкова, 1982, табл. XLIII, 18–23; 2001, рис. 45, 5, 7; 48, 12; 83, 17, 18). В восточной части распространения культуры изображения коней представлено в глине (86 экз.) в слоях Сержень-Юртовского (84 экз.) и Алхастинском (2 экз.) поселениях. Конские головки имели место также в виде наконечников на бронзовых булавах из слоя XI–VIII вв. до н.э. Серженьюртовского поселения и из женских погребений 35 и 41 одноименного могильника (рис. 12, 9). В последних они сочетались с бронзовыми ажурными колесовидными привесками с крестом в центре (Козенкова, 2001, рис. 56, 10; 2002, табл. 21, 26, 27; 30, 4). Другие сопровождавшие погребенных женщин необычные предметы, например, бронзовый наконечник стрелы архаичного типа, включенный в ожерелье, в погр. 35 или венчавшая головной убор булавка с наконечником в виде трех обнаженных женских фигур в сочетании с солярными привесками в погр. 41 (рис. 4, 13), свидетельствуют о том, что захороненные обладали высоким религиозным (жреческим) статусом и как бы олицетворяли на земле сакральный культ Верхнего мира. То есть в одном лице они, возможно, представляли главных его персонажей, а именно Бога Солнца, Верховную Владычицу и Бога Грозы и молнии. Такое соединение в одном лице нескольких сакральных персонажей имело, например, божество плодородия Айтар в абхазской мифологии. Оно состояло из семи божественных сил, в том числе солнца (Амра) и луны (Амза) (Мифы народов Кавказа, с. 19).

О наличии солярного культа в едином сочетании его разных символов свидетельствует великолепный бронзовый литой скипетр из погр. 14 могильника Мебельная фабрика-1 на окраине г. Кисловодска (рис. 3, 11). Скипетр имеет форму цилиндрического молота, один конец которого был плоский, а второй оформлен тщательно моделированной головкой животного с круто изогнутой шеей. В центре – круглое отверстие для рукоятки. Поверхность скипетра украшена сложным орнаментом, возможно, сделанным уже на матрице литейной формы. От ушей, хорошо моделированной с оскаленными зубами морды и вздыбленной гривы, подчеркивая ее изгиб, тянулись к концу жезла, огибая проух в центре, две углубленные бороздки. В центре корпуса между этими линиями нанесен сложный солярный символ Верхнего мира. Он состоял из выпуклого круга с вписанным квадратом с острыми углами и кружком в центре. Это сложно составленное изображение было, кроме того, вписано в растянутый ромб. Конец обуха скипетра был обведен углубленным ободком и дополнительно украшен фигурой в виде острого угла (Козенкова, 1995, табл. XX, 10).

Скипетр неоднократно был предметом анализа многих специалистов – кавказоведов и скифологов (Е.И. Крупнов, В.А. Ильинская, В.И. Козенкова, В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, А.П. Рунич, С.В. Махортых; В.Р. Эрлих и др.). В.Б. Виноградов и С.Л. Дударев относили вид животного к «барсоволковидному хищнику», подчеркивая синкретичность образа (Виноградов, 1972, с. 155; Дударев, 1999, с. 117). В.А. Ильинская видела в нем коня, поскольку «пасть животного изображена в виде обращенных друг к другу округлых зубков», что аналогично именно для конских изображений из Келермесского могильника (Ильинская, 1965, с. 209).

На мой взгляд, анализ В.А. Ильинской глубже и ближе к истине не только в отношении морфологии кисловодского скипетра. Не менее важным и доказательным было включение его орнаментики в единый идеологический контекст, связанный с солярным культом основными своими знаками, соединенными между собой как образ Солнца: движущегося солнечного колеса (круги, кресты, свастики), птицы (орла) и коня. Небесный конь, как доказательство почитания верховного Божества, присутствует в кобанской культуре и на бронзовых парадных топорах в едином комплексе в окружении гравированных или чеканных узоров. Особенно показательны композиции с реалистически и динамично выполненными фигурками коней из погребений Тлийского могильника. Так, на обеих сторонах лопасти топора из погр. 109 изображена пара вздыбленных противоборствующих коней (рис. 3, 10) (Техов, 1988, с. 39, рис. 47). Обушная часть одного из двух топоров в погр. 208 украшена солярным значком в виде круга, а на обеих сторонах лопасти по три небесных резвящихся коня (Техов, 1988, с. 10, рис. 8). На территории центрального варианта изображения коней известны на некоторых жанровых композициях на бронзовых поясах, где они предстают в стилизованном виде, например, в погребениях 74 и 76 Тлийского могильника (Техов, 2001, табл. 38, 46). Но значительно более впечатляют реалистически выполненные гравировкой и чеканкой кони на

поясе из погребения 224. На чистом поле поверхности пояса вереницей навстречу друг другу летят два табуна по 10 коней (рис. 2, 1). Мастерски проработанный экстерьер (детали корпуса, развевающиеся хвосты и положение подогнутых в галопе ног) придает ощущение реальности быстрого движения (Техов, 2001, с. 53, табл. 31). Отсутствие вокруг ярко выраженных стилизованных солярных знаков, кроме как самих реальных конских фигур, их большое число, скорее всего, может свидетельствовать об охранительном характере изображений. Видимо, в данном случае они выступают как тотемные знаки – обереги.

Почитание лошадей жителями Кавказа уходит вглубь веков и сохраняется почти до современности. Например, известный у гурийцев праздник лошадей «Тедороба» по некоторым элементам связан с солярным культом. В этот день возносили молитвы о здоровье и размножении лошадей. Из пшеничного теста готовили *круглую* лепешку, которая, возможно, представляла своей формой знак солнца и одновременно пастбище. На лепешку ставили выпеченные из теста фигурки лошадей. При поедании модели молодежь изображала бьющих копытами лошадей (Мамаладзе, 1893, с. 47, 48). У осетин и ингушей на поминках совершался обряд посвящения лошадей умершим (Шиллинг, 1931, с. 17). Б.А. Куфтин указывал, что у абхазов при соблюдении погребальных обрядов «присутствовала лошадь в полном убранстве» (Куфтин, 1950, с. 213).

В кобанской культуре обычай, в котором угадывается взаимосвязь солярного культа с принесением в жертву коня и ритуалов, связанных с почитанием предков и умерших, представляют престижные погребения Сержень-Юртовского могильника. Например, в могиле 37, усыпанной углями, погребенный отправлен в загробный мир в полном воинском снаряжении. Могильная камера уставлена не менее чем 20 сосудами с наlepным орнаментом в виде личины и змеи. Поверх посуды лежал жертвенный конь (Козенкова, 2002, табл. 23, 1; 24, 8, 8a).

Как указывалось выше, к солярному культу относились изображения птиц как символов Верхнего мира (рис. 2, 7, 8–22). По технике исполнения представлены два типа изображений: выполненные гравировкой и литьем. В единичном случае в слое Сержень-Юртовского поселения (восточный вариант) оказалось 2 глиняных головки птиц (рис. 2, 17) (Козенкова, 1982, табл. XLIII, 26). Общее количество изображений птиц, найденных в памятниках по всему ареалу, пока отсутствует. Это особая тема исследования, связанная с типологической классификацией. К настоящему времени опубликованы лишь данные подсчетов разных лет по восточному, западному и частично центральному вариантам кобанской культуры.

Число найденных статуэток птиц для восточного варианта на конец 80-х гг. XX в. составляло 2 экземпляра из глины (Козенкова, 1982, с. 70). Из памятников западного варианта культуры по данным до конца 90-х гг. XX в. насчитывалось 30 птиц из бронзы (Козенкова, 1998, с. 132, 133, табл. 4a). По центральному варианту, по последним подсчетам Е. Е. Васильевой, количество бронзовых скульптур птиц из памятников Дигории (Верхняя Рутха, Камунта, Фаскау, Кумбулта)

составляло 21 экземпляр на разных категориях вещей (Васильева, 2016, с. 69–71, табл. 1–2).

Сразу следует указать, что *специфика* восточного варианта заключалась в том, что изображение птиц, судя по имеющимся археологическим источникам, вообще не было характерно для изобразительного искусства этой части ареала Кобани. Но они хорошо представлены в богатом творческом репертуаре центрального и западного вариантов кобанской культуры. Причем перечень форм их изображений в центре распространения культуры и в ее западном варианте фактически одинаков. По динамике представлены птицы в полете, с распахнутыми крыльями, и птицы в спокойной позе, либо сидящие, либо спокойно передвигающиеся.

К *первой* группе относились чрезвычайно выразительные, выполненные гравировкой птицы в полете. Несмотря на некоторую стилизацию, они, несомненно, представляли основной образ, связанный с культом солнца, а именно орлов. Такие изображения этих птиц в полете известны, например, на бронзовых поясных пряжках из погребений 372 и 375 Тлийского могильника (Техов, 2002, табл. 48, 35; 158, 1, 2), а также на бронзовом топоре из погребения 374 этого же могильника (Техов, 2002, табл. 50, 1). Особенно талантливо, с большим реализмом исполнен гравировкой и пуансоном орел на пряжке из погребения 375. Изящно и тонко проработаны перья на крыльях и распушенном хвосте птицы. Все три погребения датируются VIII в. до н.э. Примечательно, что в засыпи могил обнаружено большое количество древесных углей, а также куски охры. Как известно, последние признаки часто увязывают с солярным культом (Техов, 2002, с. 26–28). В такой же стилистике и позе изображены визави два орла на круглой бронзовой литой бляхе, ассоциирующейся с диском солнца, в гробнице 1 могильника Терезе с обрядом кремации (рис. 2, 7). Бляха составляет часть комплекта уздечного набора, датирующегося не позднее первой половины – середины VIII в. до н.э. (Козенкова, 2004, с. 139–141, табл. 22). Многочисленные водоплавающие птички изображены тончайшей гравировкой в сочетании с чеканкой, на парадном бронзовом поясе из погребения 76 Тлийского могильника, где они были составными персонажами многофигурной жанровой сцены (Техов, 2001, табл. 43–49). Особенно выразительна утка с широким плоским клювом, голова которой была повернута к спине (Техов, 2001, табл. 51, 2).

Но более *типична* для искусства кобанской культуры, главным образом для центрального и западного вариантов, *вторая* группа: бронзовые литые скульптурные фигурки птиц. В этой группе выделяются *три* разновидности.

Первая разновидность – это реалистически выполненные фигурки, скорее всего, водоплавающие, со сложенными крыльями (рис. 2, 10, 11, 22). Такие птички засвидетельствованы в Кобанском могильнике (Уварова, 1900, табл. XXXV, 15; Доманский, 1984, илл. 114, 115). Особо отмечу одну из них (илл. 114), явно в движении с полураскрытыми крыльями. Реалистически, но несколько упрощенно, в этом же могильнике представлены на навершии булавки две утки (рис. 12, 12) в компо-

зиции с изображением секиры закавказского типа (Уварова, 1900, табл. XXXIX, 7). Реалистические фигурки птиц первой разновидности представлены в Собрании древностей из Фаскау и Верхней Рутхи, принадлежавшие Аделаиде Косснерской. Здесь представлены как целые скульптуры с петлей на спине (Фаскау), так и более простые по форме поясные пряжки из «Рутхи», которые украшены в области крючка головками в отличие от других с длинной (лебединой?) шеей (Motzenbacher, 1996, Taf. 44, 12; 63, 11).

Чрезвычайно изящны сдвоенные фигурки уток первой разновидности, иногда имеющие литую общую петлю в виде сложноплетенной ленточки (Уварова, 1900, табл. XXXIX, 14). Буквально идентичные, близкие по манере отливки, но одиночные фигурки имели место в гробнице 1 могильника Терезе (рис. 12, 4). Входили в комплекс погребального инвентаря такие же по форме экземпляры, но без петли на груди (Козенкова, 2004, табл. 42, 6–9). Ближе всего к ним по стилистике отдельные скульптуры птичек из Тлийского могильника. Б.В. Техов видит в них изображение голубей и полагает, что они «могут быть связаны с культом солнца, который был широко распространен у кавказских племен в эпоху поздней бронзы и раннего железа» (Техов, 1977, с. 167, рис. 112, 10–12). Почти все они найдены в погребениях X–VIII вв. до н.э. Однако появились они, судя по архаичному инвентарю погребения 29 (вытянутое положение скелета, ранние типы наконечника копья и листовидного клинка кинжала из бронзы), на рубеже средней и начала поздней бронзы (XVI–XIV вв. до н.э.). Такова, например, выразительная полая фигурка голубя из погребения 29 (Техов, 1980, с. 7, рис. 10, 4). Возможно, одно из ранних изображений скульптурной фигурки голубка украшало цилиндрическую пронизь из Кяфарского клада X–IX вв. до н.э. (Козенкова, 1998, табл. XI, 13). Скорее всего, именно голуби изображены и на приемниках фибул в погребениях 425 и 476, относящихся к VII в. до н.э. (Техов, 2002, табл. 153, 1, 2).

Самые поздние такие скульптурные изображения – как доказательство сохранения у позднекобанского населения солярного культа – имели место в погребениях VII–VI вв. до н.э. Например, литые фигурки на цилиндрических пронизях и на навершии бронзовой стержневидной булавки из собрания Е. Зичи в Баксанском ущелье, а также на похожей бронзовой булавке из случайных раскопок 30-х гг. XX в. близ с. Заюково в том же ущелье реки Баксан (Козенкова, 1998, табл. XI, 18; XXI, 9, 10). Подтверждает эту дату бронзовая булавка с навершием в виде двух подобных по форме птичек из погребения 7 (1971 г.) Каменноостского могильника (Козенкова, 1998, табл. XXI, 11).

Вторая разновидность второй группы скульптурных фигурок – это реалистически выполненные птицы в полете (рис. 2, 8, 13, 16), то есть с широко распластанными крыльями. О связи таких изображений именно с Верхним миром особо показательно может свидетельствовать бронзовая сложная привеска из Кобанского могильника. Основу ее составляет горизонтально расположенный крест с петлей в центре. К каждому концу креста на петлях подвешены четыре птицы с раскры-

тыми крыльями в полете (рис. 2, 16). То есть, безусловно, композиция представляет *сакральную* сцену единения божества Солнца и сопровождающих его летящих орлов (Уварова, 1900, табл. XXXIX, 15).

Третья, самая многочисленная и представленная рядом вариантов разновидность второй группы изображений скульптурно выполненных птиц – это птицы с синкретичными чертами. Это объемные фигуры водоплавающих в спокойной позе и орлов. Тело и хвост таких изображений было птичьим, а голова имела вид какого-либо животного. Это были либо головки баранов с закрученными рогами, либо хищника с острыми или круглыми ушками, либо какого-то животного с рожками, которые были обозначены выступающими бугорками (рис. 2, 8, 12, 14, 15, 20, 21). Во всяком случае, это были не только головки собаки, как полагает Х.Т. Чшиев, сравнивая их с образом авестийского Сэнмурва (Чшиев, 2005, с. 91–94).

Одно из древних изображений птички, по абрису напоминающей голубя, но с рожками-бугорками происходит из гробницы 2 могильника Терезе. Синкретическая фигурка представляла собой навершие бронзовой булавки, обнаруженной при зачистке дна гробницы, то есть в кремационном слое останков конца XII в. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 65, табл. XXI, 12; 2004, с. 120).

Многочисленно представлены скульптурные рогатые птички в спокойной позе в погребениях Тлийского могильника. Например, такая фигурка оказалась в комплексе инвентаря погребения 50, входившего в группу захоронений XII–X вв. до н.э., еще не содержащих железных вещей (Техов, 1980, с. 20, рис. 45(11), 5). К концу II тыс. до н.э. Б.В. Техов относит такую же птичку из погребения 480 (Техов, 2002, табл. 139, 7). Имелись они и в других погребениях этого могильника, датирующихся не позднее VIII в. до н.э. (Техов, 1977, с. 166, 167, рис. 112, 8). Заслуживает внимания литая статуэтка из двух рогатых, соединенных вместе птиц из гробницы 1 могильника Терезе (рис. 12, 4). Их хвосты дополнительно обведены единым рельефным литым пояском, имитирующим веревочку (Козенкова, 2004, табл. 48). Такая же фигурка из двух птичек, соединенных одной петлей, но только миниатюрного размера, предназначенная для ожерелья, также происходит из гробницы 1 (Козенкова, 2004, табл. 42, 11). В составе этого же ожерелья находилась и птичка с распахнутыми крыльями (рис. 2, 13). На голове у нее также просматриваются шарики-бугорки, свидетельствующие о синкретичности образа (Козенкова, 2004, табл. 42, 12).

Для восточного варианта кобанской культуры бронзовые рогатые птички являются исключением. Такая птичка известна пока только в Пседахском могильнике в погребении VIII–VII вв. до н.э. Собственно, памятник находится в контактной зоне с центральным вариантом (Козенкова, 1986, с. 141, 154, рис. 6, 7).

Более типичны для погребальных памятников Кобани, ее центрального и западного вариантов фигурки фантастических птиц с круглыми ушками какого-то неопределенного хищника (рис. 2, 20). Особенно они заметны в погребениях начала I тыс. до н.э. Кобанского могильника (Уварова, 1900, табл. XXXV, 2; Доманский,

1984, илл. 117–119). Но обнаружен такой же вариант и в Тлийском могильнике, например, в погребении 394 (Техов, 2002, табл. 68, 3). Самая ранняя фигурка уточки с головой хищника с круглыми ушками найдена в погребении 24, входившем в группу могил XIV–XIII вв. до н.э. (Техов, 1980, с. 6, рис. 8, 11, 13). Из случайных находок можно упомянуть птичку с круглыми ушками из Суаргома и такую же из Баксанского ущелья (Доманский, 1984, илл. 120, 121). В погребении 16 Кобанского могильника (раскопки Е. Шантра), относившемся, судя по наличию в погребальном инвентаре глиняной пиксиды конца XI–X вв. до н.э., к одному из ранних в могильнике, ушастые птицы сочетались с рогатыми (Козенкова, 1996, с. 23, рис. 7, 12, 16). В синхронном с этим по составу инвентаря погребении 15 ушастая водоплавающая птичка сочеталась с подобной же по форме тела, но с головкой барана (Козенкова, 1996, с. 22, 1, 2). Птичка с круглыми ушками хищника и треугольным хвостом имела место также в погребении 7/14 могильника Индустрия 1 (Козенкова, 1998, табл. XII, 19). Подобного же облика птичка третьей разновидности, но с заостренными концами ушей находилась среди предметов литейного брака в Верхнебаксанском кладе рубежа II – начала I тыс. до н.э. (Козенкова, 1989а, с. 20, табл. XXI, 26). Целая серия таких фигурок имела место в Эльхотовском могильнике конца IX – VII в. до н.э. (Чишев, 2005, с. 101, рис. 5).

Среди скульптур фантастических птиц кобанской культуры имеются настоящие шедевры бронзолитейного дела. К таким, безусловно, относится скульптура из сдвоенных птиц с головами баранов с закрученными мощными (турьими) рогами. Соприкасающиеся треугольные хвосты соединены дополнительно выполненной в литье рельефной выпуклой косичкой (рис. 12, 5). Это изделие, возможно пряжка, происходит из Кобанского могильника и хранится в коллекции Сенжерменского музея (Уварова, 1900, табл. XXXVIII, 9). Большинство же такого облика скульптур можно отнести к особому варианту второй группы, поскольку они имели на корпусе не крючки или петли, а круглые сквозные каналы (рис. 2, 15, 20, 21), что может свидетельствовать о том, что они служили привесками-оберегами. Но не только привесками.

Вероятно, следует обратить внимание на наблюдения В.Б. Антоновича, сделанные им при раскопках Кобанского могильника в 1879 г. В связи с предстоящим очередным Пятым Археологическим съездом, намечавшимся в Тифлисе, им было раскопан ряд богатых погребений кобанской культуры. Перечисляя и описывая погребальный инвентарь могилы 2, исследователь указал, что на предплечье левой руки покойника находился своеобразной формы *«браслет из двух птичек, соединенных хвостами при помощи тонкой спирали»*. Такой же браслет имелся и в погребении 5 (Антонович, 1882, с. 243, 245). Это свидетельство указывает на более *точное* предназначение фигурок бронзовых птичек, если бы они находились *in situ* и в других памятниках. Причем в конкретном случае, при упомянутом В.Н. Антоновичем факте сочетания с важными элементами погребального ритуала (*«угольки под костями»* и в засыпи могилы), все эти данные, бесспорно, указы-

вают на наличие солярного культа. Особо следует отметить некоторые варианты форм фантастических птичек из сильно разрушенного еще в XIX в. могильника Верхняя Рутха (Кумбулта), доследованного в 30-е гг. XX в. Е.И. Крупновым (*Крупнов*, 1960, с. 216–241).

Чрезвычайно важными для характеристики могильника Верхняя Рутха, в особенности, для уточнения хронологии памятника, оказались данные из раскопанной в 1974–1976 гг. Л.Г. Нечаевой, В.В. Кривицким и Н.Л. Членовой квадратной каменной гробницы («крематория») Верхняя Рутха (*Кривицкий и др.*, 1978, с. 76–78; *Козенкова*, 1996, с. 24, 31, рис. 13).

В результате среди разнообразных материалов, добытых в разное время в окрестностях местности Верхняя Рутха (Рахта), оказались литые фигурки второй группы, то есть синкретического облика: с головой животного и телом птицы. Но главная *локальная* их особенность заключалась в том, что наряду с фантастическими существами с треугольным хвостом водоплавающей птицы (*Крупнов*, 1960, табл. XLI, 2; XLII, 2; *Motzenbacker*, 1996, Taf. 67, 3, 4) здесь отливались фигурки, у которых была головка барана с закрученными рогами, тело птицы, но с хвостом в виде трех соединенных между собой, горизонтально расположенных круглых «лепешек» или шариков (рис. 2, 14) (*Крупнов*, 1960, табл. XLIX, 13; *Козенкова*, 1996, рис. 13, 6; *Motzenbacker*, 1996, Taf. 67, 1, 2).

Только такой вид фигурок был характерен и для вышеупомянутого «крематории» Верхняя Рутха, датировка которого определена авторами раскопок концом II – рубежом II–I тыс. до н.э. (*Кривицкий и др.*, 1978, с. 76–78; *Кривицкий*, 1986, с. 30–31). Комплексное сочетание в Верхнерутхинской гробнице обряда кремации с кобанским инвентарем и наличием среди него фигурок фантастических птиц является еще одним ярким свидетельством солярного культа у древнего населения центра кобанской культурно-исторической общности с довольно раннего периода ее существования.

Сакральность фантастических птицеобразных скульптур подчеркивается еще одним *локальным* их вариантом, обнаруженным только на могильнике Верхняя Рутха и только из раскопок Е.Н. Крупнова. Данная разновидность не представлена в других памятниках центрального варианта. А также и в других частях ареала кобанской культурно-исторической общности. Это были подвески, изображавшие фантастическую птицу в полете (рис. 2, 8). Существо имело голову барана с закрученными рогами, удлиненное тело оканчивалось небольшим треугольным хвостом, а серповидно изогнутые и оттянутые назад крылья подчеркивали как бы стремительную, «атакующую», позу (*Крупнов*, 1960, табл. XLIX, 17, 18).

В отличие от двух первых разновидностей фигурок птиц, особо следует отметить, что образная стилистика третьей разновидности второй группы имеет на территории распространения кобанских древностей более глубокие истоки. Так, рогатые птички с хвостами в виде трех бугорков имели место в коллективной гробнице № 16 могильника Верхняя Рутха, которую Е.И. Крупнов по составу погреб-

бального инвентаря («предшественниками *чисто* кобанских форм») относил «ко второй половине II тыс. до н.э., ближе к ее концу» (Крупнов, 1951, с. 58, рис. 19, 2), то есть, по моим разработкам, к Протокобанскому периоду (Кобан 1а).

Уходят вглубь этого же периода истоки формы и так называемых «химер» (по выражению П.С. Уваровой) – наивысший в виде фантастических птиц с распахнутыми секировидными крыльями, головками баранов с мощными закрученными рогами и петлей в верхней части изделия (рис. 2, 13). Территориально они происходят из высокогорных могильников Дигории близ сел. Фаскау и Кумбулта (Верхняя Рутха). В настоящее время известно около двух десятков таких фигур: 11 хранятся в фондах Государственного Исторического музея в Москве (соответственно 9 из Фаскау и 2 из Верхней Рутхи); 7 находятся в составе Собрания Аделаиды Коссниерской в музее Праистории в Берлине (Мошинский, 1988, с. 34–36, рис. 1; *Motzenbacher*, 1996, Abb. 54).

По форме они представляли собой литые пластины-подвески в виде изображений птиц в полете, с распластанными крыльями, но с головами баранов. Поверхность пластин обильно украшена орнаментом в виде поясов из елочек, выемчатых треугольников и колесовидных солярных значков на «хвосте».

А.П. Мошинский интерпретировал подвески не только как изображение птиц в полете, но видел в них другую ипостась, а именно изображение двойной секиры. При этом придавал этой интерпретации приоритетное значение как культовому, сакральному по назначению. Что касается хронологии пластин-подвесок, то исследователь, проанализировав и связав истоки их формы с формой топоров второй половины II тыс. до н.э. типа Фаскау 7, по С.Н. Корневскому, убедительно датировал их протокобанским временем (Мошинский, 1988, с. 38). В связи с этими находками, сложными по своим стилистическим элементам, следует упомянуть о гипотезе их семантики, предложенной В.Т. Чшиевым. Смысловая расшифровка символов отдельных частей фигуры таких птицеобразных блях не только как мифологическое и сакральное видение ранними жителями кобанской культурно-исторической общности мироздания, но и как раскрытие трех основных страт социосистемы их общества (вожди (жрецы), класс воинов, класс аграрных производителей), представляется безусловно интересным и доказательным примером существования параллельных культурных универсалий, а не обязательно «древнеиранской идеологии» (Чшиев, 2014а, с. 121–124).

Чрезвычайно близка к гипотезе А.П. Мошинского интерпретация секировидных фигур птиц третьей разновидности второй группы, изложенная в монографии И. Мотценбеккера. В его типологии они обозначены как подвески в виде двойной секиры форм Д (*Doppelaxtanhanger Form D*) и датированы XIV–XIII вв. до н.э. (*Motzenbacher*, 1996, s. 111–113, 122, Abb. 12). Важным для подтверждения этого хронологического периода оказался спектральный анализ одной такой подвески из Собрания Коссниерской. Он показал большой процент сурьмы (6.43) и мышьяка (9.15). Так же как и А.П. Мошинский, исследователь полагает,

что секировидные подвески в образе синкретических птиц являлись атрибутом религиозно-культовых церемоний. Все изложенное выше позволяет предполагать, что культ Верхнего мира, во всех его ипостасях, сложился в мировоззрении и мироощущении древнего населения ареала кобанской культурно-исторической общности уже в период формирования их культуры, то есть в Протокобанский период (Кобан 1а). Особо следует подчеркнуть, что самый ранний образ барано-птицы может быть проявлением еще одной черты культурной *специфики*, причем только центральной части ареала кобанской культуры. Самая поздняя реплика этого образа засвидетельствована в погребениях лишь восточного варианта культуры, в форме сильно стилизованных массивных блях, так называемого «типа Исти-су» (Козенкова, 1977, с. 86, табл. XXV, 4).

Итак, для солярного культа населения кобанской культурно-исторической общности было характерным преобладание схематических знаков – символов божества Солнца. Большинство изображений такой знаковой символики (круги, кресты, плоские спирали, свастика и т.п.) находит аналогии с такими же изображениями на древних предметах других культур, например, колхидской и других культур Закавказья и даже древнейших индоевропейцев. Реализмом с некоторой долей схематизации отличаются в кобанском искусстве, посвященном солярному культу, только изображения коней и птиц, главным образом орлов и голубей. Заметно выделяются две разновидности *специфически* кобанских изображений птицеобразных существ с головами животного и телом птиц. Особо изощренно украшались солярными знаками аксессуары костюма и предметы вооружения. Наиболее массово они представлены в ареале центрального варианта. Спецификой восточного варианта было использование глины для ряда поделок, связанных с обожествлением небесной сферы (фигурки коней, знаки на керамике).

III. Мировоззренческие формы и их символы (анимизм, культ усопших и т.п.) в представлениях населения ареала Кобани о Среднем (земном) мире

Мифологический синкретический образ вышеописанных птицеобразных существ третьей разновидности второй группы, видимо, олицетворял неразрывное единство Верхнего мира со Средним миром, то есть миром Земли во всем его многообразии. Этот мир охватывал все стороны жизненного бытия населения кобанской культуры и осмысливался ими, возможно, даже более сложно, чем Верхний мир. Об этом можно догадываться по многочисленному перечню артефактов, свидетельствующих о наличии культов, которые, бесспорно, увязываются главным образом с земным существованием жителей ареала Кобани.

В первую очередь можно предполагать, опираясь на многочисленные данные кавказской этнографии (Т. Мамаладзе, Е. Шиллинг, Л.П. Семенов, Л.Я. Люлье и многие другие), существование *анимизма* как формы первобытного миропонимания, рассматривающей все наполнение Среднего мира как одушевленной субстанции. Это мировоззрение распространялось не только на антропоморфные существа, но также на животный и растительный миры. Причем, судя по наличию многочисленных и разнообразных миниатюрных моделей вещей, не исключено существование многобожия, которое долго сохранялось в виде пережитков язычества у современного населения (Лаудаев, 1872; Джанашия, 1917; Чурсин, 1929), некогда составлявшего ареал Кобани (духи и божества леса, деревьев, воды, разных зверей, гончарства, кузнечества и т.п.).

Именно к Среднему (земному) миру можно отнести многочисленные в ареале кобанской культуры глиняные и бронзовые антропоморфные статуэтки (рис. 4, 1–14). При культовых церемониях, связанных с поминальными днями в честь предков или с поклонением Матери-прародительнице, они могли обозначать как ритуальное поклонение, так и мольбы о насущном. Однако имелись не только женские изображения или мужские, но и фантастические с головой животного (рис. 8, 2). Подобная глиняная статуэтка мужчины с головой собаки с обвислыми ушами происходит из слоя XI – начала VII в. до н.э. Сержень-Юртовского поселения (Козенкова, 2001, рис. 83, 11).

В могильниках центрального варианта обнаружено не более 5 бронзовых антропоморфных статуэток. Также единичны такие находки на западе распространения кобанской культуры. В то же время на востоке при эпизодичности находок бронзовой антропоморфной скульптуры периода расцвета Кобани оказались типичными глиняные фигурки людей. Так, в слое Сержень-Юртовского поселения обнаружено 70 экземпляров примитивной формы скульптур (Козенкова, 1982, с. 67).

В контексте поставленной темы конкретная *специфика* круга мифологических персонажей земного (Среднего) мира в каждом локальном варианте ареала кобанской культуры проявляется целым рядом особенностей. Главная общая специфическая особенность – материал художественных изделий. Для восточного варианта характерно изготовление подавляющего числа объемных статуэток людей, животных или отдельных частей последних из глины. Довольно редки бронзовые и роговые изделия. Единичны на вещах изображения живых существ, выполненные гравировкой и чеканкой. Для центральной части ареала Кобани и ее западного варианта характерна главным образом бронзовая пластика или гравированные рисунки на бытовых (бронзовые пояса, пряжки, фибулы), культовых предметах, а также на некоторых категориях оружия (топоры).

Что касается смыслового, мировоззренческого содержания, то во многом, судя по составу пантеона антропоморфных статуэток и фигурок животных, оно было во многом сходно.

Заметна роль изображения женского божества, возможно, богини, покровительницы всего сущего, связанной как с Верхним миром, так и со средней частью мироздания. В памятниках ареала кобанской культуры известно около десятка бронзовых объемных скульптур женских фигур и не менее 60-ти таких фигурок, вылепленных из глины (рис. 4, 5–7). Они происходят как из могильников, так и из слоев поселений. Специфические особенности довольно ярко проявляются здесь в следующем. Так, для восточного варианта характерно преобладание глиняных, примитивных очертаний, объемных женских фигурок (рис. 4, 11, 16). Они обнаружены только в слоях поселений, главным образом в слое XI – начала VII в. до н.э. Сержень-Юртовского поселения (Козенкова, 2001, рис. 82), и лишь эпизодически встречены в других пунктах проживания. Даже по примитивному в виде столбиков исполнению, уходящему в глубь субстрата эпохи энеолита (Джавахишвили, Глonti, 1962, с. 63; Козенкова, 1966, с. 74, 75, рис. 25, 1–3), бесспорно видно, что представлены, как и в глубокой древности раннего бронзового века, персонажи в позе адорации, то есть с протянутыми вперед и вверх руками. Такова, например, женская фигурка из слоя на мостовой № 2 конца II – начала I тыс. до н.э. (Козенкова, 2001, рис. 22, 2). Не менее выразительна статуэтка женщины из слоя в бронзолитейной мастерской № 3 близ помещения X Сержень-Юртовского поселения (Козенкова, 2001, рис. 52, 3).

Чрезвычайно редки в ареале восточного варианта женские изображения из бронзы. Наиболее ранним из них является булавка с навершием в виде рельефно

выполненного поясного изображения женской фигуры в молитвенной позе с поднятыми вверх руками. Булавка находилась в погребении 81 Сержень-Юртовского могильника и датируется концом XI – X в. до н.э. (рис. 4, 8) (Козенкова, 2002, с. 128, таблица VI; табл. 58, 12). Уникальна и вторая бронзовая булавка из этого же могильника. Ее венчало навершие из трех изящных объемных женских фигурок. Булавка составляла часть ансамбля головного убора богато украшенной дамы из погребения 41 (рис. 4, 13). По хронологии могила входила в группу конца X – IX в. до н.э. (Козенкова, 2002, с. 128, таблица VI; табл. 29, 9).

Для центрального и западного вариантов кобанской культуры характерны *только* бронзовые литые статуэтки женского божества. Причем встречены они крайне редко и исключительно в могильниках. Такова реалистически выполненная, с проработанными деталями фигуры, женская статуэтка-подвеска из погребения 244 Тлийского могильника (рис. 4, 3). По характеру погребального инвентаря погребение входит в группу могил, датированных Б.В. Теховым XII–X вв. до н.э. (Техов, 1980, с. 41, рис. 105, 4). По мнению О.А. Брилевой, статуэтка может быть датирована X–VIII вв. до н.э. (Брилева, 2012, с. 330, кат. 383). Пять близких по исполнению бронзовых статуэток обнаженных женщин-богинь происходят из погребений с инвентарем начала I тыс. до н.э. Кобанского могильника (рис. 4, 2) (раскопки Ж. де Моргана, Р. Вирхова, А.С. Уварова). Датировка их IV–III вв. до н.э. О.А. Брилевой (Брилева, 2012, кат. 439, 441, 443, 447, 597), на мой взгляд, представляется не соответствующей действительности. Все известные находки из могил, раскопанных указанными выше исследователями, относятся типологически и по аналогиям к лучше изученным позднее таким же могильникам; в первую очередь с комплексными наборами инвентаря Тлийского могильника, и свидетельствуют о времени от рубежа X–IX и не позднее начала VII в. до н.э. Более поздние материалы, в особенности явно позднекобанского облика (V–III вв. до н.э.), в этой части Кобанского некрополя отсутствовали. Возможно, приведенные в книге столь поздние даты относятся к издательским погрешностям.

В свете вышесказанного не может быть отнесена к столь же позднему периоду и бронзовая женская фигурка, прижимающая к груди ребенка (Доманский, 1984, илл. XXVI; Марковин, 1986, с. 92, 97, рис. 13, 11; Брилева, 2012, с. 346, кат. 461). Она происходит из сборов К.И. Ольшевского, добытых им также в ранней части погребального поля Кобанского могильника, стилистически не отличается от остальных ранних женских статуэток из этого памятника, отражая по смыслу лишь другую ипостась высшего женского божества, а именно покровительницу рожениц (Марковин, 1986, с. 92). Этот образ, судя по примитивной глиняной статуэтке V типа из гончарной мастерской № 6 Сержень-Юртовского поселения, имел место и считался также и на востоке ареала культуры. Мастерская № 6 относится примерно к середине VIII в. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 68; 2001, с. 85, табл. 5, рис. 47, 6).

Только бронзовая антропоморфная пластика имела место на территории распространения западного варианта кобанской культурно-исторической общности.

Однако по сравнению с территорией центрального варианта ее находки здесь единичны. Причем все, за исключением одной, представляли женщин (Козенкова, 1998, тип XVIII, подтип 2). Две из них изображали верхнюю часть человеческой фигурки со схематически намеченными контурами головы, плеч и рук в позе адорации (рис. 4, 10, 14) (погребение 7/14 могильника Индустрия-1; случайная находка в окрестностях гор. Черкесска начала I тыс. до н.э.). Тем самым они напоминали глиняные фигурки восточного варианта (Козенкова, 1998, с. 45, табл. XII, 30, 31). Особо выделяется в группе высококачественно отлитая женская фигурка в полный рост из случайно разрушенной могилы близ сел. Лашкуты в Кабардино-Балкарии (рис. 4, 12). Статуэтка входила в состав сложного, явно ритуального нагрудного украшения конца II тыс. до н.э. Обнаженная, исполненная в реалистической манере статуэтка была украшена ожерельем и поясом в виде рельефной косички. На голове – таким же образом сплетенный венок (Козенкова, 1998, табл. XXVI, 1a). Судя по тому, что в состав ожерелья входила вереница из литых головок хищников и рельефной головки горного козла, оно связано с культом одного из божеств, возможно, покровительницы лесов и гор. Не исключено, что ожерелье составляло часть облачения местного жреца при совершении определенных ритуальных церемоний.

Особенностью религиозного мира населения кобанской культуры является преобладание в антропоморфной пластике объемных скульптур мужских божеств, связанных со Средним миром (рис. 4, 1, 4, 9). Причем, по сравнению с женскими статуэтками, их сакральное предназначение было более разнообразным, чем у женских фигурок. Они представлены в ареале кобанской культурно-исторической общности, главным образом в погребальных памятниках, как отдельные персонажи или как групповые герои различных явно культовых сюжетов. Наиболее яркий пример – статуэтки Казбекского клада, где представлены участники религиозной церемонии (Цитланадзе, 1963, с. 58).

Самой ранней скульптурой, вероятно, следует признать статуэтку из разрушенного могильника Верхняя Рутха (центральный вариант) в Собрании Аделаиды Коссниерской. Литая объемная фигурка представляла мужчину, стоявшего на плоской планке. В левой руке он держал предмет, похожий на палицу (Motzenbacher, 1996, Taf. 69, 8; s. 170, № 632). Судя по тому, что весь состав вещей из собрания относился к ранней группе материалов Верхнерутхинского могильника, дата которых не позднее Протокобанского периода Кобан 1б, статуэтка может быть датирована этим же периодом, то есть концом II тыс. до н.э. (Козенкова, 1996, с. 90, табл. 1). Более определенна дата мужской головки из богатого инвентарем погребения 210 в Тлийском могильнике (рис. 4, 4). Захоронение принадлежало младенцу. По мнению Б.В. Техова, погребение входило в группу могил XII–X вв. до н.э. (Техов, 1980, с. 35, рис. 91, 3). Три бронзовые объемные литые мужские статуэтки происходят из могил начала I тыс. до н.э. Кобанского могильника, Донифарса и Кумбулты (Хор-гон). Представляется, что дата их, как и вышеуказан-

ных женских, необоснованно омоложена на 3–4 века, и только по стилистическим особенностям, а не по всему контексту неверно отнесена О.А. Брилевой к позднекобанским (Алексеева, 1949, табл. VIIIб, 4; Брилева, 2012, с. 344, кат. 449, 450; Доманский, 1984, илл.181).

Особенно выразительна в контексте темы данного исследования мужская фигурка в молящейся позе (знак ферта) из Кобанского могильника в Собрании А.А. Бобринского (Доманский, 1984, илл. 180; Брилева, 2012, с. 345, кат. 459). В могилах одиночные фигурки подобного облика, скорее всего, связаны с культом предков, олицетворяя обожествленных родоначальников семей или семейных кланов (Алборов, 1928, с. 349, 362; Шиллинг, 1931, с. 14, 20). Иногда такие сакральные символы в виде фигурок родоначальников-покровителей украшали и бытовые вещи. Примером может служить изящная бронзовая булавка из Кобанского могильника. Ее навершие было в виде объемной скульптуры мужчины на коне (Козенкова, 1996, рис. 20, 17). Изделие, скорее всего, являлось постоянным оберегом владельца. Среди материалов на восточной окраине ареала культуры подобного рода оберегом была головка мужчины на портупейном крюке VI–IV вв. до н.э. из Хасавюрта (Брилева, 2012, с. 336, кат. 410). Чрезвычайно редко представлены литые реалистически изготовленные одиночные мужские статуэтки на территории распространения западного варианта. Известна лишь одна такая фигурка (рис. 4, 9) из случайных находок в окрестностях сел. Хабаз в Кабардино-Балкарии (Козенкова, 1998, с. 45, табл. XII, 29а).

Материалы Сержень-Юртовского поселения восточного варианта приоткрывают существование еще одного функционального назначения антропоморфной пластики. В бытовой практике изготовление фигурок антропоморфных божеств было приурочено к определенным дням, после которых они теряли свою ритуальную сущность, повреждались и подвергались утилизации.

Существование подобной практики приоткрывают материалы Сержень-Юртовского поселения, где в ямах рядом с развалами жилых строений находились многочисленные разбитые статуэтки. По смыслу и назначению такие предметы были как бы связующим звеном между земным Средним и Верхним мирами. Это могли быть просьбы и молитвы о благосостоянии, о всевозможной помощи в быту, работе и охоте. Причем церемонии проходили как в общепоселковом святилище в форме пентагона с культовыми очагами внутри, так и в специальных семейных культовых помещениях при домах. От последних сохранились жертвенники двух видов. Типичны невысокие овальные площадки, на которых были уложены плотными рядами челюсти свиней и поверх уложен череп крупного рогатого скота (рис. 4, 15). Здесь же находились миниатюрные копии бытовых предметов, среди которых имела и антропоморфная пластика (Козенкова, 2001, с. 12–14, 25–28, рис. 58). Более редки жертвенники прямоугольной формы в виде жаровни с невысоким бортиком и тщательно вымазанным полом. Особенно показателен жертвенник № 6, по содержанию находок, скорее всего, остаткам свидетельства

ритуала благополучной охоты на кабана и оленя (рис. 4, 17). Внутри жаровни находились следы пепла, рядом обожженные челюсти свиньи, кости половины туши свиньи в правильном анатомическом порядке и обожженные обломки оленьих рогов. С восточной стороны жертвенника стояла глиняная антропоморфная женская статуэтка в позе адорации (рис. 4, 16) (Козенкова, 2001, с. 26, 163, рис. 60, 2–4).

В ареале центрального варианта кобанской культуры выразительное представление об общепоселковом, постоянно использовавшемся культовом святилище дают его остатки в Змейском поселении XII–VIII вв. до н.э. Специальное сооружение (объект 6) состояло из обожженной докрасна глинобитной площадки с лежащими на ней глиняными полуобожженными грушевидными фигурами, первоначально установленными здесь по линии ЮЗ – СВ. Высота фигур более 70 см, и по общему абрису они напоминали примитивных антропоморфных идолов. Вокруг площадки были расставлены 10 своеобразных глиняных предметов грибовидной формы («подставки»). Кроме того, здесь же стоял небольшой сосуд – тщательно лощеный до зеркального блеска небольшой черпак с высокой петлевидной ручкой. Святилище находилось в северо-восточной части поселка, но фрагменты грибовидных предметов и других культовых вещей, например, таких как глиняные лепешка и антропоморфная статуэтка, обнаружены вне его, около развала остатков турлучных жилищ (Деоник, Крупнов, 1961, с. 16; Козенкова, 1996, рис. 15). Следы огня (пепел, угли, обожженные до красного цвета куски обмазки) свидетельствуют о культовых церемониях, связанных с соляным культом. Ритуальный комплекс, открытый при раскопках помещения 2 на поселении Уллубаганалы 2 X–VIII вв. до н.э., как будто свидетельствует о сходстве культовых церемоний у жителей на западе кобанской культуры и на территории ее центрального и восточного вариантов. В северо-западном углу помещения находилась возвышенная глинобитная площадка овальной формы, размером 0,6 x 0,4 м, близко напоминающая площадки-жертвенники Змейского и Сержень-Юртовского поселений. Площадка имела ярко-красный цвет от длительного горения на ней огня. Вокруг площадки стояли *in situ* глиняные сосуды (Козенкова, 1989а, с. 64, табл. II, 3). Комплекс, очевидно, связан с ритуальной церемонией, посвященной земледельческому культу.

Специальные поминальные места на могильниках – несомненное свидетельство *культа усопших*. Особенно наглядное представление о его существовании дают материалы Сержень-Юртовского могильника. На каждом из 22 семейных участков некрополя между могилами находилась пустая площадка, вокруг которой были оставлены в память о посещении умерших либо бусы, либо украшения (височные кольца, фибула), иногда оружие, но чаще всего тризна – глиняные горшки баночной формы, вероятно, с жидкой поминальной пищей (Козенкова, 2002, с. 53, рис. 20). Для западного варианта, в могильнике Уллубаганалы 2 конца VII – VI в. до н.э., отмечена такая своеобразная деталь погребального обряда, как чашечный камень – массивная каменная плита с круглой ямкой (Козенкова, 1989а, табл. XXXII, 7). Особая важность находки в том, что она бесспорно свидетельству-

ет о глубокой древности поминального обычая церемонии возлияния на чашечном камне какого-либо напитка в память о покойниках. Дериваты этого обычая сохранялись в западной части Северного Кавказа, например, в Адыгее, что наблюдалось автором во время конференции «Крупновские чтения» еще в конце XX в.

К Среднему миру относились дикие животные, а также все домашние животные (рис. 3, 5–9). В кобанском художественном творчестве хорошо выделяются семь видов диких животных. Это волк, медведь, дикий кабан, олень, лось, дикий бык. Но особенно типично изображение горного барана, составляющее *специфику* сакральной традиции, главным образом центрального варианта кобанской культуры. Подсчеты, проведенные Е.Е. Васильевой только по памятникам Дигории, составляют 293 экземпляра (Васильева, 2016, с. 70, табл. 2). В погребениях Тлийского могильника насчитывается более 20 экземпляров изображений барана в виде отдельных статуэток или отдельных частей (головы), а также графических рисунков на других предметах (топоры, пряжки, пояса) (Техов, 1980, 1981, 1985, 2001, 2002).

К особенностям религиозного мировоззрения населения кобанской культурно-исторической общности относится поклонение мифическому зверю (рис. 3, 9; 8, 15), сочетавшему в своем облике черты кошачьего хищника, собаки и водоплавающего существа («гвера»). Изредка такие изображения могли иметь конский хвост, как у «гвера» на лопасти топора из погребения 342/1 Тлийского могильника (Техов, 2002, с. 281, табл. 8, 1). О безмерном почитании его свидетельствует подавляющее число изображений не только в виде целых бронзовых скульптур или частей тела, но и в виде гравированных или чеканных рисунков на парадных бронзовых топорах (Скаков, 1997, с. 73–79), навершиях булав, скипетрах, пряжках от пояса, фибулах и пинцетах.

Массовые изображения диких животных, со значением сакральных функций при отправлении бытовых и поминальных культов, обнаружены в памятниках центрального варианта, главным образом в Кобанском и Тлийском могильниках. Хотя в единичных случаях они представлены в памятниках всего ареала культуры (Уварова, 1900; Техов, 1980, 1981, 1985, 1988, 2002; Козенкова, 2002).

Такая постоянная повторяемость изошпренно выполненных рисунков и литых объемных фигурок позволяет достаточно уверенно предполагать, что большинство диких животных Среднего мира являлись тотемами семей и родов местного населения на протяжении веков. Но нельзя исключать, что часть из них была предметом поклонения тем невидимым «высшим и низшим», по выражению Л.П. Семенова, божествам природы, с которыми все эти звери и фантастические существа имели неразрывную связь (Семенов, 1928, с. 238). Примером может служить упомянутая выше оригинальная глиняная статуэтка в виде обнаженного мужчины с головой собаки из раннего слоя Сержень-Юртовского поселения восточного варианта (Козенкова, 2001, рис. 83, 11).

Не менее популярным, чем баран, судя по многочисленным изображениям на предметах всего ареала кобанской культуры, был олень (рис. 5, 1–9). Для цен-

трального варианта характерны либо целые литые статуэтки (рис. 5, 2, 3, 6, 8), либо в виде гравированных изображений на топорах, поясных пряжках (рис. 5, 4) и в жанровых сценах на бронзовых поясах. Они происходят из Кобанского и особенно массово представлены в Тлийском могильниках (*Доманский*, 1984, с. 60, илл. XIX; рис. 108; *Chantre*, 1886, pl. III, 4; *Техов*, 1988, рис. 55–57; 2002, табл. 149, 2; 150, 1, 2, 5). Общий подсчет Е.Е. Васильевой по могильникам горной Дигории (Камунта, Верхняя Рутха) составляет 15 экземпляров (*Васильева*, 2016, с. 72, табл. 2). В то же время только из погребений одного Тлийского могильника изображения оленя составляют 15 экземпляров.

Для восточного варианта специфичны налепные рельефные изображения на глиняных сосудах (рис. 5, 7, 9). Об этом свидетельствуют либо изображения на стенках биконических сосудов налепных рогов, либо целых фигур этих животных на таких сосудах из погребений 12, 28, 52, 66 Сержень-Юртовского могильника. Так, на подобном сосуде в погребении 12 (рис. 5, 7) олень изображен с всадником в виде примитивного антропоморфного столбика (*Козенкова*, 2002, табл. 8, 14; 18, 9; 41, 5, 6; 52, 6, 14). Изредка изображения налепных рогов оленя (*Козенкова*, 2001, с. 181, рис. 78, 63, 64) имели место и на сосудах Сержень-Юртовского поселения.

Как исключение на территории восточного варианта обнаружены литые бронзовые фигурки оленей, среди которых выделяется, например, великолепный олень в галопе из средневекового святилища близ сел. Джерах в Ингушетии. Однако Л.П. Семенов совершенно справедливо полагал, что «предмет этот гораздо древнее самого святилища и приближается к типу кавказских изделий, датируемых ранним железным веком» (*Семенов*, 1928, с. 194). Не исключено, что к VII – началу VI в. до н.э. относится бронзовый ритон с протомой оленя. Он найден в Аргунском ущелье, вероятно, в окрестностях сел. Шарой (рис. 5, 5).

Довольно редки фигурки оленя в ареале западного варианта кобанской культуры. Такая статуэтка, в частности, происходит из гробницы 1 могильника Терезе (рис. 5, 8) (*Козенкова*, 1998, табл. XII, 27). Многие кавказские народы связывают изображение оленей с охотничьим культом. Именно верхом на олене являлся людям «царь лесной», горный бог охоты Афсати в эпических нартовских сказаниях (Нартский эпос, с. 121, 144). Традиции кавказской охотничьей поэзии связывают божество охоты, и оленя как его символ, с роженицами, покровителем которых он многие века считался (*Вирсаладзе*, 1976, с. 186, 187).

В связи с вышесказанным уместно привести свидетельства известного кавказоведа и знатока осетинской археологии и этнографии Б.В. Техова, который писал: «Култ этого животного был распространен настолько сильно, что в устном народном творчестве и в Нартовском эпосе осетин он становится одним из главных персонажей. К нему обращены самые лестные выражения и симпатии людей. В отличие от прочих животных олень всегда пользовался особым уважением и почетом. Он – излюбленное животное осетинского фольклора, а оленьё мясо – обязательное угощение всего нартовского пиршества. Его рога и поныне можно встретить в не-

которых осетинских семьях, особенно в горах, где они выставлены на самом видном месте, и обращаются с ними как со святыней» (Техов, 2002, с. 262).

Судя по находке высококачественно отлитой бронзовой статуэтки оленя близ «станции Казбек», видимо, из клада VI–IV вв. до н.э., культ и почитание этого животного Среднего мира оставался и в позднекобанский период (Доманский, 1984, илл. 146).

Чрезвычайно редки на предметах кобанской культуры изображения лося, что свидетельствует о малом значении этого зверя в ритуальной традиции племен кобанской культурно-исторической общности. Эпизодичным выглядит такое рельефное изображение на фрагменте глиняного сосуда (рис. 8, 14), найденного в слое Сержень-Юртовского поселения при зачистке пола в помещении VI, относившегося примерно к X–IX вв. до н.э. (Козенкова, 2001, с. 15, 85, рис. 39, 17; табл. 5). Любопытно отметить, что в древних общеиндоевропейских лексемах семантика лося и оленя обозначается, по сути, как взаимозаменяемая. Оба животных характеризуются особой культово-ритуальной значимостью (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 519).

Судя по приведенным выше подсчетам, не менее, а, может быть, более важная роль в мировоззрении населения кобанской культуры принадлежала горному барану, олицетворявшему еще одно божество Среднего, требовавшее неукоснительного исполнения всевозможных культовых церемоний. О существовании этого культа свидетельствуют находки по всему ареалу кобанской культурно-исторической общности многочисленных статуэток этого животного в виде либо целых фигурок, либо отдельных частей (головок, рогов), либо графических рисунков на некоторых предметах быта (рис. 6, 2, 3, 7, 8).

Из вышеприведенных подсчетов следует, что большинство таких изделий происходит из могильников центрального варианта. Наиболее показателен в этом плане, безусловно, Тлийский могильник, в погребениях которого такие изделия исчисляются десятками. Особенно массово представлены крупные головки баранов с дважды изогнутыми большими рогами, например, в погребениях 17, 56, 105, 217, 283 и многих других, датированных Б.В. Теховым XIV–IX вв. до н.э. (Техов, 1980, табл. 35, 2; 21, 9–12; 73, 16–19; 1981, табл. 83, 1). Подобные головки встречены и в древностях Кобанского могильника (Уварова, 1900, табл. XXXV, 3, 4). Эти подвески были, видимо, тотемными знаками, поскольку почти без морфологических изменений представлены и в тлийских погребениях VII–VI вв. до н.э. 338, 341, 345, 348 (Техов, 2002, табл. 5, 17; 7, 4; 12, 4; 13, 2). Изредка в Кобани и Тли встречены экземпляры, на лбу которых имелся круглый выпуклый солярный знак (Доманский, 1984, илл. 129), что может свидетельствовать о наличии в мировоззрении местного населения представления о связи горного барана с Верхним миром.

Только на территории расселения племенных групп местного населения центрального варианта, главным образом в Тлийском могильнике, обнаружены целые

литые бронзовые фигурки горных баранов. Наиболее ранние из них относятся к IX–VIII вв. до н.э. (погр. 415, 421), но использовались при похоронных ритуалах вплоть до VII–VI вв. до н.э., например, в погребениях 335, 393, 451 (Техов, 2002, табл. 2, 2; 67, 6; 88, 5; 96, 6; 121, 8). Иногда передняя часть литых баранов служила навершием посохов (Техов, 2002, погр. 385, табл. 60, 4). Обнаружены целые литые фигурки горных баранов и в других известных кобанских могильниках. Например, в Верхне-Кобанском могильнике особо выделяется высокопрофессионально отлитые фигурки из Собрания графа А.С. Уварова. У статуэток хорошо проработаны детали: морда, выпуклые глаза, круто закрученные рога. На их особо культовое значение указывает тщательно заплетенная в косички шерсть всего тела (рис. 6, 3) (Уварова, 1900, табл. XXXV, 9; Доманский, 1984, илл. 104). В Верхнерутхинском могильнике выделяются довольно крупные литые подвески в виде фантастических фигур из трех или четырех головок баранов. Такая же синкретическая форма оберегов составляла специфику и в гробнице с трупосожжениями («крематорий») в могильнике Верхняя Рутха конца II – начала I тыс. до н.э. (Козенкова, 1996, с. 31, рис. 13). Некоторые изделия украшены целыми композициями, в которых заметное место принадлежит изображению горного барана. Таков великолепный по изображениям, вероятно культовый, бронзовый кинжал, рукоятка которого украшена объемными фигурами волков, держащих в зубах горных баранов. Кинжал происходит из Верхне-Кобанского могильника (Козенкова, 2013, с. 90, рис. 44, 1, 1a). В контексте темы важно отметить, что сюжет, возможно, олицетворяет культовую связь волка с общекавказским культом горного барана как особого божества – покровителя мелкого рогатого скота.

В ареале восточного варианта известны лишь глиняные объемные статуэтки, изображавшие, скорее всего, домашних баранов (рис. 6, 1, 4, 9, 10). Хотя они не имели рогов, но по очертаниям морды, вытянутой и пригнутой книзу, а также по общему контуру тела весьма близки к бронзовым экземплярам. Все они происходят из раннего слоя Сержень-Юртовского поселения, главным образом из развалин жилых помещений (Козенкова, 2001, рис. 37, 10–13), из приношений в жертвенниках или из слоя гончарных мастерских (Козенкова, 2001, рис. 46, 6–8; 47, 11). В последних – иногда в виде бракованных полуфабрикатов. Всего в слоях Сержень-Юртовского поселения обнаружено 29 экземпляров этого животного. Общее местоположение находок в слое жилищ, в жертвенниках, в ямах (в последних часто в виде полуфабрикатов) свидетельствует о том, что, несомненно, существовал обычай перманентной церемонии всевозможных дарений в определенные дни божествам – покровителям мелкого рогатого скота. Подобные фигурки в таких сакральных церемониях как бы олицетворяли жертву из настоящих животных. Отголоском подобных церемоний у некоторых народов Кавказа, например, у сванов, можно считать изготовление ко дню похорон поминальных фигурных печений в виде туров, оленей, баранов и овец (Шиллинг, 1931, с. 85, рис. 26).

Как исключение, на востоке имели место и бронзовые изображения баранов. Примером может служить находка в каменном ящике 15 Зандакского могильника бронзовой литой подвески (рис. 6, 11) в виде головки барана со слегка загнутыми рогами (Марковин, 2002, с. 43, рис. 28, 3). Погребение, судя по роговому конскому уздечному набору, датируется не ранее рубежа II–I тыс. до н.э.

На западе расселения кобанских племен обычай почитания божества, олицетворением которого являлся горный баран, менее фиксируется находками. Пока не известны и целые фигурки. Но все же на наличие культа этого животного указывает довольно большое число бронзовых поделок, украшенных бараньими рогами. К сожалению, большая часть этих предметов – случайные находки. Наиболее ранняя из них пронизь, украшенная четырьмя головками баранов, из Былымского клада (Козенкова, 1998, табл. XII, 7). В состав этого же клада входили и бронзовые стержневидные булавки с навершиями в виде головок баранов (Козенкова, 1998, табл. XXI, 8, 13). Бронзовая булавка с навершием в виде двух бараньих головок, смотрящих в противоположные стороны, найдена в разрушенном погребении близ сел. Заюково в Баксанском ущелье (Козенкова, 1998, табл. XXI, 5). Оттуда же происходит оригинальная литая привеска в виде уплощенной пластинки, одна сторона которой украшена тремя рельефными стилизованными головками баранов с закрученными рогами (Козенкова, 1998, табл. XIII, 25). Мелкие бронзовые привески с головками баранов засвидетельствованы также в раннем разрушенном погребении 15 Инжиччукунского могильника конца II тыс. до н.э. Культ мифического горного барана как покровителя мелкого рогатого скота фиксируется по находкам в могильниках на западе ареала кобанской культуры вплоть до VI в. до н.э. Например, в погребении 14 могильника Уллубаганалы-2, а также в погребении 6 Этокского могильника имели место изящные привески к ожерелью в форме передней части баранов (рис. 6, 6) (Козенкова, 1998, табл. XI, 19; XII, 15). Этнографические данные конца XIX – начала XX в. сохранили свидетельства поклонения духам оленей и баранов. Так, А.П. Берже писал, что жители Большой и Малой Чечни даже при отправлении христианских праздников приносили в жертву домашних и диких животных. В молельных помещениях можно было видеть «навешанных на стенах и наваленных в беспорядке турьих, бараньих и оленьих рогов и значков... Места эти глубоко чествуются... Праздники сопровождаются резаньем баранов...» (Берже, 1859, с. 83, 84). О сложенных у святилищ ингушей в огромном количестве оленьих рогах еще в конце 20-х гг. XX в. сообщают Б.А. Алборов и Л.П. Семенов (Семенов, 1928, с. 192; Алборов, 1928, с. 351).

К одной из специфических форм религиозного восприятия окружающих вещей местным населением относится, судя по ряду свидетельств, культ козла (рис. 6, 12–17). Пережитки его еще недавно наблюдались, например, у сванов и черкесов. Так, у черкесов существовал обычай при жертвоприношениях голову козы насаждать на кол (Люлье, 1927, с. 31). У населения кобанской культуры головки и целые литые бронзовые статуэтки козлов также являлись тотемами

отдельных семей и служили оберегами. Многочисленные, реалистически выполненные головки козлов довольно часто встречались в погребениях Тлийского и Кобанского могильников центрального варианта кобанской культуры. Например, в Тли бронзовые головки козлов представлены в погребениях 23а, 105, 107 (Техов, 1980, табл. 39, 28; 68, 12). В Кобани две схожие головки входили в Собрание графа А.С. Уварова (Доманский, 1984, илл. 135, 136). Значительно реже имели место целые статуэтки козлов. Упомянем целую фигурку из погребения 23а (Техов, 1980, табл. 39, 12) из Тли. Изящная целая статуэтка козлика с круглым сквозным отверстием на груди происходит из Кобанского могильника (Доманский, 1984, илл. 106). Но особенно выразительна такая фигурка из с. Лисри на северном склоне, в 18 км от Мамисонского перевала, обнаруженная экспедицией В.И. Марковина. В 1964 г. зафиксирован каменный «дзуар» (святилище), сложенный из каменных плиток в форме замкнутой фигуры-спирали (пирамиды), устремленной вверх. В нишах стен этого грандиозного сооружения обнаружены бронзовые изделия кобанской культуры, в том числе тяжелая литая фигурка козла, тело которого покрыто выпуклым орнаментом в виде рельефного шнура, имитирующего заплетенную в косички шерсть (рис. 6, 15). Статуэтка по стилистическим особенностям поразительно близка вышеупомянутой статуэтке из Кобанского могильника. Обе как будто изготовлены одним мастером (Марковин, 1969, с. 74, 75, рис. 8, 2; Козенкова, 1996, с. 41–43, рис. 16, 1, 3). Как оберег изображение козлов присутствует также на поясных пряжках и бронзовых боевых поясах (Техов, 2001, табл. 41, 3; 47, 3 (погр. 74, 76); 68 (погр. 419). Возможно, с культовым сюжетом связано скульптурное изображение козлика в зубах двух хищников (рис. 14, 2) на навершии стержневидной булавки I тыс. до н.э. из Кобанского могильника (Бронзовый век..., с. 604, № 306, 18, 12). В памятниках Дигории (Верхняя Рутха, Камунта), по подсчетам Е.Е. Васильевой, найдено 7 изображений козла: головка – 1; головки синкретических птиц – 3; целая фигурка – 1; навершие в виде протомы – 1; фигурка (назначение не определено) – 1 (Васильева, 2016, с. 72, табл. 2).

Культ козла был распространен и на востоке ареала культуры. По точности изображения поразительны 15 глиняных статуэток козлов из раннего слоя Сержень-Юртовского поселения. Хронологически важна фигурка (рис. 6, 17) из помещения VIII, датирующегося по С – 14 670 ± 75 г. до н.э. (Козенкова, 2001, с. 15, 16, рис. 39, 4). Весьма близки к ним восковые фигурки козлов, которые у сванов в жертвоприношениях представляли «замену живого животного» (Шиллинг, 1931, с. 88, рис. 28).

К несомненным шедеврам древнего бронзолитейного ремесла принадлежит наиболее раннее изображение козла, найденное в раннем слое данного поселения. Это великолепная литая булавка с навершием в виде двух головок козлов, смотрящих в противоположные стороны (рис. 12, 9). Предмет обнаружен на вымощенной речной галькой мостовой № 3 – самой ранней на поселении. По стилистическим особенностям булавка относится к XI–X вв. до н.э. (Козенкова, 2001, с. 10, 75, 76, рис. 20, 9). Сержень-Юртовский могильник приоткрывает еще одну грань культа

козла и его связи с погребальным культом. Свидетельством этому служит одно из ранних погребений некрополя. В погребении 84, относящемся к группе XI–X вв. до н.э., поверх женского захоронения была погребена целая туша козла, на рог которого было надето женское бронзовое височное кольцо (Козенкова, 2002, с. 37, 128, таблица VI; табл. 61, 1, 2). В связи с этим, вероятно, уместно вспомнить о существовании в общеиндоевропейском архаическом погребальном ритуале обычая принесения в жертву козла, «отправляемого к богам как вестника, возвещающего о начале обряда жертвоприношения» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587). Пережиток культа козла еще сравнительно недавно, в 30-е гг. XX в. наблюдался у чеченцев и ингушей в поклонении божеству Тамыж-ерды и в праздновании «козлиного воскресенья» (Шиллинг, 1931, с. 29).

Сакрализация козла имела место и в западной части ареала кобанской культурно-исторической общности. Тотемами семей, видимо, были бронзовые головки козлов из погребения 2 могильника Уллубаганалы-2, а также из погребения 4 Белореченского-2 могильника (рис. 6, 12, 14). Оба памятника отражают погребальные церемонии «кобанцев» в предскифское время (Козенкова, 1998, табл. XII, 16, 17). Целая бронзовая фигурка козлика имела место в случайно раскопанном погребении в Баксанском ущелье (рис. 6, 13) (Козенкова, 1998, табл. XII, 27а).

Судя по обилию находок, среди животных Среднего мира большое значение имел культ дикого быка (рис. 7, 1–11) как олицетворение божества, благоприятствовавшего плодородию домашнего крупного рогатого скота, успеху в сельскохозяйственном труде и ограждающего от нечистой силы. Свидетельства жертвоприношений этому божеству сохранились в этнографических материалах. Так, ингуши и чеченцы приносили в жертву быков и коров, а черкесы жертвовали быка и насаждали его голову на кол. У других народов череп быка прибавляли к стенам святилища. У абхазов был обычай приносить в жертву быка во время засухи (Берже, 1859, с. 84; Люлье, 1917, с. 31; Алборов, 1928, с. 359; Джанашия, 1917, с. 163; Чурсин, 1929, с. 14).

В ареале кобанской культурно-исторической общности большая часть артефактов происходит из погребений центрального варианта культуры, главным образом из Тлийского могильника (не менее 11 экземпляров). В отличие от изображений баранов, быки представлены в большинстве своем целыми литыми фигурками, иногда протомами, редко головками и эпизодически в виде гравированных рисунков на парадных топорах (погр. 204) и в мифологических сценах на боевых бронзовых поясах (Техов, 1980, с. 27, табл. 67, 6 (погр. 102); с. 40, табл. 102, 4 (погр. 231); 2001, с. 261, табл. 59 (погр. 350), с. 271, табл. 69 (погр. 419); 2002, табл. 13, 2 (погр. 346); с. 37, табл. 71, 4 (погр. 398). Особенно выделяются бронзовые литые навершия для посохов с протомами быка из погребений 224 и 231 (рис. 7, 6, 9). На них представлены быки с огромными рогами и мощным торсом (Техов, 1977, с. 152–154, рис. 108, 1, 2). В их облике угадывается одна из древнейших разновидностей domestифицированных диких длиннорогих быков западноазиатского ареала, с глубокой древности известных на Ближнем Востоке и в Передней Азии и, судя по фигурке из

сел. Абгархук (ареал колхидской культуры), в Закавказье (*Куфтин*, 1949, рис. 48а; *Гамкрелидзе, Иванов*, 1984, с. 573–577). Возможно, изображения быков почитались и как символ лунного божества. Об этом может свидетельствовать стилистика изображения быка в мифологической сцене на бронзовом поясе из упомянутого выше тлийского погребения 350. Его рога представляют собой полумесяц, а на корпусе расположились две птицы (*Техов*, 2001, табл. 59, 62, 3). По мнению Б.В. Техова, сакральные посохи с головой быка принадлежали родовым старейшинам и являлись символами власти (*Техов*, 1977, с. 153). В дигорских памятниках центрального варианта имеется не менее 57 экземпляров изображений быка на различных подвесках и в виде целых статуэток (*Васильева*, 2016, с. 72, табл. 2).

На востоке ареала культуры обожествление образа быка довольно доказательно просматривается в наличии 2 статуэток из Бамутского поселения, но главным образом 182 глиняных статуэток в слое Сержень-Юртовского поселения (рис. 7, 7, 8). Особенно выразительна полностью сохранившаяся фигурка с мощным коротким торсом и поднятыми вверх сильными рогами (рис. 7, 10). Но имелись другие разновидности, например, с сильно загнутыми, как у буйволов, рогами (рис. 7, 11) (*Козенкова*, 2001, рис. 83, 12–16). На западе ареала амулет-оберег в виде бронзовой головки быка с короткими рогами (рис. 7, 2) имел место в гробнице 1 могильника Терезе (*Козенкова*, 2004, табл. 42, 4). Хронология подвергнутых анализу памятников представлена в диапазоне от рубежа II–I тыс. до VII–VI вв. до н.э.

Мифологические традиции разных народов относят к Среднему миру также дикого кабана как культового производителя не только в диком мире, но и как покровителя домашнего вида этого животного – свиньи. Сохранились упоминания культа кабана и свиньи и у народов Кавказа. Жертвенным животным у сванов была свинья. У хевсур в качестве амулетов употреблялись свиные клыки и щетина (*Чурсин*, 1929, с. 15; *Шиллинг*, 1931, с. 87, 88). Б.А. Куфтин упоминает, что в Мегрелии и Гурии имелся «специальный культ, приуроченный к началу солнечного года, к зимнему солнцевороту... когда совершается поедание жертвенной свиньи» (*Куфтин*, 1950, с. 108).

В ареале кобанской культурно-исторической общности и в других близких по уровню культурах неоднократно обнаруживались артефакты, подтверждающие предположение о древности поклонения духу кабана и свиньи. Кроме вышеуказанных жертвенников с челюстями свиней (Сержень-Юрт), об этом свидетельствуют находки амулетов из клыков кабана (рис. 7, 18), но главным образом изображения кабанов и свиней (рис. 7, 12–16). Для центрального варианта характерно изображение кабана в культово-мифологических жанровых сценах на бронзовых поясах из Тлийского могильника. Например, с большой долей реализма изображен на бронзовом поясе кабан с подчеркнутыми клыками из погребения 350 предскифского периода (*Техов*, 2001, табл. 58). Бронзовые объемные фигурки кабанов и свиней в ранних комплексах этой части ареала культуры практически отсутствуют, если не считать единственную подвеску из Дигории (*Васильева*, 2016, табл. 2).

Возможно, подобная единичность изображений этого животного представляет особую *специфику* отношения местного населения к данному животному. То же самое касается и западной части распространения культуры.

Совершенно иная картина на востоке. Здесь культово-мифологическая значимость кабана и свиньи у местных племен подчеркнута высокая. Заметная роль постоянного всевозможных церемоний, связанных с поклонением духу этих важных в хозяйстве по плодовитости животных, особенно видна по материалам Сержень-Юртовского поселения. Из его слоя происходит 28 статуэток кабана и свиньи. Многочисленные глиняные фигурки, вылепленные с большим мастерством, встречаются в жертвенниках, в развалах домов, в ямах. Весьма важны находки статуэток, изображавших опоросившуюся свинью с многочисленными сосками (рис. 7, 13–16). Одна происходит из мастерской № 6 (помещение 6), служившей для изготовления статуэток. Дата помещения не позднее VIII в. до н.э. (Козенкова, 2001, с. 21, рис. 47, 10). Довольно много стилизованных фигурок свиней и диких вепрей с подчеркнуто выделенной частью тела, указывающей на плодовитость (рис. 7, 12, 15) (Козенкова, 2001, рис. 83, 4, 5, 8).

На западе ареала культуры, как указывалось выше, культ кабана практически не представлен. Отсутствуют и фигурки животных. О его существовании косвенно свидетельствуют лишь находки бронзовых кабаньих клыков-оберегов, а также единичных клыков-подвесок. Особенно мощно выглядит бронзовый клык в ожерелье в погребении 7/14 могильника Индустрия-1, дата которого не позднее начала VII в. до н.э., судя по составу остального погребального инвентаря (рис. 7, 19) (Козенкова, 1998, табл. XII, 10). Наиболее ранние бронзовые стилизованные двойные кабаньи клыки-амулеты обнаружены в гробнице 2 могильника Терезе и датируются не позднее X–IX вв. до н.э. (рис. 7, 17) (Козенкова, 2004, с. 142, табл. III, табл. 23, 8–10). Самым поздним является натуральный клык кабана с отверстием для подвешивания из позднекобанской гробницы VIII Карасского могильника скифского времени (рис. 7, 18) (Козенкова, 1998, табл. XII, 11). Ритуальная роль таких подвесок была, вероятно, близка мировоззренческим представлениям древних народов Кавказа и более далеких областей, полагавших, что подвески из клыков символизировали тотемное животное, отличавшееся особой воинственностью.

К священным животным Среднего мира в представлениях населения кобанской культурно-исторической общности относился также медведь (рис. 8, 9–13). Хотя, судя по имеющимся артефактам, их распределение различается на территории варианта в зависимости от количества находок. Так, неравномерно представлены целые бронзовые статуэтки зверей. Например, в Верхне-Кобанском могильнике центрального варианта культуры засвидетельствованы три такие фигурки (рис. 8, 11, 12) (Уварова, 1900, табл. XXXV, 8, 14; Доманский, 1984, илл. 98). В то же время в памятниках Дигории (Фаскау, Камунта, Верхняя Рутха) из 25 учтенных предметов с изображением медведя 21 были объемными фигурками (Васильева, 2016, табл. 2). Более заметны обереги в виде медвежьих головок с широко откры-

той пастью. Они имели место в том же Кобанском могильнике из раскопок А.С. и П.С. Уваровых и Е. Шантра в двух разновидностях: в виде бронзовых шаровидных бусин, украшенных головкой рычащего зверя, и в виде такой же головки с петлей на затылке (рис. 8, 10) (*Chantre*, 1886, pl. XXV, 9, 10 (погр. 18); *Доманский*, 1984, илл. 122–125). В дигорских памятниках учтено 3 головки. Я.В. Доманский датирует медвежьи головки серединой I тыс. до н.э., однако более точная их хронология, на мой взгляд, представлена в Сержень-Юртовском могильнике восточного варианта. Здесь бронзовая литая шаровидная бусина с головой медведя находилась среди женских украшений в погребении 45, которое датируется по ряду архаичных признаков других предметов погребального инвентаря, например, браслетам из тонкого листа (так называемого «унетицкого» типа), концом X – IX в. до н.э. (Козенкова, 2002, с. 128, таблица VI; с. 190, табл. 35, 14). По мнению Е. Е. Васильевой, находки из горной Дигории относятся к середине II тыс. до н.э. – первой половине I тыс. до н.э. (Васильева, 2016, с. 69). На западе ареала такие поделки фактически неизвестны (рис. 8, 9). Можно полагать, что население кобанской культуры, как и остальных древних племен Кавказа, почитало медведя как символ силы, бесстрашия и плодородия. По мировоззрению жителей ареала кобанской культурно-исторической общности, культовые обряды и ритуалы, связанные с почитанием медведя, были, скорее всего, весьма близки другим древним народам Кавказа, в том числе и индоевропейской культовой традиции (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984, с. 497–499). Например, у абхазов издревле был известен миф о взаимоотношениях человека и медведя, а также о сверхъестественных охранительных свойствах медвежьих когтей (*Чурсин*, 1929, с. 9, 10; 1957, с. 125–133).

Из сакральных домашних животных к Среднему миру, безусловно, относилась собака (рис. 8, 3–8). Ее изображения достаточно часто представлены в виде целых фигур из бронзы и глины, а также как персонаж в жанровых сценах охоты. На территории центрального варианта, в Кобанском и Тлийском могильниках отмечены великолепные целые литые бронзовые статуэтки собак с закрученными вверх хвостами (рис. 8, 3) (*Уварова*, 1900, табл. XXXV, 16; *Техов*, 2002, цветная вклейка). Чрезвычайно выразительны фигурки двух собачек на подвеске в виде руки человека из Кобанского могильника (рис. 12, 2) (*Доманский*, 1984, табл. XXIII). Высокохудожественно выполнена скульптурная группа, представлявшая навершие бронзовой булавы из того же могильника. Она изображает сцену нападения двух собак на оленя (рис. 8, 6) (*Козенкова*, 2013, рис. 26, 1).

На востоке ареала кобанской культуры изображения 14 собак известны в Сержень-Юртовском поселении, в слое XI–IX вв. до н.э., но все они изготовлены из глины (рис. 8, 4, 7) (*Козенкова*, 2001, рис. 83, 9, 10). Собака в мировоззренческих представлениях местного населения была не только хозяйственным, но и сакральным животным, о чем, в частности, можно полагать по наличию в том же памятнике упомянутой выше статуэтки человека с головой собаки с висячими ушами (рис. 8, 2) (*Козенкова*, 2001, рис. 83, 11).

О культе собаки в общекавказском контексте свидетельствуют редкие находки в центральной и западной части ареала культуры своеобразных бляшек в форме свернувшейся «спящей» собаки (рис. 8, 8). Одна бляшка обнаружена в Кобанском могильнике (Собрание А.С. Уварова), вторая – в разрушенном погребении в урочище Адай-кол близ сел. Бедык в верховьях Баксана (Уварова, 1900, XXIII, 4; Мошинский, 2010, рис. 113; Батчаев, 1985, табл. 3, 2; Козенкова, 2013, рис. 33, 14, 15). По своей значимости их можно отнести на Северном Кавказе к тотемам определенной этнической группы – выходцам из Центрального (Сванетия) и Западного Закавказья в VII–VI вв. до н.э. (Скаков, 2006, с. 83–85; Папуашвили, 2011, с. 86). Изображений фигурок собак в бронзе не более 8.

В свое время изображению собаки в древностях Кавказа, в том числе и в памятниках кобанской культуры, специальное исследование посвятил А.А. Миллер, где указал на особое значение этого животного. Отмечая всевозможные композиции на предметах, где была изображена собака, автор высказал предположение, что нахождение вместе с таким изображением знаков в виде спиралоиды, звезды, креста и свастики объясняется религиозным смыслом подобных композиций (Миллер, 1922, с. 289, 295). В этнографии некоторых народов Кавказа значение собаки велико. Так, абхазы считали, что это животное наделено сверхъестественными свойствами. Они берегли его и считали другом. Высокая роль отводилась собаке и вайнахским населением. Так, при присяге в невиновности они на могиле предка приносили в жертву собаку. Высоко ценились у народов Кавказа и амулеты – ухо, зубы и лопатки собаки (Чурсин, 1929, с. 14, 15; 1957, с. 134; Шиллинг, 1931, с. 19).

В дигорских памятниках (Верхняя Рутха, Камунта, Фаскау) Е.Е. Васильева учла на пряжках и топоре 3 изображения псовых. Они обозначены автором как неясные, то есть как собака/волк (Васильева, 2016, с. 72, табл. 2). Вопрос о культе волка действительно сложный, хотя по общекавказской мифологической традиции этот зверь Среднего мира выделялся населением особо, даже по этнографическим данным. Дело в том, что из имеющихся фигурок или рисунков животных, близких породе псовых, изображения собственно волка можно выделить лишь предположительно (рис. 8, 1). Возможно, из-за того, что в кавказской мифологической культовой традиции имело место отождествление собаки и волка. Тем не менее культово-ритуальная роль волка в мифологии населения кобанской культуры, судя по многочисленным изображениям, особенно на топорах, была чрезвычайно велика (Техов, 1988; Скаков, 1997, с. 73–79). В памяти многих народов Кавказа волк оставался тотемным символом, наделенным особой сакральной силой (Чурсин, 1957, с. 125–133).

IV. Элементы культа и сакральная символика водной и подземной стихии Нижнего мира у племен кобанской культуры

Древнее искусство племен кобанской культуры отражает мировоззренческое представление и о Нижнем, подземном и водном, мире (рис. 9, 10, 1–4). Из существ, его населявших, в пантеоне населения кобанской культурно-исторической общности представлены в большом количестве изображения змей и рыб (рис. 9, 1, 3, 4–6, 8–13; 10, 2–4). Как исключение имели место водоплавающие птицы, например, утки, а также черепахи (рис. 9, 2, 7). Наиболее ранние, конца II тыс. и не позднее IX–VIII вв. до н.э., изображения змей входят в сложные композиции на бронзовых гравированных дважды изогнутых топорах Кобанского и Тлийского могильников центрального варианта. Великолепный дважды изогнутый топор с изображением огромного змея, опоясывающего весь корпус предмета, происходит из раскопок Кобанского могильника (коллекция ГИМ). А.П. Мошинский относит его к X–VIII вв. до н.э. Особо отмечу такой же формы топор конца II тыс. до н.э. из этого же Собрания. На его лопасть нанесена инкрустация железом в виде змеи со стрелообразной головой (Мошинский, 2010, с. 72, илл. 70; с. 68, илл. 65). Последний экземпляр особенно интересен тем, что полностью идентичен уникальному пока для западного варианта топору из Клинь-Ярского могильника - 3 (Белинский, 2011, с. 129, рис. 2). Как правило, в композициях вместе со змеей изображались рыбы (Доманский, 1984, с. 11, рис. 1; илл. 13–15; Техов, 1988, рис. 1–4, 6). Исключение составляет бронзовый кинжал из погребения 2 в кромлехе 10 Стырфазского могильника, отнесенный Б.В. Теховым к концу XI – X вв. до н.э. На рукоятке кинжала рыбы изображены в сочетании с птицами (Техов, 2000, с. 59, 113, рис. 49, 15).

На востоке ареала культуры бронзовый топор IX–VIII вв. до н.э. со змеями на лопасти происходит из Пседахского могильника (рис. 9, 13). Ближайшая аналогия топору имела место в погребении 365 Тлийского могильника (Козенкова, 1986, с. 137, рис. 3, 4; Техов, 2002, табл. 61).

Кроме топоров, реалистические изображения змей имели место на поясных бронзовых пряжках начала I тыс. до н.э., к примеру, в погребении 19 Кобанского могильника из раскопок Е. Шантра (Chantre, 1886, pl. X, 1). Такая же близкая по

времени пряжка имела и в Собрании А.С. Уварова из сел. Камунта (*Доманский*, 1984, илл. 45). Вообще в дигорских памятниках Е.Е. Васильева учла 10 пряжек с графическим изображением змеи (*Васильева*, 2016, с. 72, табл. 2). Самые поздние бронзовые пряжки VI–V вв. до н.э. уже в форме змей засвидетельствованы в Кобанском (рис. 10, 3) и погребениях 103 и 443 Тлийского могильников. В комплексе погребения 103 подобная пряжка сочеталась с железным оружием (топор, кинжал с пяткой на верху рукоятки), которое, бесспорно, датируется VI в. до н.э. (*Техов*, 1985, табл. 120, 5). В погребении 443 вместе с такой пряжкой находилась дуговидная фибула. Как исключение, в этом же комплексе находилась более ранняя бронзовая, орнаментированная сетчатым узором кружка с зооморфной ручкой (*Техов*, 2002, с. 54, табл. 115, 4). Отмечу еще одну змееобразную пряжку VI в. до н.э. из могильника Фаскау (сел. Галиат), которая демонстрирует сложную систему культов населения кобанской культурно-исторической общности. Изображение представляет не просто змею, а вместе с тем и голову барана. По мнению А.П. Мошинского, подобный симбиоз говорит о единстве Верхнего и Нижнего миров (*Мошинский*, 2010, с. 178, 179, илл. 237). Чрезвычайно редко, но все же встречались и фибулы, дуга которых имела форму змеи. Такие фибулы змеевидной формы, скорее всего, также позднекобанского времени, отмечены в Кобанском могильнике (*Chantre*, 1886, pl. XXII bis, 7; *Доманский*, 1984, илл. 57).

На западе ареала культуры изделия с изображением змей практически, за исключением вышеупомянутого топора из Клинь-Яра, отсутствуют. На территории восточного варианта примитивные рельефные налесты в форме змей украшали стенки отдельных глиняных корчаг из слоя начала I тыс. до н.э. Сержень-Юртовского поселения (*Козенкова*, 2001, рис. 78, 66, 67).

Таким образом, можно полагать, что змея входила в пантеон ритуально значимых существ, но была в мировоззрении жителей Кобани скорее отрицательным персонажем, с которым приходилось считаться, отдавая должное некоторым чертам ее характера. Например, с тем, что в мифологической традиции она связана с божествами водной стихии Верхнего мира. Например, таким, как божество Грозы, дождя, молнии и грома. О подобном единоборстве, возможно, повествует сцена борьбы лучника со змеями (рис. 9, 12), изображенная на одном из ранних топоров кобанского типа из раскопок Р. Вирхова (по: *Погребова*, 1984, с. 90, табл. V, 1). Сюжет этот неоднократно подвергался интерпретации, начиная с Франца Гончара, причем предлагались самые различные трактовки как по истокам стилистики изображений, так и по их предполагаемой семантике (*Погребова*, 1984, с. 91–95). По сути, в миропонимании древнего населения кобанской культуры, как и у других народов, это единоборство предстает в виде неразрывного единства двух миров. Иногда эта связь обозначалась символически. А именно: вместо реального антропоморфного изображения божества Грозы его символом мог быть значок в форме капель воды. Такие овообразные, с заостренным верхом капли, неоднократно присутствуют в композициях на кобанских топорах (рис. 9, 12; 10, 1), в частности, и на

топоре с лучником. М.Н. Погребова в своем анализе (Погребова, 1984, с. 92–94) приводит предположения разных исследователей о смысле указанных выше значков (знак солнца, знак избранности, олицетворение идеи строения Вселенной и т.п.). Мне представляются подобные «расшифровки» излишне усложненными для миропонимания древних художников, непосредственно наблюдавших природные явления. В том числе и падение капель дождя. Реальность подобного предположения подтверждает тот факт, что на некоторых топорах каплеобразные знаки сопровождались еще одним символом божества Грозы, а именно изображением стрелы (рис. 10, 1) (Доманский, 1984, илл. 16, 17). Наиболее раннее свидетельство об огораждающей силе божественных стрел имело место в погребении 35 Сержень-Юртовского могильника восточного варианта. В ожерелье женского захоронения наряду с бусами входил амулет – ранний среднеевропейский бронзовый наконечник стрелы конца II тыс. до н.э. Погребение отнесено к группе могил X в. до н.э. (Козенкова, 2002, с. 79, 128, таблица VI, табл. 21, 2). Обряды, связанные с божеством Грозы, сохранялись в быту кавказцев почти до современности. Еще летом 1960 г. члены отряда Северо-Кавказской экспедиции (СКАЭ) имели возможность наблюдать церемонию вызывания дождя жителями аула Сержень-Юрт. Она заключалась в многочасовом движении хоровода (зикр) на поляне у реки. Это вихревое движение перемежалось остановками и многоголосым песнопением. После окончания круговой церемонии произошел акт закалывания и поедания быка. В этом завораживающем действе принимали участие все жители аула от взрослых до детей.

V. Материальные свидетельства круговых церемоний (хороводы) и особенности магии и гадания у населения кобанской культуры

Судя по некоторым уникальным изделиям, древнее население кобанской культурно-исторической общности совершало круговые культово-ритуальные церемонии. Они, как и у других народов Кавказа, уходят вглубь веков. В ареале кобанской культуры об этом можно предполагать по находкам т. н. штандартов – наконечников культовых жезлов, сакральных вещей жрецов. Подобные бронзовые ажурные, сложные по конструкции предметы изображали хоровод из людей и животных. Так, на таком навершии из Ахалгорийского клада VI–IV вв. до н.э. ритуальный круг составляли люди и кони (*Брилева, 2012, с. 330, кат. 385*). Жезл (рис. 10, 5) из погребения IV в. до н.э. могильника Гастон-Уота (сел. Донифарс) изображал хоровод людей и коней, но был дополнен еще головами козлов (*Mošinskij, 1999, s. 223, Abb. 5, 1; Мошинский, 2010, с. 153, илл. 198*). Общая композиция, по-видимому, воспроизводила церемонию, связанную с заупокойным культом. Причем он как бы олицетворял единство Верхнего (небесные кони) и Среднего (люди и земные животные) миров.

Примечательной особенностью культовой традиции населения кобанской культурно-исторической общности, касающейся лишь частично Нижнего, подземного и водного, мира, является ритуальная значимость черепахи (рис. 9, 7). Среди древностей кобанской культуры фигурки этого существа уникальны. Известны всего две такие бронзовые фигурки. Одна происходит из могильника в сел. Фаскау (центральный вариант), вторая – из гробницы 1 могильника Терезе, близко связанного по материалам с центром, но находящегося на западе ареала. По времени более ранняя фигурка из Фаскау (сел. Галиат). Она находится в Собрании древностей центрального варианта из Дигории, принадлежавших некогда Аделаиде Коссниерской, и является подлинно уникальным произведением древнего кавказского искусства эпохи поздней бронзы, примерно 1300–1200 гг. до н.э. (Тли А-В, Кобан Iaб). Статуэтка размером 9,4 x 6,3 см несколько стилизованная. Заметно геометризированы очертания головы, ног и панциря. Особо следует отметить инкрустацию из светлого металла на спине панциря в виде вписанных в ромб квадратов разной величины. Вставки в виде растянутых треугольников имелись

и на брюшке панциря. Инкрустация выполнена из домейкита – минерала, представляющего природное соединение мышьяка и меди (*Motzenbacher*, 1996, S. 37, 151, Abb. 12, 13, 56).

Вторая, реалистически выполненная, миниатюрная фигурка двигающейся черепахи являлась, видимо, пуговицей, поскольку на оборотной стороне туловища имела обычная для пуговиц петля-перекладина. Она происходит из гробницы 1 западнокобанского могильника Терезе, по материалам близкого к центральному варианту (рис. 9, 7). Датировка ранней группы изделий из гробницы – рубеж XI–X вв. до н.э. (*Козенкова*, 2004, с. 120, 139, 141, таблица II; рис. 12, 5; табл. 27, 27).

Оба артефакта, вероятней всего, следует относить к табуированным амулетам, связанным с охранительной магией для разных частей тела человека. Так, например, в общеиндоевропейском ареале значение *черепаха* соотносится со значением *черепа*, как бы взаимозаменяя их значение (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984, с. 490, 533). В древностях кобанской культуры подобные магические охранительные предметы для отдельных частей тела неоднократно встречались главным образом в могилах. Они как бы показывали конкретно, отчего больше всего страдал человек, и какую часть своего тела он просил божество защитить от болезни. Так, для древностей центрального варианта такой частью тела, судя по изображениям, были руки (рис. 10, 6, 10, 12–14), точнее, ладони человека (рис. 8, 5). Подобные предметы (подвески, портупейные пряжки с крючком) занимают довольно заметное место в погребениях IX–VIII вв. до н.э. Кобанского и Тлийского могильников (*Доманский*, 1984, илл. XXIII; илл. 167; *Мошинский*, 2010, илл. 114; *Техов*, 1980, с. 17, погр. 23, табл. 39, 5; с. 47, погр. 296, табл. 120, 3; 1985, с. 24, погр. 151, табл. 139, 4; 2002, с. 18, погр. 352, табл. 23, 2). С территории Кабардино-Балкарии (зона западного варианта) происходит случайная находка такой пряжки (*Доманский*, 1984, илл. 168). К древностям западного варианта относится также случайно найденная в окрестностях сел. Заюково (Баксанское ущелье) сложная подвеска (рис. 10, 11), состоявшая из кронштейна в виде двух колец, к которым были прицеплены дополнительно две привески в форме человеческих рук (*Козенкова*, 1998, табл. XII, 28). В то же время амулеты и отпечатки на стенах жилищ в виде руки человека могли быть, как в более поздние века, символом охранительной магической силы (*Чурсин*, 1929, с. 7).

Материальным подтверждением существования предметной лечебной магии также служит бронзовая привеска в виде двух ног человека (рис. 10, 9) из Кобанского могильника в коллекции кобанских древностей Венского музея (*Chantre*, 1886, pl. XX bis, 4). Среди древностей западного варианта к такой категории лечебных амулетов относилась бронзовая подвеска в форме женской груди (рис. 10, 7), обнаруженная в гробнице конца II тыс. до н.э. Эшаконского могильника (*Козенкова*, 1998, табл. XII, 29). Судя по этнографическим данным, к лечебной магии, связанной с деторождением и охраной детей от всевозможных дурных воздействий (*Чурсин*, 1929, с. 17), относились и многократно встречавшиеся в женских и детских погребениях кобанской культуры раковины каури

(рис. 10, 16). Особенно заметно их присутствие (от 1 до 3 штук) в Тлийском могильнике (Техов, 1981, с. 37, рис. 108 (погр. 145 – подросток); 1985, с. 28, рис. 149 (погр. 175 – подросток); 2002, табл. 22, 2 (погр. 351 – женщина); табл. 121, 18 (погр. 451 – женщина). По мнению Б.В. Техова, большинство таких погребений датируются VIII–VII вв. до н.э. (Техов, 2002, с. 267). К лечебной охранительной магии, особенно касающейся деторождения, относились также бусы (Алборов, 1928, с. 397). Особенно почитался, судя по великолепным ожерельям из Тлийского могильника, сердолик, который, как свидетельствуют этнографические источники, у кавказских народов «употреблялся для исцеления ран» (Чурсин, 1929, с. 19, 20). Как элемент магического гадания по костям животных (рис. 10, 15, 18) можно рассматривать, как у более поздних жителей Кавказа, также астрагалы, бабки и лопатки барана или козы (Анучин, 1884, с. 387; Люлье, 1927, 34).

Судя по некоторым археологическим данным из могильников западного варианта, к ограждающей магии население кобанской культуры относил также железные предметы.

В этом смысле особые манипуляции отмечены, например, в погребении 14 могильника Уллубаганалы 2. Судя по своеобразному инвентарю, оно принадлежало, по мнению В.Б. Ковалевской, женщине-жрице. У костяка посмертно был выпилен кусок черепа у основания, «причем дополнительно жрица (?) была «убита» тремя железными ножичками, лежавшими около горла и направленными острием к подбородку. Также, видимо, «убита» женщина из погребения № 1: узкий стилетообразный нож упирался лезвием в ключицу...» (Ковалевская, 1984, с. 35). Погребения датируются концом VII – первой половиной VI в. до н.э.

Не исключено, что также с охранительной магией связано скопление из пяти железных ножей у ног костяка знатной женщины в погребении 2 гробницы 3 могильника Терезе. Гробница относится ко второй половине VIII в. до н.э. (Козенкова, 2004, с. 78, 148).

Возможно, что к магическим обрядам относились и человеческие жертвоприношения. По крайней мере, так допустимо трактовать изображенную сцену на бронзовом культовом жезле из знаменитого Казбекского клада VI–V вв. до н.э. На голове тура стояли две рельефно выполненные в литье мужские фигуры. Один из персонажей отрезает другому голову. Причем, судя по форме головных уборов, тот и другой мужчины относились к одному и тому же сообществу (Мошинский, 2010, с. 130, илл. 172).

Судя по приведенным выше этнографическим источникам, почти все формы лечебной и ограждающей магии, а также гаданий сохранились вплоть до современности в виде предрассудков у многих кавказских народов. В то же время они являются и элементами преемственности в бытовой культуре. Довольно показателен пример из материалов Серженюртовского могильника. В богатой по погребальному инвентарю женской могиле № 41, в сложный по конструкции головной убор покойницы была воткнута бронзовая швейная игла (Козенкова, 2002, с. 185,

табл. 30, 5). Ее нахождение здесь было бы совершенно непонятным, если бы не существующий до сих пор ингушский обычай, а именно способ от сглаза невесты. К подолу свадебного платья родные специально прикалывают булавку или иглу.

Многочисленные примеры магии и гаданий, которые в том или ином виде прослеживаются по вышеприведенным данным в кобанской культуре, известны в поверьях и обычаях более поздних народов Кавказа, в том числе у чеченцев и ингушей (Хасиев, 1969, с. 184–193). С.А. Хасиевым собраны многочисленные свидетельства о магическом характере различных предметов у чеченцев. Таковы, например, представления о магической силе камней. Им приписывалась либо очистительная роль, либо лечебная (жаропонижающая, против боли в суставах и т.п.). В Кахетии для лечения коклюша использовались темные плоские речные камешки, которые на шнурке вешались на шею больного ребенка (Чурсин, 1929, с. 18, 19). В связи с этим можно вспомнить, что такая же сила, возможно, приписывалась каменным украшениям и населением кобанской культуры. Так, в погребении 1 (раскоп 1966 г.) в том же могильнике Сержень-Юрт имело место нагрудное украшение из 7 овальных, одинаковых по размеру плоских камней с отверстиями по краю (Козенкова, 2002, с. 156, табл. 1, 15). Есть основание полагать, что ожерелье было не столько украшением, сколько служило «от дурного глаза и дурного помысла врага» (Хасиев, 1969, с. 184). О культовой значимости камней свидетельствует еще один чеченский обычай. «Каждому молодому человеку до женитьбы полагалось принести камень от источника, который он сам расчистил... Вода из чистого родника приносилась в родительский дом вместе с камнем... Камень *метили растительными красками*, и после этого он лежал у очага» (Хасбулатова, Исаева, 2016, с. 176, 177).

В качестве оберегов для рожениц и детей от сглаза, по собранным сведениям С.А. Хасиева, использовались у чеченцев, как и у населения ареала Кобани, также раковины каури (*Cypraea moneta*) и раковины других видов. Одним из ограждающих средств были у далеких потомков восточных жителей Кобани многочисленные бусы, которыми обшивали одежду. Они наделялись магической силой для сохранения здоровья плода, от порчи, от болезни сердца, легких, для лечения опухолей.

В вышеизложенных кавказских народных поверьях приоткрывается и магическая роль изображений животных, особенно барана, козла, быка оленя, медведя, собаки/волка и других, что помогает раскрыть, по возможности, смысл подавляющего большинства приведенных выше данных по кобанской культуре. Сопоставление их с этнографическими примерами свидетельствует об *устойчивости* древних мировоззренческих традиций, как об одной из *специфических* особенностей языческого миропонимания населения кобанской культурно-исторической общности.

VI. Система символов как форма проявления духовного бытия населения кобанской культуры (смысловые знаки, представления о сакральности некоторых чисел)

Изучение проявления духовной жизни древнего населения кобанской культурно-исторической общности по материальным остаткам отчетливо свидетельствует, что все вышеуказанные культовые формы были пронизаны символизмом, хорошо понятным в бытовом укладе по содержанию и смыслу. Мало того, эти символы были общими для большинства населения разных древних культур Кавказа. Такой исключительно важной формой проявления духовного бытия было оформление знаковой абстрактной системы символизма, наполненной смыслом, понятным древним жителям. Ее содержанием были всевозможные абстрактные рисунки, украшавшие многие категории домашнего обихода от посуды до одежды, вплоть до домостроительства и погребальных конструкций, например, таких как спиралевидные кромлехи Стырфазского могильника (Техов, 2000). Причем реалистическое и символическое выступало здесь как неразрывное единство мировоззренческого характера. Н.Е. Урушадзе на основе материалов графического искусства колхидской и кобанской культур и с привлечением разработок по археологии и этнографии разных ученых провела художественно-семантический анализ знаковой системы, связанной, по ее мнению, с земледельческими и скотоводческими циклами в древнем хозяйстве культур эпохи бронзы Кавказа (Урушадзе, 1988, с. 39, 53 и сл.). Так, например, шахматный узор (рис. 11, б) на многих предметах кобанской и колхидской культур (топорах, сосудах и т.п.) определен и прочтен как символ обрабатываемых полей. Треугольники связаны с понятием горного пейзажа, а волнистые линии и зигзаги обозначали все, что связано с водной стихией (рис. 11, 2, 4, 7). По этой знаковой системе ромбы означали символ плодородия, спиралевидный орнамент в форме так называемой микенской волны (рис. 11, 4) «читался» как бегущая вода или движущее солнце. Как поэтично выразилась исследовательница, «в этом отношении спиральный орнамент подобен песне, когда ее поют в ожидании дождя» (Урушадзе, 1988, с. 37), магически воздействуя на природу. Все эти и другие символы, скорее всего, были понятны для

населения всего Кавказского региона. В этом смысле заслуживает внимания и вывод Н.Е. Урушадзе: «Приемы символики... законсервировали надолго всю иерархию земледельческих божеств. Они были не безликими оберегами, а составляли вполне «зримо» пантеон обрядов, сохранившихся в этнографических пережитках, мифологии и фольклоре» (Урушадзе, 1988, с. 54). Другими словами, они являлись ипостасью «живой» этнографии, то есть тем, что, применительно к скифскому звериному стилю, было образно названо Д.С. Раевским, С.В. Кулланда, М.Н. Погребовой неким изобразительным, рисуночным аналогом устного творчества или, другими словами, «визуальным фольклором» (Раевский и др., 2013, с. 5, 168, 169). В свете вышеизложенного, применительно к теме нашего исследования наличие смыслового символизма в творчестве конкретно кобанских племен вполне соответствует наличию этого явления в других культурах эпохи бронзы и раннего железного века.

На примерах кобанских и колхидских бронзовых изделий версия символически зашифрованного содержания земледельческо-скотоводческих циклов довольно подробно и обстоятельно разработана Н.Е. Урушадзе (Урушадзе, 1973; 1984; 1988). Отдельные примеры в этом аспекте можно привести и для других кобанских изделий. Так, на некоторых глиняных штампах (пинтадерах) восточного варианта, кроме солярных знаков, имелись и другие графические изображения, подкрепляющие версию хозяйственно-бытового уклада. На рабочей поверхности одной из пинтадер в форме канцелярской печати, обнаруженной в слое X–IX вв. до н.э. Сержень-Юртовского поселения, была изображена спираль из отчетливо просматриваемых отпечатков зерен (рис. 1, 19). На другом экземпляре, в виде овальной печати, были нанесены глубокой нарезкой квадрат в центре и несколько прямоугольников вокруг (рис. 11, 1). Рисунок, возможно, символически изображает целую усадьбу с домом и окрестными обработанными полями (Урушадзе, 1988, с. 38). Пинтадера происходит из раннего слоя того же поселения (Козенкова, 2001, с. 184, рис. 81, 2, 4). На одном из штампов из слоя XI–VIII вв. до н.э. Бамутского поселения были начертаны знаки в виде угла, пересеченного линией, и нескольких косых насечек (Крупнов, 1969, с. 109, рис. 2, 5; Козенкова, 1982, табл. XLI, 13). На одной глиняной пинтадере из слоя IX–VIII вв. до н.э. Алхастинского поселения прочерчен ромб в окружении лучей (Козенкова, 1982, табл. XLI, 14). Согласно условно-символической системе Н.Е. Урушадзе, с фигурой треугольника связано понятие гор, горного хозяйства, а фигура ромба (рис. 1, 20) обозначает изобилие (Урушадзе, 1988, с. 38–40). Не исключено, что некоторые рисунки на ряде мисок, кубков и отдельных сосудах других форм из могильников и поселений начала I тыс. до н.э. в ареале западного варианта кобанской культуры представляют собой зашифрованный системой символов текст, который был понятен местному населению родственных племен. Таковы, например, миски с графическими знаками на стенках из могильника Мебельная фабрика, из погребения на территории комбината стройизделий в Кисловодске (рис. 3, 13) и из некоторых случайно раскопанных

могил при современных хозяйственных работах (Козенкова, 1998, табл. XXXVI, 6, 8). Не менее выразителен рисунок на одном из глиняных кубков с фризом из чередующихся знаков в виде крестов (солнце), капель (вода), зооморфного символа и косых полос (дождь) (рис. 11, 3). Кубок происходит из позднекобанского погребения 25 Минераловодского могильника (Козенкова, 1998, табл. XXXVII, 5). Из случайных погребальных находок можно упомянуть небольшой горшкообразный сосудик со значками очевидно сакрального смысла из сел. Отказного на Ставрополье (рис. 11, 8). На внешней стороне дна сосуда был нанесен знак солнца, а по окружности горловины чередовались знаки в виде символов дерева и двойных овалов (Козенкова, 1998, табл. XXXVII, 19).

Наиболее интересной в аспекте поставленной темы оказалась глиняная миска из случайно раскопанного Н.Н. Михайловым каменного ящика Березовского могильника (рис. 11, 10). На верхней части корпуса сосуда был нанесен сложный нарезной орнамент, признанный при его анализе Б.А. Рыбаковым «символически-магическим» (Рыбаков, 1973, с. 159). Орнаментальный фриз широкого пояса под горловиной миски состоял из серии чередующихся разных композиций, в которых Б.А. Рыбаков усматривает 12 свастических символов. Эти разные по форме знаки, по мнению исследователя, нередко отождествляются с солнцем и могут обозначать 12 месяцев года. Кроме того, на фризе миски имелись несвастические знаки, которые трактуются «как символическое изображение главного годового праздника – моления» (Рыбаков, 1973, с. 159). В чередующихся различиях знаков, возможно, зашифровано обозначение природных сезонов (Рыбаков, 1973, с. 160, 161, рис. 2, 2 – схема). Так, выделяются знаки из вертикальных зигзагообразных линий, «являющихся распространенной и устойчивой идеограммой падающей воды, дождя». Часть знаков в виде прямоугольников идентифицируются как знаки жилищ. На фризе выделяются 4 солнечных месяца. Сложная композиция из угла и вертикально расположенного зигзага трактуется как «горы с потоками воды и молнией в центре» и обозначает празднество в честь бога Грозы. Здесь, как мне представляется, уместно напомнить, что в древнейших мифологических традициях кавказских народов, а также древнейших индоевропейцев бог Грозы идентифицируется с божеством Грома (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 792). Таким образом, серия рисунков на миске, возможно, обозначает древний календарь, связанный с сакральными днями. Предложенная версия достаточно правдоподобна, если исходить из некоторых более поздних языческих представлений местного населения, засвидетельствованных этнографами. Например, у вайнахов бог-громовержец Сели был одновременно божеством молнии – Сели-хашк и радуги – Сели-ат (Семенов, 1928, с. 238; Шиллинг, 1931, с. 35). Сама же древняя глиняная миска из погребения VIII–VII вв. до н.э. Березовского могильника приоткрывает наличие сложной системности в мировоззренческих установках древних жителей кобанской культурно-исторической общности.

Наличие сложной мировоззренческой системы племен кобанской культуры, напоминающей отдельными чертами общеиндоевропейскую (Гамкрелидзе, Ива-

нов, 1984, с. 777–778, 851, 852), подтверждается материальными данными о существовании у них особого символического смысла некоторых чисел, в частности, дуального близнечного культа и культового смысла триединства форм в духовных представлениях и мифологии. Подобная система просматривается как в отношении человеческого общества, так относительно и животного мира. Наиболее показательной из этих данных является композиция из двух бронзовых статуэток, изображающих двух обнаженных мужчин, обнявших друг друга за плечи. Другая рука каждого прижата к груди (рис. 12, 1). Статуэтка происходит из окрестностей сел. Шали на территории восточного варианта культуры и датируется серединой I тыс. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 69, табл. XLII, 23). Уникально навершие кинжала из могильника Адай-дон (раскопки Х. Чшиева) со скульптурными фигурками двух всадников (Козенкова, 2014, рис. 43). Кинжал датируется IX–VIII вв. до н.э. (рис. 12, 14).

Значительно больше таких бинарных статуэток среди бронзовых изображений животного мира. Больше всего отмечено их в могильниках центрального варианта. Так, в погребении 244 Тлийского могильника найдена скульптурная фигурка лошади с двумя головами (рис. 12, 6), обращенными в противоположные стороны (Техов, 1977, с. 173, рис. 116, 2). Одна из булавок Кобанского могильника имела навершие (рис. 14, 2) в виде скульптуры из пары хищников, терзавших козла (Доманский, 1984, илл. 62). Уникальна бронзовая поясная пряжка (рис. 12, 15) с изображением пары противоборствующих хищников (Козенкова, 2013, рис. 37, 1) начала I тыс. до н.э. из Кобани. В центре (Тли) и на западе (Терезе) неоднократно засвидетельствованы находки скульптур (рис. 12, 4, 5, 8, 12) в виде сдвоенных птиц (Техов, 1977, с. 166, рис. 112, 12; Козенкова, 2004, табл. 42, 11; 48, 1). Датировка изделий X–VIII вв. до н.э. Известны такие бинарные фигурки животных конца II тыс. до н.э. и в Верхней Рутхе (Motzenbacher, 1996. Taf. 67, 5, 15–19).

Наличие некоего неясного культового смысла в числе *три* просматривается по многочисленным бронзовым изделиям (рис. 13 и 14), главным образом аксессуарами костюма и сакральным предметам типа ритуальных жезлов, например, состоявших из сложной композиции. Такой сакральный жезл имел место в составе Казбекского клада VI–V вв. до н.э. Он состоял из трех литых голов туров, расположенных вертикально одна над другой, в сочетании со скульптурой человека, державшего в руке булаву (рис. 14, 4) (Доманский, 1984, с. 79, 80, илл. XXVII). Многие украшения костюма из Кобанского могильника также несли на себе символ почитаемой троичности сущего. Например, бронзовая литая пряжка от пояса (рис. 13, 8) с тремя лежащими скульптурно выполненными фигурками животных, на спинах которых имелся солярный знак (Доманский, 1984, илл. 53). Сакральное число три отмечено и на навершиях бронзовых булавок из того же могильника. Например, одна из булавок имела навершие из сложной литой композиции в виде рогов козла, причем на каждом из рогов сидело по три птицы (Доманский, 1984, илл. 64). Некоторые дуги литых бронзовых фибул из Кобанского могильника и из Ксанского ущелья были кроме гравированного или литого орнамента украшены либо

тремя головками горных баранов (рис. 13, 6) (Кобань), либо тремя свисающими на длинных цепях миниатюрными навершиями булав (Доманский, 1984, илл. 144 и 161). Подлинным шедевром древней бронзовой пластики является выполненная в сложном литье подвеска из Кобанского могильника, возможно, составлявшая часть церемониального женского одеяния (рис. 14, 1). К горизонтальной планке, украшенной литым елочным орнаментом и скульптурами двух голубей по концам, были подвешены на петлях три миниатюрные обнаженные, с разведенными в сторону руками фигурки двух женщин и мужчины (Доманский, 1984, с. 79, 81, илл. XXVIII; Брилева, 2012, кат. 422). По тонкости и изяществу исполнения с этим украшением может сравниться только бронзовая литая булавка сложного головного убора из погребения 41 Сержень-Юртовского могильника восточного варианта (рис. 4, 13). Ее навершие в виде горизонтальной планки, украшенной елочным орнаментом, венчали три обнаженные, реалистично выполненные, миниатюрные женские скульптуры (Козенкова, 2002, с. 110, табл. 29, 9). Погребение относится к группе, датирующейся концом X – серединой IX в. до н.э. (Козенкова, 2002, с. 128, таблица VI). Особо обращает на себя внимание находка из Сержень-Юртовского могильника. Она как будто олицетворяет значительно более глубокий по древности, знакомый по античным источникам сюжет о «трех грациях», божественных дочерей неба и земли, то есть результата единства Верхнего и Среднего миров. Столь ярко и точно исполненное свидетельство из ареала кобанской культуры наводит на мысль о заимствовании древними греками поэтического образа «трех граций» с Кавказа – так же, как и мифа о Прометее.

Самыми ранними булавками, указывающими на сакральность троичности, видимо, следует признать так называемые вилообразные (XI тип по Б.В. Техову) бронзовые литые булавки с тремя отростками и овальными шляпками на концах из Тлийского могильника, датирующиеся XIV–XIII вв. до н.э. и являющиеся особенностью юго-осетинской группы Протокобанского периода Кобан Ia (Техов, 1977, с. 48–50, рис. 24; 49, 7–14; Козенкова, 1996, с. 89–92). Поздним же их вариантом были, вероятно, булавки типа Фаскау с навершием из трех отростков с шариками на концах (рис. 13, 2) (Уварова, 1900, табл. CX, 5). Самым концом Протокобанского периода (середина XII в. до н.э.) датируются близкого типа булавки из Былымского клада (Алмалы-кая). Так, некоторые булавки отсюда с навершиями из трех отростков имеют на концах выпуклые грибовидные шляпки (рис. 13, 1) или стилизованное изображение бычьих головок (Козенкова, 1989а, табл. XXXVII, 17, 20). И наконец, примечательным свидетельством сакральности числа 3 является навершие скипетра (рис. 3, 7), украшенного тремя головками хищников, из погребения 254 Тлийского могильника (Техов, 1980, с. 12, табл. 108, 8; Козенкова, 2013, с. 112, рис. 58, 3). Предмет уникален еще и тем, что как бы указывает на неразрывную связь мифологического представления населения кобанской культурно-исторической общности о существовании Верхнего мира с его солярным культом и мировоззренческого понимания особого смысла

троичности разных явлений Среднего мира, которые выступают здесь как единое целое.

Анализ вышеприведенных археологических свидетельств доказывает существование у населения кобанской культуры довольно развитой и сложной мировоззренческой системы с многочисленными формами и проявлениями в культовых и мифологических традициях. Достаточно убедителен факт раннего начала (около середины XIV в. до н.э.) процесса оформления всех этих явлений в духовной сфере конкретно у племен кобанской культурно-исторической общности, что является основной целью данного исследования. Касаясь сути содержания духовного мира этих племен на территории их обитания, следует, на мой взгляд, особо выделить *два момента*. Прослеживаемое по материальным остаткам сходство в общих проявлениях духовных и мифологических традиций с другими синхронными культурами Кавказа. Кроме того, в ряде элементов просматривается типологическое сходство с древнейшими общеиндоевропейскими культовыми и мифологическими традициями. В последнем, безусловно, нет полной идентичности. Специфическое отличие материальных особенностей в духовной сфере населения ареала Кобани от других территорий выражается главным образом в предпочтении тех или иных форм, образов и персонажей. А также в творческом изобразительном и смысловом их воплощении. Что касается специфики материального выражения элементов духовного мира каждого из локальных вариантов кобанской культуры, то она почти не выявляется. Различие отмечено лишь в численности предметов одной и той же номинации, в относительном разнообразии находок. Конкретика выражается также в предпочтении материала вещей и уровня изобразительного таланта их исполнения (бронза, глина, кость, камень, стилистика, технические приемы и т.п.).

VII. Традиционные черты в духовной сфере населения ареала поздней Кобани и в посткобанское время

Изложенное выше относится главным образом к раннему периоду и расцвету кобанской культуры, то есть не позднее начала VII в. до н.э. Что касается середины – второй половины I тыс. до н.э., то некоторые особенности духовного мира населения кобанской культурно-исторической общности претерпевают заметные изменения в результате очевидного разрушительного внешнего политического воздействия. А именно – мощного вторжения культуры северных кочевников скифо-савроматского происхождения, которые на протяжении не менее трех веков (середина VII – вторая половина IV в. до н.э.) политически и культурно влияли на все стороны быта местного населения. Хотя большинство глубоко традиционных форм духовной сферы, судя по археологическим данным, сохранилось, в способах выражения этих форм выявились новые черты, свойственные культуре пришельцев. Особенно они проявились в несвойственной местным канонам стилистике изобразительного искусства (рис. 15, 1–9) и в сакрализации некоторых не засвидетельствованных в раннекобанских материалах видов животных и птиц Среднего и Верхнего миров. Таковыми, как полагает Г.Н. Вольная, являются заяц, пантера, изображения которых стали появляться на некоторых изделиях конца VI – V в. до н.э. Причем изображение зайца на навершии штандарта из Нартанского могильника (Вольная, 2002, с. 106, рис. 7, 11) фактически единично и относилось к чрезвычайно смешанному и спорному (позднекобанский или скифский) по инвентарю памятнику. Более сложная картина с изображением пантеры и изменением стилистики орла, которые были приняты в пантеон традиционных животных местным населением. Довольно подробно специфика и семантика их проанализирована Г.Н. Вольной на сравнительных примерах животного мира Верхнего (орел) и Среднего (кошачьи виды) миров по отношению к кобанской культуре позднего периода (Вольная, 2002, с. 92–97, 100–105). К эксклюзивной, может быть, даже спорной новации следует пока относить появление в пантеоне изображения петуха, а следовательно, и его культового почитания, как предвестника явления Бога Солнца и символа плодородия (Баркова, 2015, с. 146, 148, 153). В качестве подвесок к конской сбруе бронзовые фигурки петухов обнаружены в Ассиновском кургане (восточный вариант) второй половины I тыс. до н.э. Г.Н. Вольная относит

их к берегам и считает «показателем того, что они скорее всего использовались в качестве амулетов, а не указывали на связь коня с солнечными культами» (Вольная, 2002, с. 7, 98, рис. 11, 1–3).

Касаясь характеристики позднего периода существования кобанской культурно-исторической общности, необходимо специально подчеркнуть, что в середине – второй половине I тыс. до н.э. местная культура отличалась от более ранних периодов значительной однородностью. В результате, фактически, по изделиям местных мастеров не прослеживается специфика духовного мира по каждому из трех ее вариантов. Собственно по конкретным новациям различаются два момента. Практически полное копирование импортных (возможно, даже импорт) скифских образцов вещей (рис. 15, 5) с реальным изображением орлов, например, из погребения 130 Лугового могильника (рис. 15, 2) восточного варианта (Козенкова, 2013, с. 126–127, рис. 71, 8, 9). Или копирование зеркал, на ручках которых имелась реалистичная фигурка пантеры или барана. Так, скорее всего, импортными были зеркала из гробницы Каменноостовского могильника и из гробницы III могильника Каррас западного варианта (Козенкова, 2013, с. 81, 82, рис. 39, 1, 3). Полной копией зеркала из Румынии было зеркало из Нальчика (Кузнецова, 2010, с. 241, рис. 46; Козенкова, 2013, с. 82, рис. 39, 2, 4). Все эти факты свидетельствуют о том, что в подобных случаях зооморфные изображения не несли *культовой* нагрузки, а были всего лишь чужеземными, экзотичными для местного населения украшениями на предметах туалета. Иное содержание у позднекобанских изделий, кочевнические оригиналы которых были переосмыслены и приняты местным сообществом как предметы культа (рис. 5, 1). Так, безусловна сакрализация орла, главным образом в виде символического стилизованного изображения его головы или когтей на различных предметах воинского снаряжения, например, в виде наконечников ножен или наверший кинжалов (Вольная, 2002, рис. 1–3). Наиболее яркий пример такого переосмысливания – это бронзовые литые птицеобразные нагрудные бляхи «типа Исти-су» конца VI – IV в. до н.э. (Артамонова-Полтавцева, 1950, с. 45, рис. 17, 2; с. 76, рис. 38; Мунчаев, 1963, с. 180, рис. 26, 1; Козенкова, 1973, с. 150, рис. 1; 1999, с. 187–189, рис. 1, 2, 11; Вольная, 2002, рис. 20–23). Местными мастерами создано совершенно оригинальное произведение торевтики (рис. 15, 6–9). В орнаментальной композиции на этих изделиях синкретически сочетаются образы летящего орла и зверя с чертами волка (рис. 15, 8) и пантеры (или барса), выполненные чеканкой в традиционной кобанской стилистике. Сами же нагрудные бляхи являлись культовой принадлежностью парадного воинского, а вместе с тем и жреческого облачения (рис. 15, 6), к которому дополнительно относились также другие, искусно выполненные, бронзовые украшения (браслеты, фибулы, бусы и т.п.). Петля на бляхе в виде крюка, бывшая также стилизованным изображением головы птицы, то есть размещалась сверху общей композиции, указывала на вертикальное положение сакральных атрибутов на costume. Геральдически расположенные между крыльями парящего орла, выполненные чеканкой и гра-

вировкой фигуры хищников отвечали, хорошо известной в кобанском искусстве идее «двух начал в целом», упомянутой выше. Но, кроме этого, подобный симбиоз, возможно, отвечал распространенной культовой и мифологической традиции о неразрывной связи Верхнего и Среднего миров. О.А. Артамонова-Полтавцева полагала, что форма птицеобразных блях, которые она считала пряжками, связана с мотивом крылатой богини, известным в переднеазиатском и скифском искусстве (Артамонова-Полтавцева, 1950, с. 78–80). То есть важным сюжетом сакрального мифа о трехуровневом мироздании. Действительно, бляхи-орлы, вестники богов Неба, явно составляли только часть церемониального культового облачения. В композицию входили также круглая бляха (символ солнца) и трапециевидная пластина (земля) с солярными знаками, прикрепленная к птицевидной бляхе. От бляхи к трапециевидной пластине вертикально свисали, судя по количеству отверстий на бляхе и пластине, от 4 до 13 рядов цепей (Вольная, 2002, рис. 20–23; Козенкова, 1973, с. 150, рис. 1; Скаков, Сташенков, 2005, с. 505, рис. 1, 1), возможно, олицетворявшими неразрывную связь миров, что целостно создавало символическую картину мироздания.

Кобанская культурно-историческая общность ко второй половине IV в. до н.э. по основным признакам (ареал, погребальный обряд, наиболее выразительные бытовые черты материальной культуры и т.п.) настолько изменяется, что можно констатировать формирование совершенно новой культуры не без воздействия внутренних и главным образом внешних факторов. Конец I тыс. до н.э. – наиболее «темный» в оценке характера материальной культуры. Тем не менее в быту автохтонного населения сохраняются многие традиционные черты. Сказывается это не только в оседлости, в некоторых чертах погребального обряда (например, в частичном сохранении скорченности костяка в погребальном обряде), в схожести ряда форм украшений (бронзовые булавки, фибулы, гривны и т.п.) и отдельных типов посуды (Абрамова, 1989, табл. 107), но и верований. Например, доказательством существования по-прежнему солярного культа могут служить два бронзовых литых псалия, происходящих, видимо, из самых поздних могил Кобанского могильника. Псалии от несохранившихся железных удил имели форму колеса с шестью спицами (рис. 15, 10). Каждая спица оканчивалась изображением головы человека (Доманский, 1984, илл. 184). Я.В. Доманский датировал эти эксклюзивные предметы первой половиной I тыс. до н.э. О.А. Брилева по художественной стилистике изображения человеческого лица отнесла псалии к VI–IX вв. н.э. (Брилева, 2012, с. 345, кат. 455). Однако имеются более твердые основания для даты. Подобная узда (железные удила с напускными железными колесовидными псалиями) была достаточно широко распространена у поздних скифов Крыма, у сарматов и меотов, в том числе и у местного населения центральной части Северного Кавказа в I в. до н.э. – III в. н.э. (рис. 15, 11) (Дашевская, 1989, табл. 54, 20; Каменецкий, 1989, табл. 93, 24; Абрамова, 1989, табл. 107, 28). Удила со столь художественно выполненными псалиями из аула Кобань были, скорее всего, частью церемониальной атрибутики ритуала посвящения коня богу Солнца. Сами

же необычные колесовидные псалии являлись мифологическим воплощением этого всемогущего образа. Как полагает Х(В).Т. Чшиев, «Возможно, мы имеем здесь дело с образом, близким в том числе осетинской мифологии. Во всяком случае, в осетинском нартовском эпосе присутствует антропоморфное огненное колесо Балсага/Барсага, которое подчиняется Солнцу» (Чшиев, 2014, с. 110). Церемониальный танец, посвященный Солнечному божеству (рис. 16, 4), угадывается на поясной пряжке из погр. 11 Дайского могильника VII–VIII вв. (Багаев, 1973, с. 201–203, рис. 1, 4).

Бронзовые колесовидные привески, как доказательство существования солярного культа, продолжают бытовать в материальной культуре Северного Кавказа и в аланскую эпоху VIII–IX вв. (рис. 16, 5–10) (Чшиев, 2014, с. 111, илл. 2). Наиболее позднее графическое изображение солярных знаков, близких древним кобанским, часто встречается среди североосетинских петроглифов XIII–XVIII вв. (Тменов, 1988, с. 137–147, рис. 1, 4; 3, 5, 6). Рисунок колеса с крестом на стене башни Каллагова (рис. 16, 19) идентичен ажурным колесовидным с крестом привескам из древних кобанских погребений (Тменов, 1988, рис. 2). В Чечне и Ингушетии – территории, некогда занятой племенами восточного варианта кобанской культуры, до позднего Средневековья на стенах родовых башен в высокогорье встречались изображения солярных знаков (круг, спираль) в сочетании с кистью руки человека (рис. 16, 11–16) (Марковин, 1988, с. 109, рис. 3, 8, 9, 11). Еще одним доказательным примером такой преемственности является опыт прямого сравнительного сопоставления изображений на петроглифах с предметами кобанского искусства (Смирнова, 1979, с. 132, рис. 1). По мнению Г.Р. Смирновой, близость некоторых наскальных рисунков из высокогорной области Малхиста настолько велика с кобанскими предметами по стилистике и смыслу (охотничий культ), что автор предполагает датировку этих петроглифов эпохой Кобани (Смирнова, 1979, с. 133, рис. 2).

Ритуально-охранительный смысл таких рисунков в сознании народов Северного Кавказа не смогли побороть даже догматы основных религий, христианства и мусульманства. Многочисленные свидетельства первобытных культов и ритуальной магии были собраны и опубликованы в конце XIX – начале XX в. исследователями этнографии горцев Кавказа, в том числе и территории, занятой в древности кобанской культурой. Например, сообщается о существовании многобожия у вайнахов, когда различные силы природы отождествлялись с определенным божеством (Семенов, 1928, с. 238). Всем им возносились молитвы и возлагались приношения, даже неведомому (непознаваемому) божеству (Джанашия, 1917, с. 168). У многих народов Кавказа сохранялась вера в охранительную силу амулетов. Например, амулета в виде руки человека. Магическую силу имели и отпечатки руки на стенах жилищ (Чурсин, 1929, с. 7, 8). У осетин во время церемоний, связанных с поклонением духу Алаерды, в святилища приносили металлические фигурки баранов. Как отголоски древнего культа поклонения Солнцу можно рассматривать и обычай разжигания костра на могиле умершего (Семенов, 1928, с. 393, 398). По

мнению У. Лаудаева, языческие верования (у чеченцев – *В.К*) отражались в народных хороводных песнях. Некоторые припевы такие древние, что люди даже не знают их значения (*Лаудаев*, 1872, с. 53–56). Подобные и многие другие сохранившиеся данные о разных формах языческих обычаев и культовых церемоний как тонкая нить соединяют древность и современность. Они позволяют в ряде случаев расшифровать их как некую знаковую систему, понятную обществу, стоящему на одном уровне в мировоззрении и мифологических традициях. Однако расшифровка смыслового содержания проанализированных материалов кобанской культуры в сравнении с некоторыми древними письменными свидетельствами, с одной стороны, и с кавказскими этнографическими данными, с другой, может быть представлена только как одна из версий.

VIII. Заключение

В монографии представлена одна из версий о мировоззрении и мифологических традициях, основанная на конкретных материальных свидетельствах населения кобанской культуры (кобанской культурно-исторической общности). Подвергнутые анализу материальные свидетельства имеют устоявшуюся в науке характеристику в других аспектах изучения Кобани (формы и особенности поселений, специфика погребального обряда, типология и хронологическая классификация бытовых изделий и оружия, вопросы этногенеза и др.). В меньшей степени в научных трудах получила разработку тема духовного мира племен кобанской культурно-исторической общности. Прделанная аналитическая работа в определенной мере вносит в нее новые штрихи.

В известных трудах многих поколений исследователей кобанской культурно-исторической общности накопленный объем сведений о ней рассматривался либо как объект разного рода систематизации, либо в утилитарном значении прикладного характера. Имели место сравнительно недавние аналитические работы, посвященные стилистике изделий, но в контексте материалов всего Кавказа (В.И. Марковин, Б.В. Техов, Н.Е. Урушадзе, В.Б. Виноградов, Л.Н. Панцхава, В.В. Кривицкий, В.Б. Ковалевская, А.Ю. Скаков, А.П. Мошинский, В.Т. Чшиев, Е.Е. Васильева, Г.Н. Вольная и др.). Высказывались различные версии, касающиеся семантики изображений на кобанских изделиях в сравнительном сопоставлении с предметами из других ареалов, близких по уровню развития культур эпохи бронзы – раннего железа, иногда территориально удаленных от Центрального и Северного Кавказа.

По данным комплексного изучения кобанской культурно-исторической общности, к настоящему времени достаточно очевидно, что она представляет собой структурированное по основополагающим бытовым признакам сообщество родственных племен автохтонного характера. Традиционно оседлый характер образа жизни в течение 1000 лет (*Козенкова*, 1996 г.) априори предполагал переход из поколения в поколение значительного числа элементов бытового уклада и сопутствующих ему неписанных законов во всех областях жизни (*Крупнов*, 1960; *Козенкова*, 1999), в том числе и элементов материальной культуры, отражавших восприятие жителями Кобани окружающей действительности. Фактически многие кобанские изделия из различных материалов (камня, кости, металлов, глины), имевших прикладной характер (аксессуары костюма, изделия художественного творчества, формы орудий труда и быта и т.п.), являлись довольно часто одновременно и принадлежностью духовной сферы.

В работе предложена достаточно правдоподобная, на наш взгляд, схема упорядочивания материалов, имеющих отношение к духовному миру населения кобанской культурно-исторической общности, что и является основной целью данного труда. В основу анализа положены наиболее показательные материальные свидетельства, главным образом эпохи расцвета кобанской культуры, то есть в пределах второй половины XIV в. до н.э. – начала VII в. до н.э. Исследован и вопрос специфики духовного мира в каждом из трех вариантов ареала культуры. По мере необходимости к комплексному анализу привлекались данные археологии и этнографии, что позволило предложить достаточно убедительную версию об общем уровне духовного мира жителей Кобани и об их представлении о строении вселенной. Этот мировоззренческий взгляд на окружающую действительность заключался в восприятии ее как одухотворенной субстанции с множеством конкретных форм (культ предков, культ мертвых, анимизм, тотемизм, придание магического значения большинству окружающих человека вещей и явлений (Крупнов, 1960, с. 358). О наличии подобной системы уходящих в глубину культурного субстрата первобытных верований свидетельствуют многие материальные данные в погребальном обряде, культовые жертвенники в слоях поселений, причудливые формы вещей. Сравнительные сопоставления с данными других культур позволяют предполагать, что носители кобанской культурно-исторической общности по уровню мировоззрения имели много общего в космогонических представлениях с древним населением Кавказа и более удаленных от него областей. В связи с этим для исследования темы духовного мира собственно Кобани и упорядочения ее материалов после выхода фундаментальной книги Е.И. Крупнова (1960) показалось возможным, на наш взгляд, использование версии о культурных универсалиях в самых разных по происхождению сообществах (Гамкрелидзе, Иванов, 1984). В особенности широко распространенного у многих народов мифа о трехуровневом устройстве мира: небесного, земного и подземного («Древо жизни»). Правомерность привлечения этого мифа для систематизации материалов кобанской культурно-исторической общности, связанных с культами, обусловлена следующими соображениями. Отмеченным в Кобани наличием материальных параллелей в других регионах. Важным является существование у современных вайнахов, проживающих на территории некогда восточной части ареала Кобани, варианта древнего мифа о строении вселенной в виде дерева на краю света. Но особенно важна находка в Камунте в Северной Осетии (некогда территории центрального варианта) ближневосточной гематитовой бусины, переделанной из цилиндрической печати XIV в. до н.э., с изображением «Древа жизни». Нахождение ее среди материалов кобанской культуры позволяет высказать предположение о знакомстве древнего местного населения с этим мифом о трехуровневой модели устройства мира (Верхний, Средний, Нижний) и принятии его в свою культуру в силу близости степени мировоззрения.

В работе объем материалов, имеющих отношение к духовной сфере, проанализирован по указанным выше трем уровням. Анализ конкретных вещей и их

иллюстрации достаточно убедительно, на наш взгляд, подтверждает наличие у племен кобанской культурно-исторической общности солярного культа в виде разнообразных знаков в бытовой сфере. Раздел, посвященный культам Среднего мира, включает обширный перечень антропоморфной и зооморфной пластики, имеющей отношение к земной жизни. В разделе, посвященном изображениям змей, рыб на многих вещах, а также уникальным фигуркам черепах, констатируется важность культов, связанных с подземным миром. Приведенные в монографии свидетельства более четко конкретизируют материальные формы древних культов *исключительно* у населения кобанской культуры, что в дальнейшем развитии темы позволит предметно сравнивать их с сакральными формами других культур Кавказа и сопредельных территорий.

Наше исследование показало, что духовный мир населения всех трех вариантов (центрального, восточного и западного) культуры в целом был единообразным по набору религиозно-культовых предметов. Следует, однако, подчеркнуть особое сходство форм изделий центрального и западного вариантов. Заметной спецификой в ряде случаев отличаются только материалы восточного варианта. Например, наличием глиняных пинтадер с солярными знаками. Отличие сказывается также в том, что на востоке ареала вместо бронзы культовая антропоморфная и зооморфная пластика изготовлена преимущественно из глины. Для восточного варианта не характерно изображение птиц и характерен культ свиньи (кабана). Только для центрального варианта Дигорского ущелья засвидетельствованы ранние культовые бронзовые подвески Протокобанского периода (XIV–XIII вв. до н.э.), изображавшие фантастических птиц – химер. Только в центральной части ареала, в могильнике Верхняя Рутха (раскопки Е.И. Крупнова), найдены бронзовые фигурки птиц в стремительном полете.

Для всего ареала культуры характерна знаковая символика на различных предметах. Особенно такие абстрактные сакральные знаки характерны для солярного культа. Особенностью ритуала у населения кобанской культурно-исторической общности является преобладание в антропоморфной пластике объемных скульптур мужских божеств, связанных с земным Средним миром, причем их сакральный смысл был более разнообразным, чем у женских фигурок. Среди зооморфных персонажей, судя по количеству находок талисманов, особо почитались бараны и олени. К специфическим чертам религиозного мировоззрения всего ареала культуры относится поклонение мифическому зверю, сочетавшему в своем облике черты кошачьего хищника, собаки (или волка) и водоплавающей птицы (т.н. «гвер»).

Анализ материалов позволяет предполагать наличие у древних жителей Кобани довольно развитой системы отправления религиозных культов (наличие общепоселковых и домашних святилищ, следы круговых церемоний, атрибуты жрецов). Ряд своеобразных предметов свидетельствует о развитой системе магических обрядов, связанных с лечением и охранительными функциями (амулеты, железные предметы, бусы, раковины, камни и т.п.). Изучение материалов духов-

ной сферы выявило еще один важный аспект, а именно наличие у племен кобанской культурно-исторической общности такой формы, как обладающая смыслом условная символика. То есть содержание многих абстрактных рисунков на предметах от посуды до одежды, некоторых форм погребальных сооружений было понятным людям, «прочитывалось» ими, являясь «неким изобразительным аналогом устного творчества» (С.В. Куланда, М.Н. Погребова). В этом кобанская культура была мировоззренчески сходна с другими близкими по уровню развития культурами. Особо следует отметить в миропонимании населения кобанской культурно-исторической общности такой факт, как почитание и придание сакрального символического смысла некоторым числам (близнечный культ, сакральность триединства), что характерно, например, и для культуры индоевропейцев.

Таким образом, анализ археологических свидетельств, отвечающих теме духовного мира носителей кобанской культурно-исторической общности, многими фактами доказывает наличие у них довольно развитой сложной мировоззренческой системы. Причем многочисленными формами в религиозно-культовых и мифологических традициях. Касаясь сути содержания духовной сферы племен кобанской культурно-исторической общности, необходимо особо подчеркнуть следующее:

1. Общее сходство черт мировоззрения и духовного мира населения ареала Кобани с другими синхронными культурами Кавказа.
2. Древнее сходство в ряде проявлений с культурой индоевропейцев и их общеиндоевропейскими мифологическими традициями. Наличие обусловлено, скорее всего, межкультурными связями.
3. Особая специфически местная интерпретация ряда культовых форм, например, различие в пантеоне животных на территории разных вариантов культуры; преимущественный реализм изображений животных; наличие синкретизма в отдельных категориях изображений животного мира; особая стилистика антропоморфной пластики и др.
4. Наличие предметной структурированной символики с понятным для населения значением.

На более позднем этапе развития кобанской культуры (конец VI – IV в. до н.э.) и в посткобанское время в духовной сфере населения изучаемой территории появляются новые признаки, которые следует подробно рассматривать специально. Но это уже другая тема. Можно лишь утверждать, что в последующие века проанализированные формы духовного мира населения кобанской культурно-исторической общности эпохи расцвета проступают в последующих культурах автохтонного населения, вплоть до позднего средневековья, лишь как традиционно преемственные. Древняя культура Кобани является для последующих периодов только культурным субстратом.

Литература

Абрамова М.П., 1989. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифское время. М.

Алборов Б.А., 1928. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Алаерды» // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ.

Алексеева Е.П., 1949. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 13. Л.

Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.

Антонович В.Б., 1882. Дневник раскопок осенью 1879 года // V Археологический съезд в Тифлисе. Труды предварительных комитетов. Т. I. М.

Анучин Д.Н., 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Известия Русского географического общества. Т. XX. М.

Артамонова-Полтавцева О.А., 1950. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. XIV. М.

Багаев М.Х., 1973. Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Баркова Л.Л., 2015. Изображение петуха в искусстве древнего Алтая // Археологический сборник. СПб. (Материалы и исследования по археологии Евразии; вып. 40).

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и раннескифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.

Белинский А.Б., 2011. Клино-Ярский могильник в системе синхронных могильников Восточной и Центральной Европы // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; Махачкала.

Берже А.П., 1859. Чечня и чеченцы. Тифлис.

Брилева О.А., 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.

Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетие до н.э.: каталог выставки. СПб., 2014.

Васильева Е.Е., 2016. Бронзовые предметы, украшенные скульптурными изображениями животных, из памятников Дигории // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной конференции, Грозный. 18–21 апреля 2016 г. Грозный.

Виноградов В.Б., 1968. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный.

Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный.

Вирсаладзе Е.Б., 1976. Грузинский охотничий миф и поэзия. М.

Вольная Г.Н., 2002. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Дзауджыхькау.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси.

Дашевская О.Д., 1989. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифское время. М. (Археология СССР).

Деопик Д.В., Крупнов Е.И., 1961. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.

Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Урбниси. Вып. I. Тбилиси.

Джанашия Н., 1917. Абхазский культ и быт // Христианский восток. Т. V, вып. III. Пг.

Доманский Я.В., 1984. Древняя художественная бронза Кавказа. М.

Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир.

Ильинская В.А., 1965. Культовые жезлы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии. М.

Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Кобаль И.В., 2012. Знаки на кераміці куштановицької культури // Peregrinationes Archaeological in Asia et Europa Joanni Chochorowski Doditatae. Krakow.

Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. М.

Козенкова В.И., 1966. Антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта // КСИА. Вып. 108.

Козенкова В.И., 1973. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант. М. (САИ; вып. В2-5).

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М. (САИ; вып. В2-5).

Козенкова В.И., 1986. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976–1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Козенкова В.И., 1989а. Кобанская культура. Западный вариант. М. (САИ; вып. В2-5).

Козенкова В.И., 1989б. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематика и хронология). Западный вариант. М. (САИ; вып. В2-5).

Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.

Козенкова В.И., 1998. Материальные основы быта кобанских племен. Западный вариант. М. (САИ; вып. В2-5).

Козенкова В.И., 1999. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Козенкова В.И., 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.

Козенкова В.И., 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М.

Козенкова В.И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М.

Козенкова В.И., 2006. Пряжки-кони кобанской культуры; к кавказско-луристанским контактам XI–X вв. до н.э. // РА. № 4.

Козенкова В.И., 2007. Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграции // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М. (МИАР; № 8).

Козенкова В.И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир. М.

Кривицкий В.В., 1986. Бронзовый предмет из крематория эпохи поздней бронзы Верхней Рутхи в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.

Кривицкий В.В., 1989. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван.

Кривицкий В.В., 2012. Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. СПб.

Кривицкий В.В., Нечаева Л.Г., Членова Н.Л., 1978. Крематорий могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии // VIII Крупновские чтения: тез. докл. Нальчик.

Крупнов Е.И., 1949. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. XXVII.

Крупнов Е.И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. М.; Л. (МИА; № 23).

Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

- Крупнов Е.И., 1969. Новые пинтадеры из Чечено-Ингушетии // Древности Восточной Европы. М.
- Кузнецова Т.М., 2010. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Том II. М.
- Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси.
- Куфтин Б.А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси.
- Лаудаев У., 1872. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис.
- Люлье Л.Я., 1927. Черкесия. Краснодар.
- Мамаев Х.М., Даутова Р.А., 1981. Кенхийский 1-ый могильник в верховьях Шаро-Аргуна // Памятники раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Мамаладзе Т., 1893. Народные обычаи и поверья гурийцев // Материалы описания местных племен Кавказа. Вып. XVII. Тифлис.
- Марковин В.И., 1969. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе.
- Марковин В.И., 1986. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1988. К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Марковин В.И., 2002. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су. Северо-Восточный Кавказ. М.
- Мартиросян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Миллер А.А., 1922. Изображение собаки в древностях Кавказа // Известия РАИМК. Т. II. Пг.
- Мифы народов Кавказа / Сост. М.Х. Багаев. Махачкала, 1999.
- Мошинский А.П., 1988. Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Мошинский А.П., 2010. Древние бронзы Кавказа. М.
- Мунчаев Р.М., 1963. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Нартский эпос. М., 1957.
- Папуашвили Р., 2011. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; Махачкала.
- Пиотровский Б.Б., 1992. Дополнение к статье Я.И. Гуммеля «Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г.» // ВДИ. № 4.
- Погребова М.Н., 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Погребова М.Н., 2011. История Восточного Закавказья. Вторая половина II – начало I тыс. до н.э. М.

- Раевский Д.С., Куланда С.В., Погребова М.Н.*, 2013. Визуальный фольклор. М.
- Рыбаков Б.А.*, 1973. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII–VII вв. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Семенов Л.П.*, 1928. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1927 гг. // Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ.
- Скаков А.Ю.*, 1997. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских топоров // Древности Евразии. М.
- Скаков А.Ю.*, 2006. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб.
- Скаков А.Ю. Сташенков Д.А.*, 2005. Новый позднекобанский комплекс из горной Чечни // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М.
- Смирнова Г.Р.*, 1979. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный
- Стеблин-Каменский И.М.*, 1993. Авеста. Избранные гимны из Видевдата: лит. пер. с авестийского. М.
- Техов Б.В.*, 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.
- Техов Б.В.*, 1980. Тлийский могильник: каталог. Т. I. Тбилиси.
- Техов Б.В.*, 1981. Тлийский могильник: каталог. Т. II. Тбилиси.
- Техов Б.В.*, 1985. Тлийский могильник: каталог. Т. III. Тбилиси.
- Техов Б.В.*, 1988. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси.
- Техов Б.В.*, 2000. Новый памятник поздней бронзы в Южной Осетии. Цхинвал.
- Техов Б.В.*, 2001. Кобано-тлийское графическое искусство. Владикавказ; Цхинвал.
- Техов Б.В.*, 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ.
- Тменов В.Х.*, 1988. Памятники средневекового изобразительного искусства Трусовского ущелья // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Уварова П.С.*, 1900. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.
- Урушадзе Н.Е.*, 1973. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья // СА. № 1.
- Урушадзе Н.Е.*, 1984. Бронзовая летопись древней Грузии. Тбилиси.
- Урушадзе Н.Е.*, 1988. Древнегрузинское пластическое искусство. Тбилиси: Хеловнеба.
- Флиттнер Н.Д.*, 1939. Сиро-хеттские памятники Эрмитажа // Труды отдела Востока / Гос Эрмитаж. Т. I. Л.
- Хасбулатова З.И., Исаева М.М.*, 2016. Экологическое воспитание детей в традиционной чеченской семье и его значение в подготовке к трудовой деятельно-

сти // Вестник института развития образования Чеченской республики. Вып. 15. Грозный.

Хасиев С.А., 1969. О некоторых древних чеченских оберегах (К вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов) // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный.

Цитладзе Л.Г., 1963. К некоторым вопросам казбекскогоклада // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. 3. Тбилиси.

Чурсин Г.Ф., 1929. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала.

Чурсин Г.Ф., 1957. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми.

Чишеев В.(Х).Т., 2014а. Семантика зооморфных блях «крылатый баран» кобанской археологической культуры: кавказско-индоевропейские параллели // Устойчивое развитие горных территорий. Вып. № 2 (20). Владикавказ.

Чишеев Х(В).Т., 2014. Солярные колесовидные привески кобанской культуры // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Вып. 1. Владикавказ.

Чишеев Х.Т., 2005. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир.

Шиллинг Е., 1931. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. Т. II. М.

Chantre E., 1886. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Atlas. T. II. Paris; Lyon.

Mošinskij A., 1999. Die Bestattung eines «Priesters» der Koban-kultur im Gräberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. Bd. 5.

Motzenbäcker I., 1996. Sammlung Kossnierska. Die digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin.

Описание иллюстраций

Карта. Ареал кобанской культурно-исторической общности (по: *Козенкова*, 1989б, с. 253, карта 24). Римскими цифрами обозначены локальные варианты: западный, центральный, восточный

Рис. 1. «Древо жизни» и солярные символы Верхнего мира (небо) из памятников кобанской культуры.

1 – Камунта, мог.; 2, 11, 16–19 – Сержень-Юрт, посел.; 3, 6, 8, 13, 20 – Терезе, мог.; 4 – Сержень-Юрт, мог.; 5, 7, 12 – Мебельная фабрика-1, мог.; 9 – Кобань, мог.; 10 – Эссентуки, клад; 14 – Пятигорье, случ. нах.; 15 – Кобань, мог., раскопки Р. Вирхова, 1883; 21 – Пседах, мог.; 22 – Клинь-Яр, посел.; 23 – Кобань, мог., раскопки Е. Шантра, 1886 (1 – *Флиттнер*, 1939; 2–8, 10–13–22 – *Козенкова*, 1982, 1986, 1989, 1995, 1998, 2001, 2002, 2004; 9, 15 – *Уварова*, 1900; 14 – *Крупнов*, 1960; 23 – *E. Chantre*, 1886). 1 – гематит; 2–10, 12–15 – бронза; 11, 16–23 – глина.

Рис. 2. «Древо жизни» и солярные символы Верхнего мира (небо) из памятников кобанской культуры.

1, 4 – Тли, мог.; 2 – Былым, клад; 3, 17 – Сержень-Юрт, посел.; 5, 6, 16 – Кобань, мог.; 7, 10, 11, 13, 19, 22 – Терезе, мог.; 8 – Верхняя Рутха, мог.; 9 – Галиат (Фаскау), мог.; 12, 21 – Нальчик, случ. нах., 1952 г.; 14 – Верхняя Рутха («крематорий»), раскопки Л.Г. Нечаевой; 15 – Верхний Баксан, клад; 18 – Верхняя Рутха. Собрание А. Коссниерской; 20 – Индустрия-1, мог., раскопки Г.Е. Афанасьева, 1971 г. (1, 4 – *Техов*, 1977; 2, 3, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 19, 20, 22 – *Козенкова*, 1989а, 1996, 2001, 2004, 2013; 5, 6, 16 – *Уварова*, 1900; 8, 12, 21 – *Крупнов*, 1960; 18 – *Motzenbäcker*, 1996). 3, 17 – глина; остальные – бронза.

Рис. 3. Солярные символы на различных предметах быта населения кобанской культуры.

1 – Терезе, мог.; 2 – Былым, клад; 3 – Сержень-Юрт, посел.; 4 – гора Бештау, посел.; 5 – Клинь-Яр-3, мог., раскопки С.Л. Дударева; 6 – Терская обл., случ. нах.; 7–10 – Тли, мог.; 11 – Мебельная фабрика-1, мог.; Кобань, мог.; 13 – Кисловодск, комбинат стройизделий, мог.; 14 – пещера Шисса, клад; 15 – Змейская, посел. (1–4, 11, 13, 14 – *Козенкова*, 1989а, 1998, 2001, 2004, 2013; 5 – *Дударев*, 1999; 6 – *Уварова*, 1900; 7–10 – *Техов*, 1977, 1988; 12 – *Chantre*, 1886; 15 – *Деоник*, *Крупнов*, 1961). 3, 4, 13–15 – глина; остальные – бронза.

Рис. 4. Элементы культа Среднего мира (земля). Антропоморфная пластика и жертвенники.

1 – Казбек, клад; 2 – Кобань, мог., раскопки Р. Вирхова; 3, 4 – Тли, мог.; 5–7, 11, 15–17 – Сержень-Юрт, посел.; 8, 13 – Сержень-Юрт, мог.; 9 – Хабаз, случ. нах.; 10 – Индустрия-1, мог.; 12 – Лашкута, разруш. погр.; 14 – Черкесск, случ. нах. (1, 2 – Брилиева, 2014; 3, 4 – Техов, 1977; 5–8, 11, 13–17 – Козенкова, 1998, 2001, 2002; 12 – Батчаев, 1985). 1–4, 8–10, 12–14 – бронза; 5–7, 11, 16 – глина; 15 – челюсти свиньи; 17 – обожженная глина.

Рис. 5. Элементы культа Среднего мира (земля). Зооморфная пластика. Олени на различных предметах быта.

1 – Душети, случ. нах.; 2–4, 6 – Кобань, мог.; 5 – Аргунское ущелье, случ. нах. из коллекции А.П. Ипполитова; 7, 9 – Сержень-Юрт, мог.; 8 – Терезе, мог. (1, 5, 7–9 – Козенкова, 1982, 2002, 2004, 2007). 7, 9 – глина; остальные – бронза.

Рис. 6. Элементы культа Среднего мира (земля). Сакрализация барана, овцы и козла.

1, 4, 5, 9, 10, 17 – Сержень-Юрт, посел.; 2, 3, 7, 16 – Кобань, мог.; 6 – Этока, мог.; 8 – Тли, мог.; 11 – Зандак, мог.; 12 – Уллубаганалы-2, мог.; 13 – Баксанское ущелье, случ. нах.; 14 – Белореченский-2, мог.; 15 – Лисри, культовое сооружение (1, 4, 5, 9, 10, 17 – Козенкова, 2001; 2, 7, 16 – Chantre, 1886; 3 – Уварова, 1900; 6, 12, 13, 14 – Козенкова, 1998; 8 – Техов, 1977; 11 – Марковин, 2002; 15 – Марковин, 1969; Козенкова, 1996). 1, 4, 5, 9, 10, 17 – глина; 2, 3, 6–8, 11–16 – бронза.

Рис. 7. Элементы культа Среднего мира (земля). Зооморфная пластика. Сакрализация быка, кабана и свиньи.

1, 6, 9 – Тли, мог.; 2, 17 – Терезе, мог.; 3–5 – Кобань, мог.; 7, 8, 10, 11–16 – Сержень-Юрт, посел.; 18 – Каррас, мог.; 19 – Индустрия-1, мог. (1, 6, 9 – Техов, 1977; 2, 7, 8, 10–19 – Козенкова, 1998, 2001, 2004; 3, 5 – Уварова, 1900). 1–6, 9, 17, 19 – бронза; 7, 8, 10–16 – глина; 18 – кость.

Рис. 8. Элементы культа Среднего мира (земля). Зооморфная пластика. Сакрализация волка, собаки, медведя, лося и синкретических существ.

1, 3, 5, 6, 8, 10–12 – Кобань, мог.; 2, 4, 7, 14 – Сержень-Юрт, посел.; 9 – Терезе; 13 – Стырфаз, мог.; 15 – Тли, мог. (1, 3, 5, 6, 8, 10–12 – Уварова, 1900; 5 – Chantre, 1886; 2, 4, 7, 9, 14 – Козенкова, 1998, 2002; 13, 15 – Техов, 1977, 1988). 1, 3, 5, 6, 8–13 – бронза; 2, 4, 7, 14 – глина.

Рис. 9. Элементы культа Нижнего мира (вода). Сакральные существа водной стихии (рыба, змея, черепаха, утка, божества, связанные с водой и небом).

1–3, 5, 12 – Кобань, мог.; 4, 6, 9, 11 – Тли, мог.; 7 – Терезе, мог.; 8 – Былым, жилищный оборонительный комплекс, раскопки В.М. Батчаева; 10 – Клинь-Яр-3, мог. (1987); 13 – Пседах, мог. (1–3, 5, 12 – Уварова, 1900; 4, 6, 9, 11 – Техов, 1977, 1988; 7, 8, 13 – Козенкова, 1986, 1998; 10 – Дударев, 1999). 8 – глина; остальные – бронза.

Рис. 10. Элементы культа Нижнего мира (вода), свидетельства круговых церемоний, магии и гадания на предметах быта кобанской культуры.

1, 3, 4, 9, 10, 12–14 – Кобань, мог.; 2 – Герменчук (по Н.С. Семенову), кург.; 5 – Гастон-Уота, мог.; 6 – Тли, мог.; 7 – Эшкакон, мог.; 8 – Верхний Баксан, клад; 11 – Заюково, случ. нах.; 10 – Сержень-Юрт – посел.; 16 – Мебельная фабрика-1, мог.; 17 – Березовский мог.; 18 – Терезе, мог. (1, 3, 4, 9, 10, 12–14 – *Chantre*, 1886; *Уварова*, 1900; 6 – *Техов*, 1977; 5 – *Mošinskij*, 1999; *Мошинский*, 2010; 7, 8, 11, 16–18 – *Козенкова*, 1989а, 1998, 2002, 2004). 1–13 – бронза; 16, 17 – раковины; 15, 18 – кость.

Рис. 11. Смысловые знаки на предметах кобанской культуры.

1 – Сержень-Юрт, посел.; 2 – Тамгацик, мог.; 3 – Минералводский, мог.; 4 – Кобань, мог.; 5 – Каменноостровский мог.; 6 – Березовский, мог.; 7 – Замни-Юрт, случ. нах.; 8 – Отказное, случ. нах.; 9 – Мебельная фабрика-1, мог.; 10 – Березовский-1, мог. (1–3, 5–9 – *Козенкова*, 1982, 1998, 2002; 4 – *Уварова*, 1900; 10 – *Рыбаков*, 1973). 1–10 – глина.

Рис. 12. Дуализм в мировоззрении древних «кобанцев».

1 – Шали, случ. нах. из сборов В.Б. Виноградова 1969 г.; 2, 5, 11, 13, 15 – Кобань, мог.; 3, 7 – Верхняя Рутха, мог.; 6 – Тли, мог.; 4, 12 – Терезе, мог.; 9, 10 – Сержень-Юрт, посел.; 14 – Адайдон, мог., раскопки Х.Т. Чшиева (1, 4, 9, 10, 12, 14 – *Козенкова*, 1982, 2002, 2004, 2013; 2, 5, 8, 11, 13 – *Chantre*, 1886; *Уварова*, 1900; 3, 7 – *Крупнов*, 1960; *Motzenbacher*, 1996; 6 – *Техов*, 1977). 1–15 – бронза.

Рис. 13. Мифологическое представление о сакральности триединства в мировоззренческих традициях древних «кобанцев».

1 – Былым, клад; 2, 6–9 – Кобань, мог.; 3 – Тли, мог.; 4 – Заюково, случ. нах.; 5 – Карабашево, мог. (1, 4, 5 – *Козенкова*, 1989а, 1998; 2, 6–9 – *Chantre*, 1886; *Уварова*, 1900; *Доманский*, 1984; 3 – *Техов*, 1977). Все бронза.

Рис. 14. Мифологическое представление о сакральности триединства в мировоззренческих традициях древних «кобанцев».

1–3 – Кобань, мог.; 4 – Казбек, клад (1, 3, 4 – *Уварова*, 1900; *Доманский*, 1984; 2 – фото Ю.Ю. Пиотровского). Все бронза.

Рис. 15. Солярная символика на предметах кобанской культуры позднего этапа и в посткобанской культуре населения этой территории в конце I тыс. до н.э.

1 – Баксан, случ. нах., собрание Е. Зичи; 2–4 – Луговой, мог.; 5 – Галайты-2, мог., раскопки М.Х. Багаева; 6 – Исти-су, мог. (по О.А. Артамоновой-Полтавцевой); 7, 9 – Ведено, случ. нах.; 8 – Шали, случ. нах.; 10, 11 – Кобань, мог. (1, 5, 8 – *Козенкова*, 1996, 2013; 2–4 – *Мунчаев*, 1963; 6 – *Артамонова-Полтавцева*, 1950; 7, 9 – *Скаков*, *Сташенков*, 2005; 10, 11 – *Уварова*, 1900; *Доманский*, 1984). 1–9, 11 – бронза; 10 – бронза и железо.

Рис. 16. Солярная символика в средневековой бытовой культуре населения Северного Кавказа (могильники, башни, жилища).

1, 2 – Кенхи, мог. (VIII–IX вв.), раскопки Х.М. Мамаева и Р.А. Даутовой; 3, 5–10 – из разных памятников аланской и салтово-маяцкой культур (VIII–IX вв.); 4 – Дай, мог. (конец VII – начало VIII в.); 11, 12 – Эткали; 13 – Цой-Педе; 14 – Хогада; 15 – Муцарой (мечеть); 16 – башня Шула (район Итум-Кале); 17, 18 – с. Абано, дом Цоболовых; 19 – с. Теп, башня Каллоговых (XV–XVIII вв.). 1, 2 – Козенкова, 1999; 3, 5–10 – Чиев, 2014; 4 – Багаев, 1973; 11–16 – Марковин, 1988; 1–19 – Тменов, 1988.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

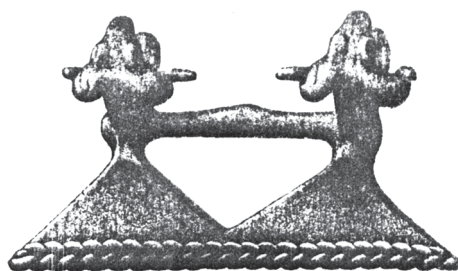

Рис. 1.

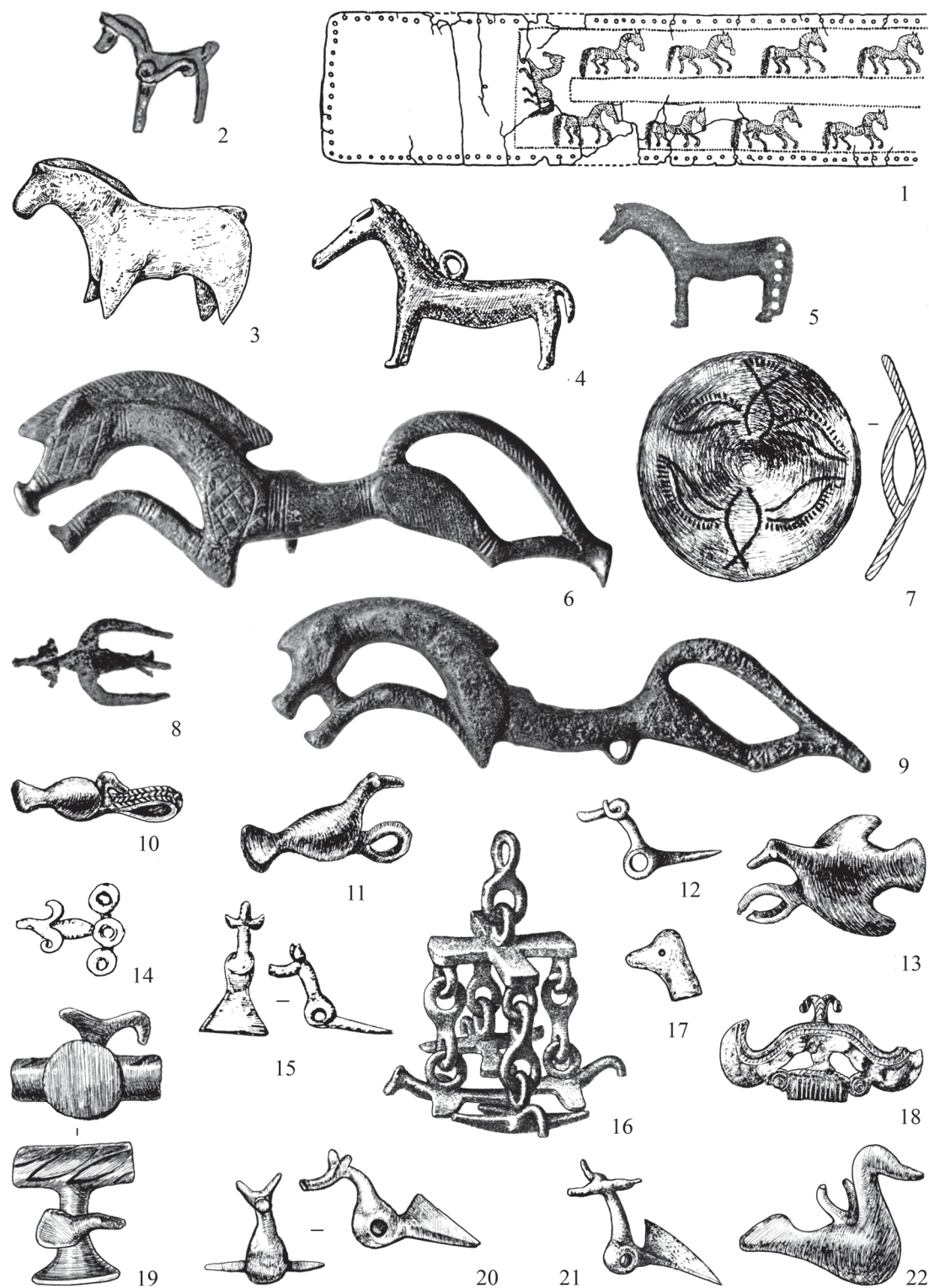

Рис. 2.

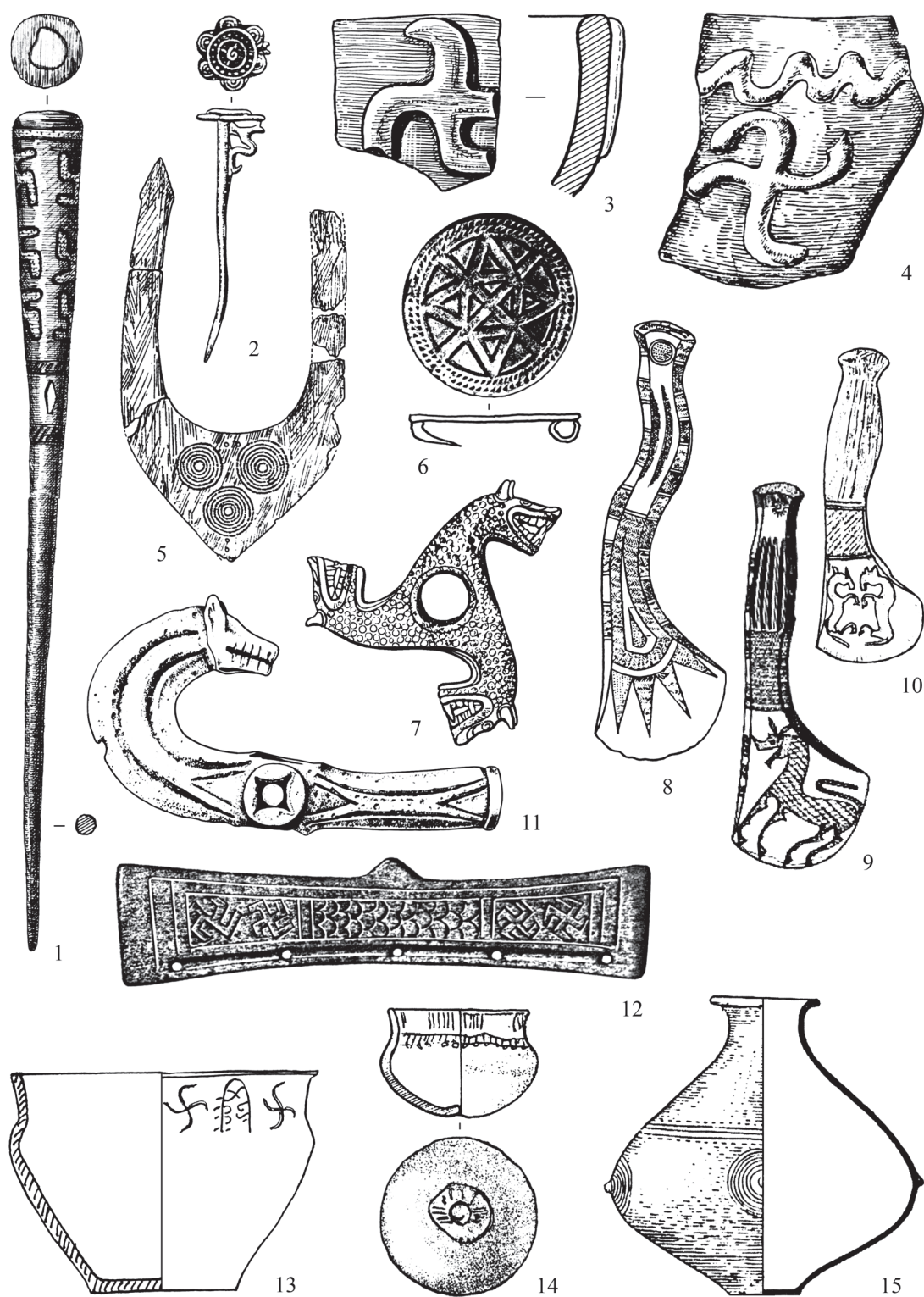

Рис. 3

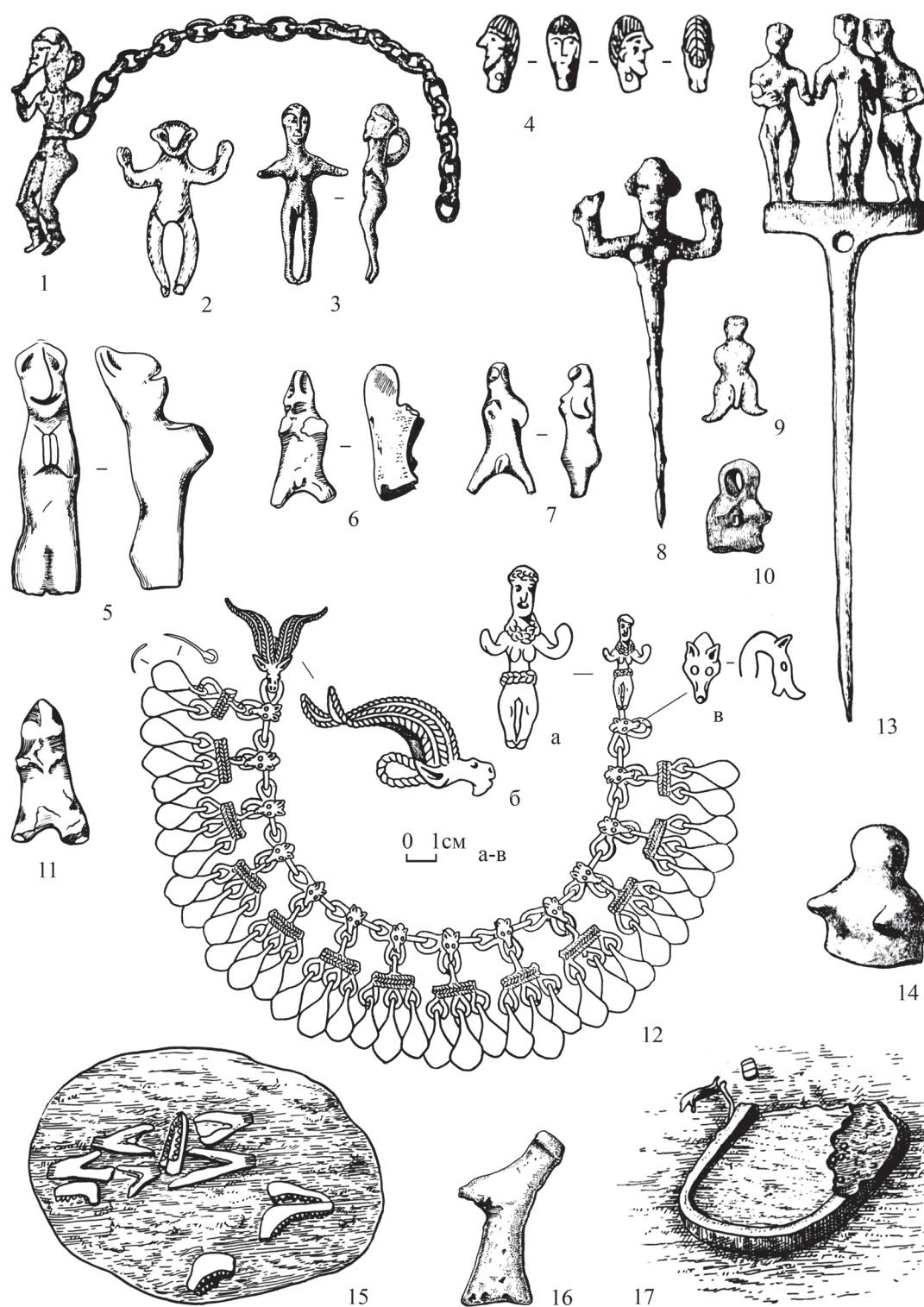

Рис. 4

Рис. 5

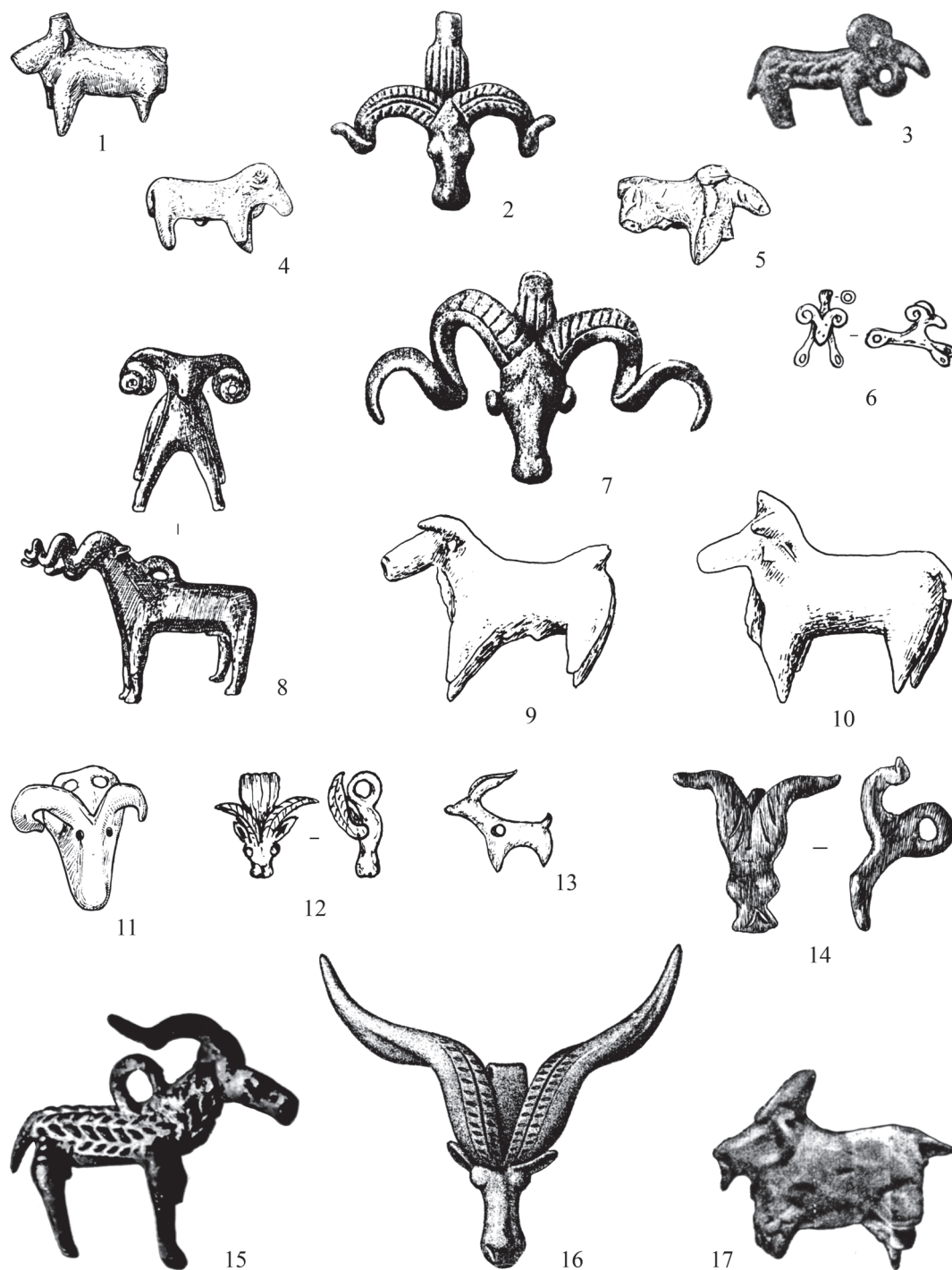

Рис. 6

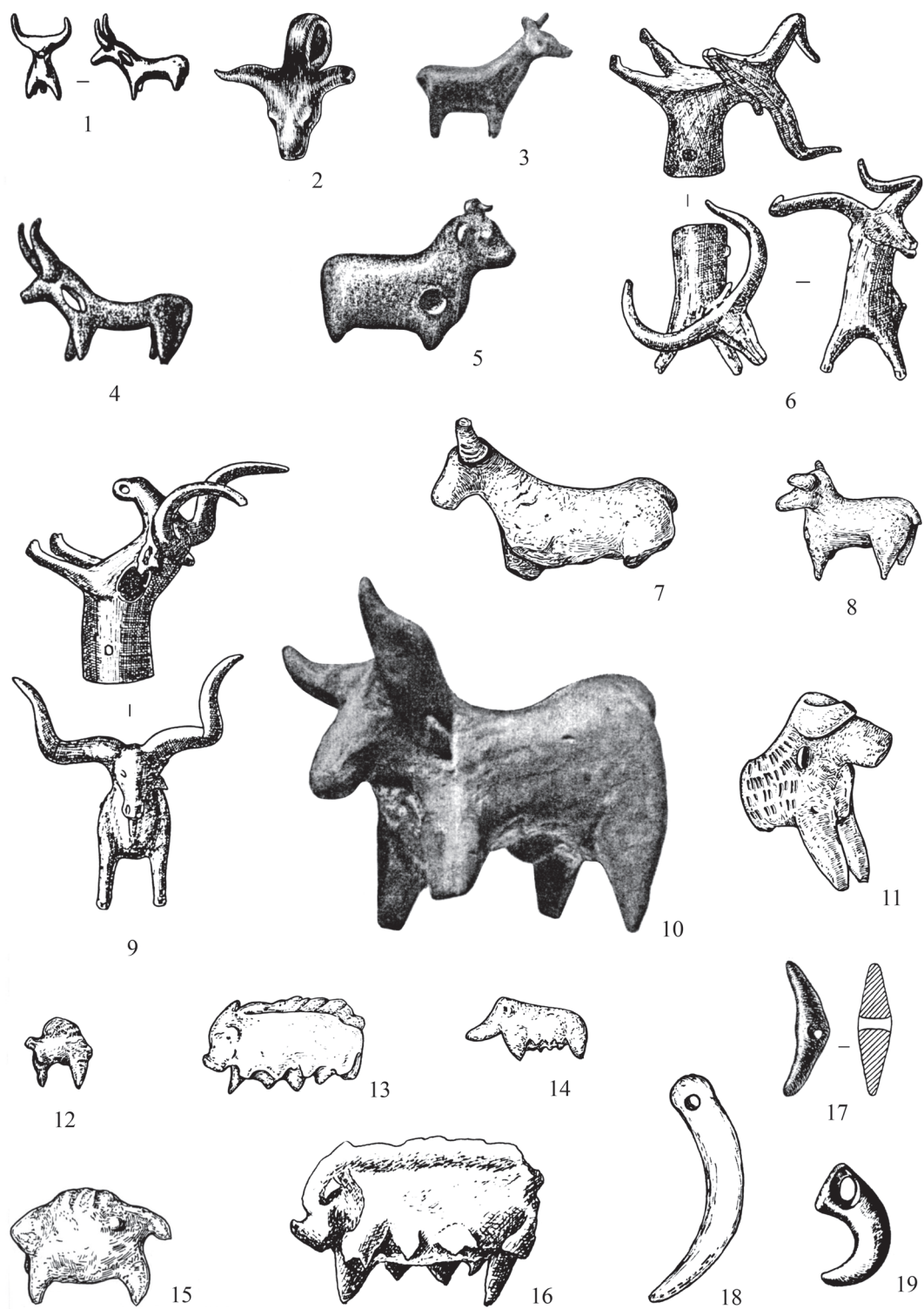

Рис. 7

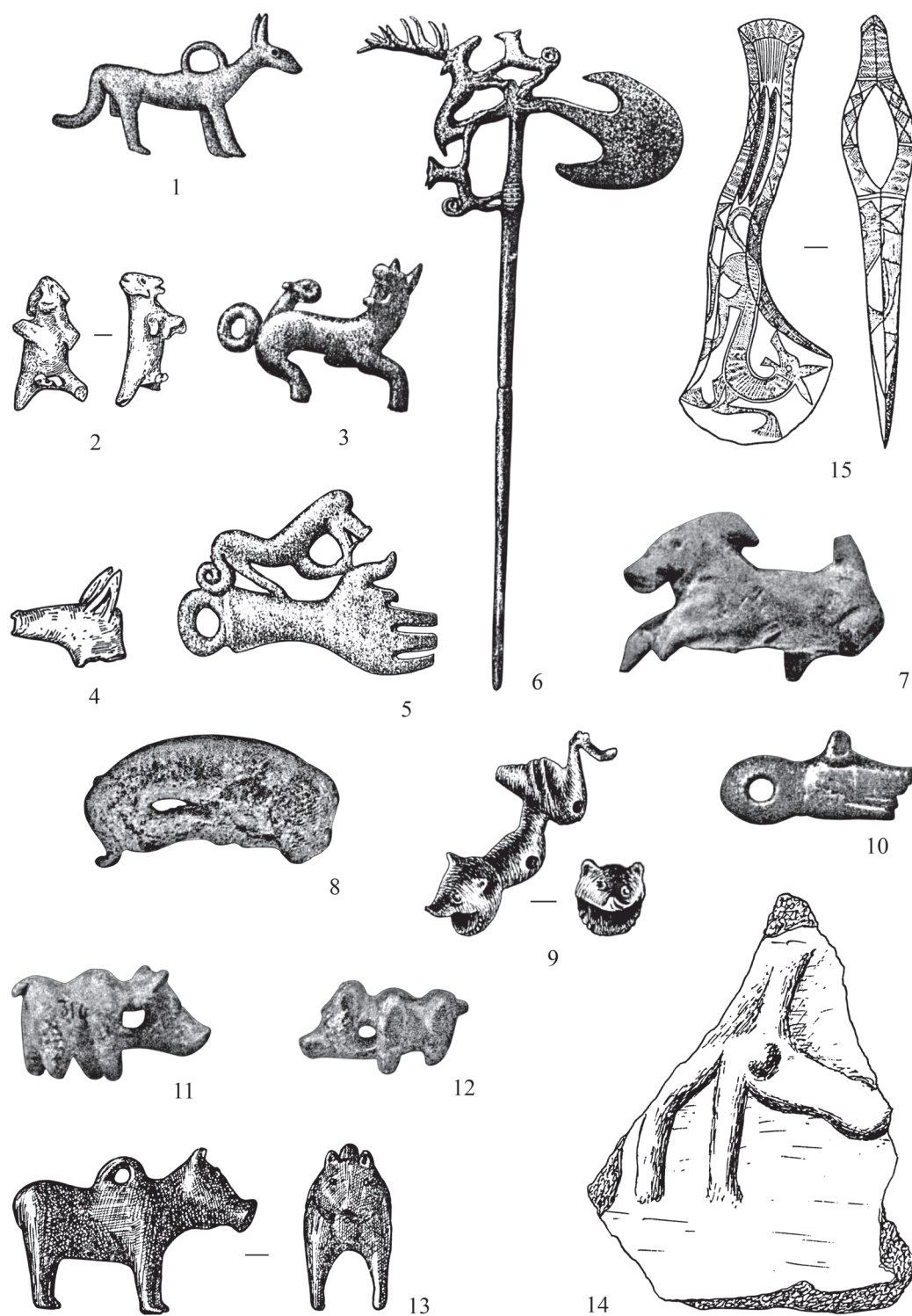

Рис. 8

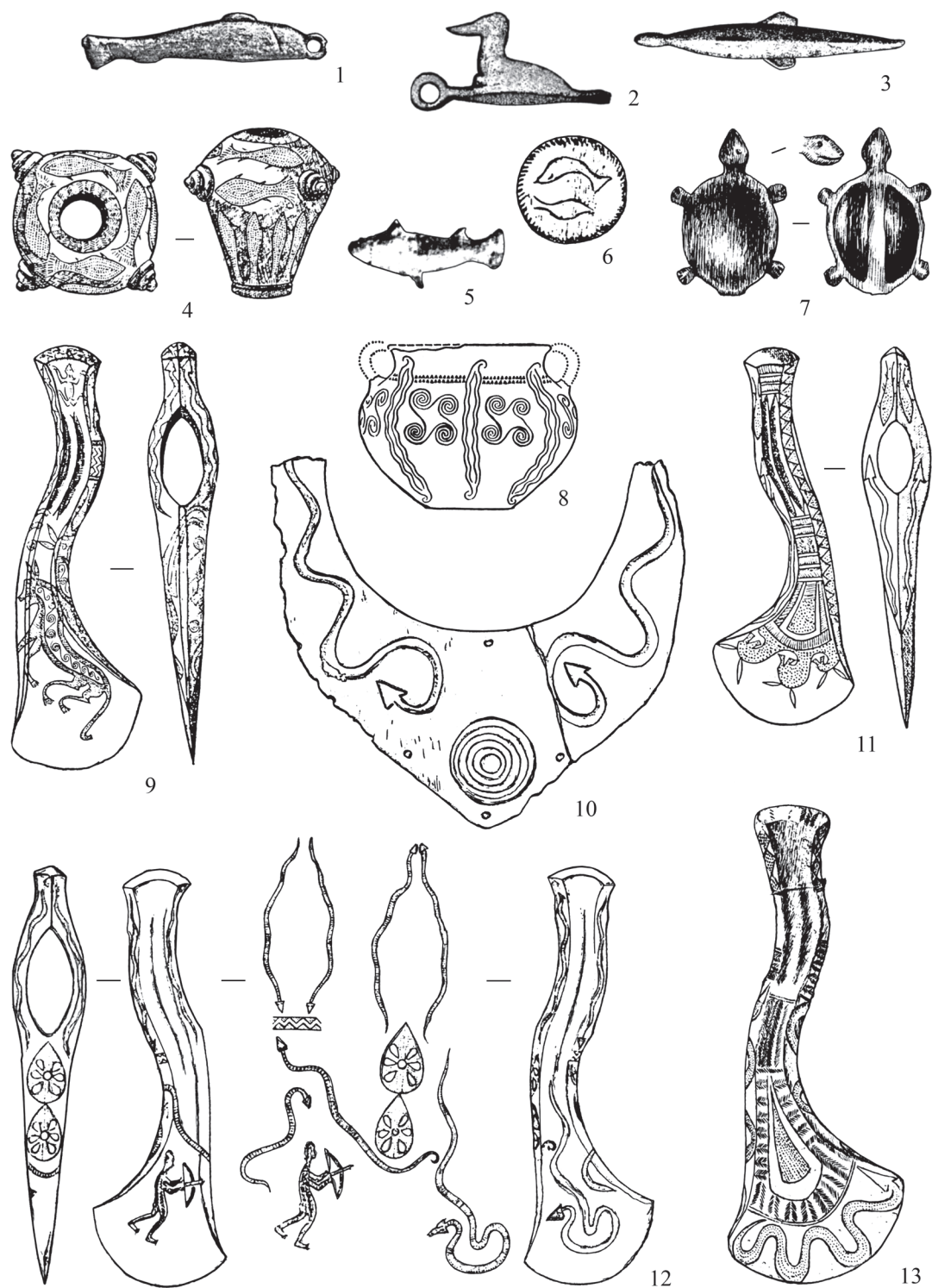

Рис. 9

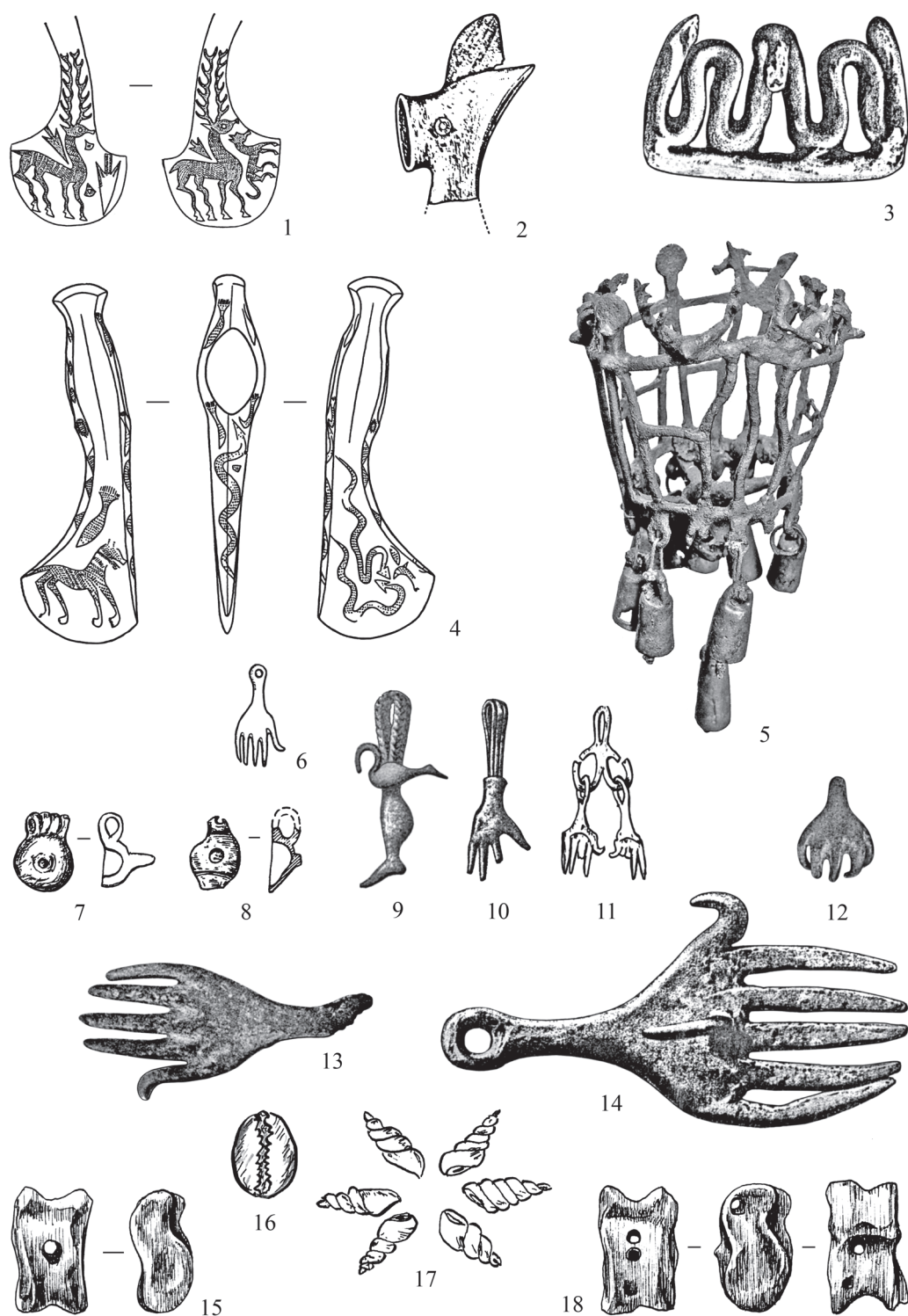

Рис. 10

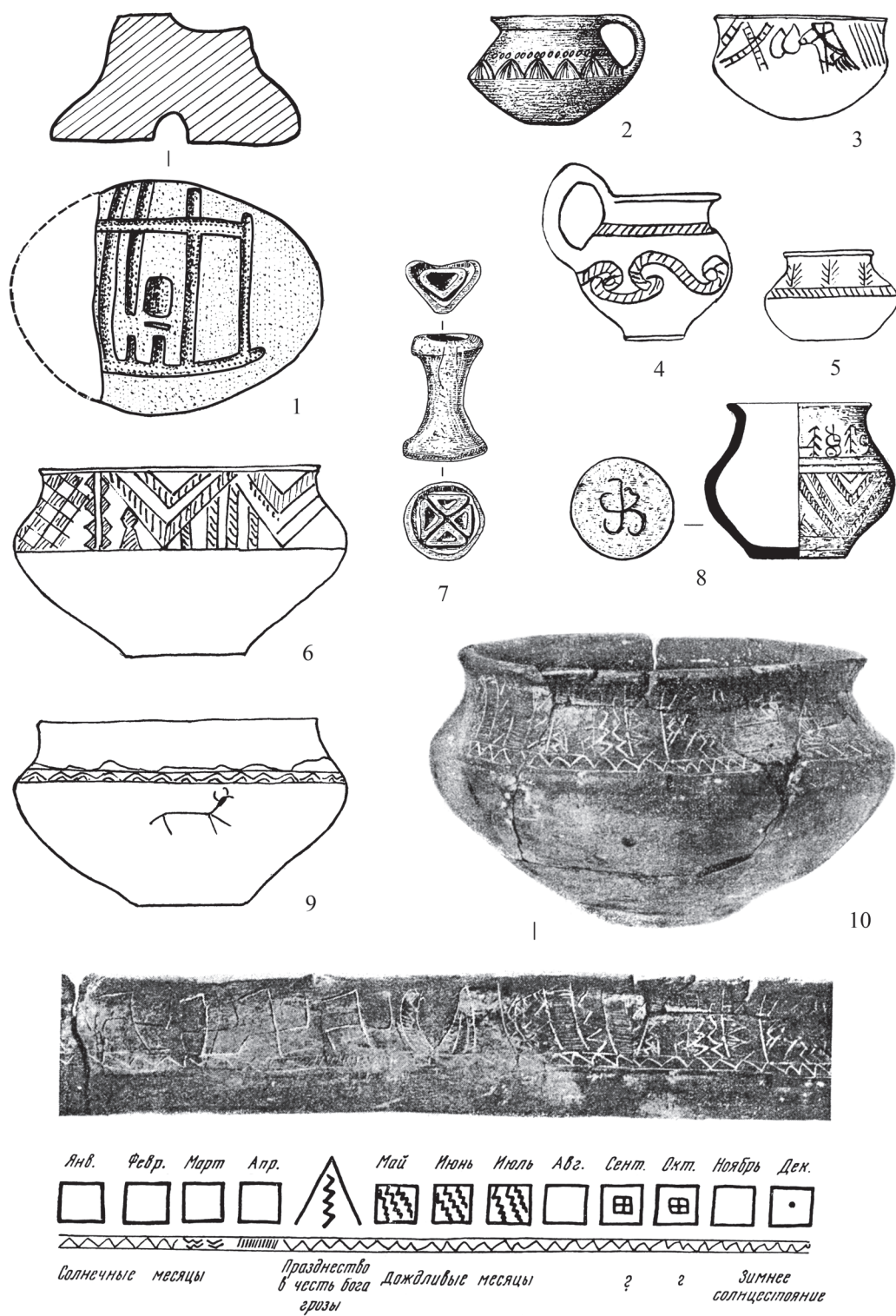

Рис. 11

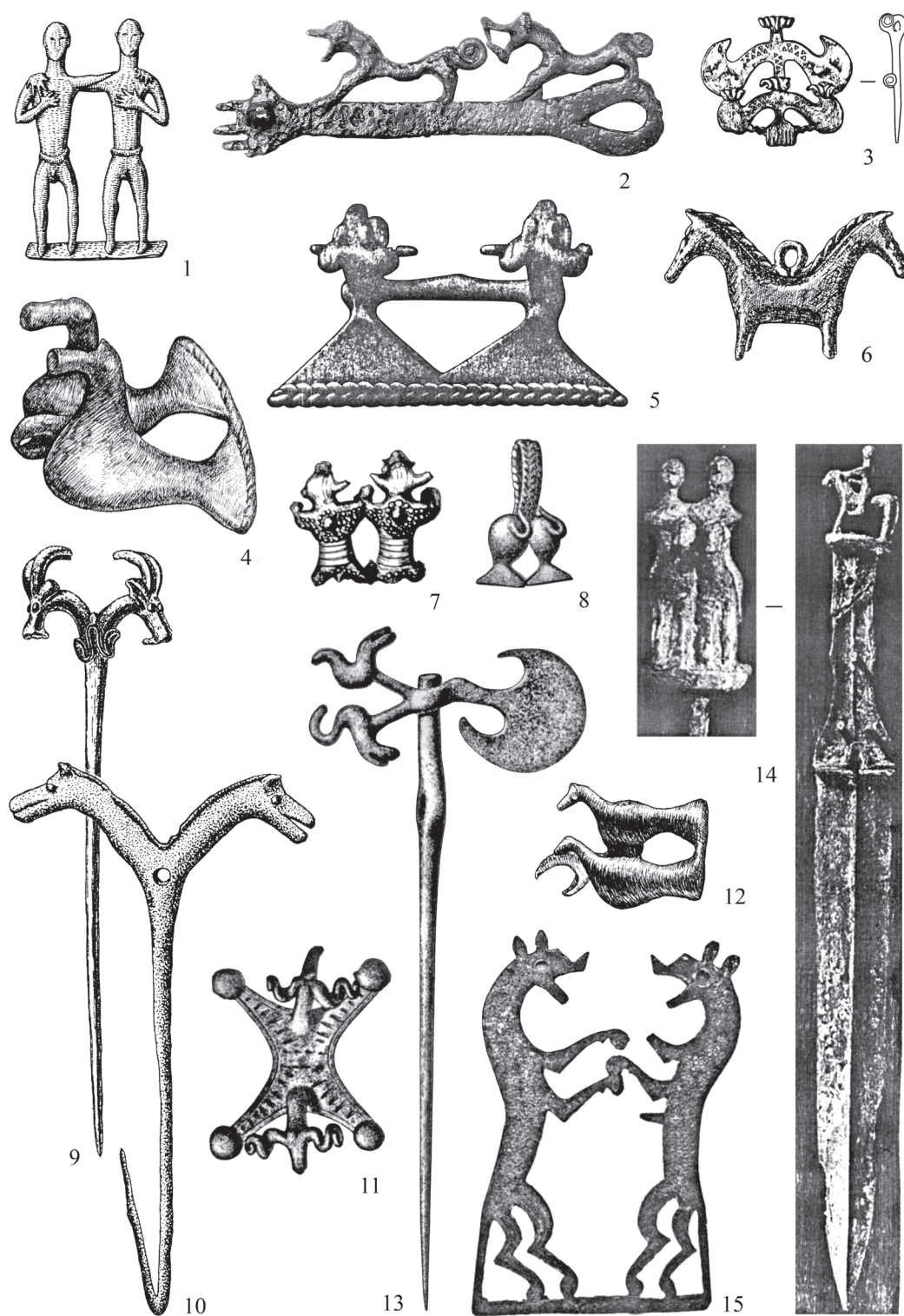

Рис. 12

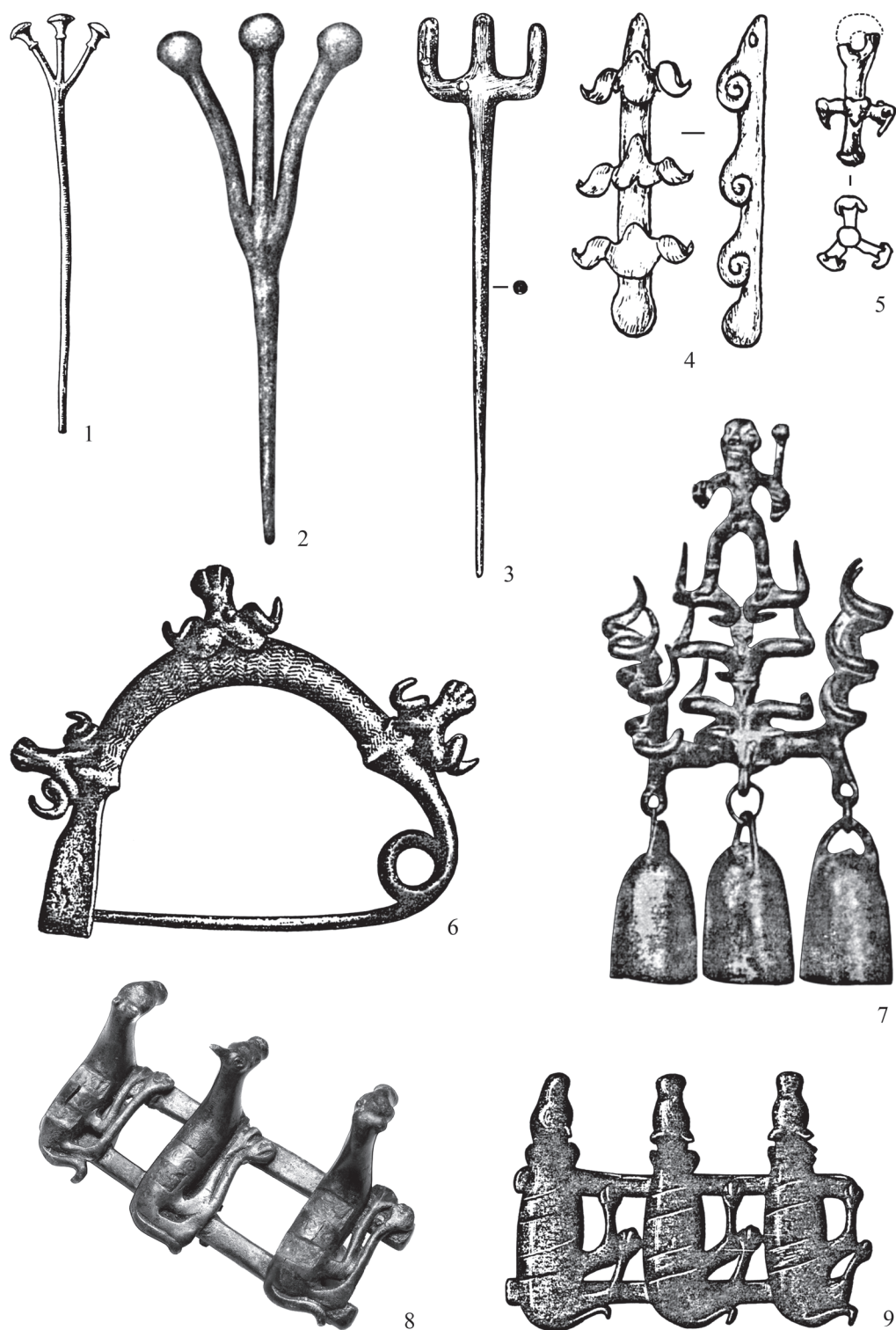

Рис. 13

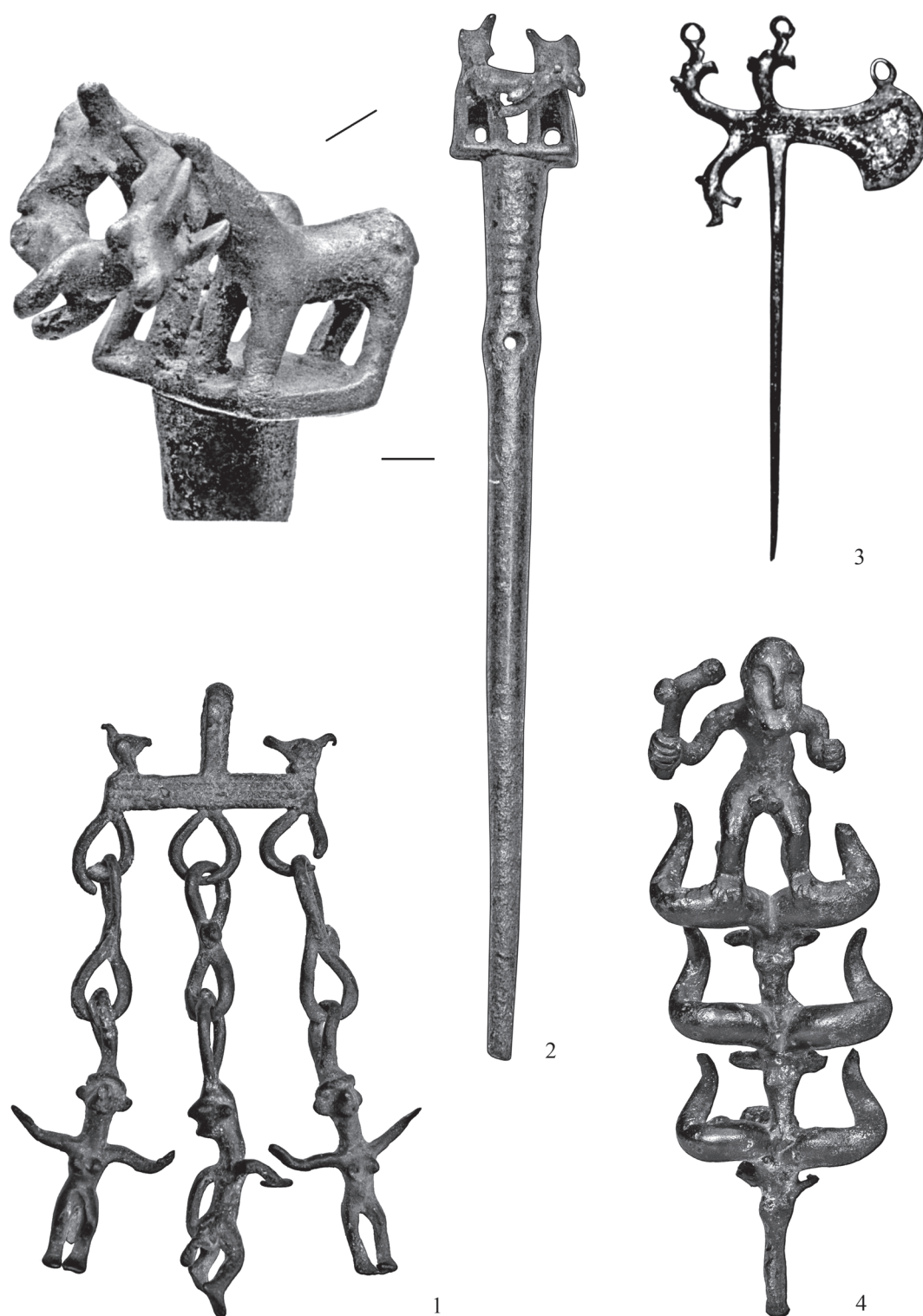

Рис. 14

Рис. 15

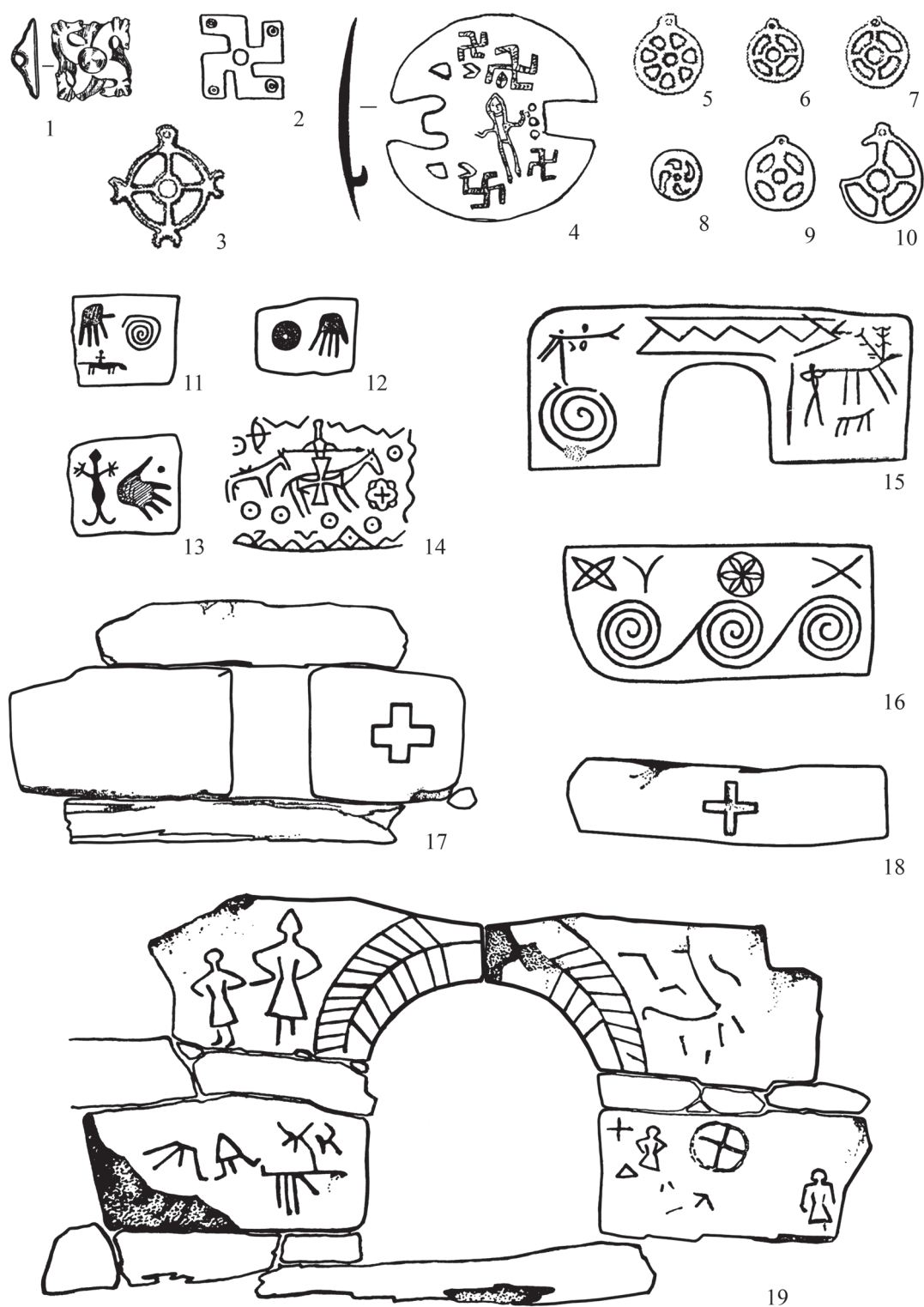

Рис. 16

Валентина Ивановна
Козенкова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Ивановна Козенкова – крупный специалист по археологии позднего бронзового-раннежелезного века Кавказа, главным образом по проблемам известной уже два столетия кобанской культуры. Более 50 лет она изучает древнюю культуру кавказских горцев территории Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечни и Ингушетии. В.И. Козенкова – автор более 155 научных публикаций, в том числе 13 монографий. Из них четыре книги посвящены специально археологии на территории древнего расселения вайнахов, то есть чеченцев и ингушей. Наиболее важными и значимыми среди них являются: «Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант» (1982), «Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник» (2001), «У истоков горского менталитета (могильник кобанской культуры у аула Сержень-Юрт. Чечня» (2002). Важные общие аспекты древней истории Кавказского региона освещены также в монографии «Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры)» (1996). В.И. Козенкова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Российской академии наук, член Учёного Совета Государственного музея искусства народов Востока, почётный академик АН Чеченской республики.

**СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
В.И. КОЗЕНКОВОЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН**

1957

1. Раскопки поселения бронзового века // Андижанская правда. 1957. № 150 (1482) (31.07).
2. Из истории древнего Андижана // Андижанская правда. 1957. № 190 (4222) (25.09). 1958.

1958

3. Оберегать памятники старины // Андижанская правда. 1958. № 152 (4440). (02.08).
4. Гончарная печь из Хилля // СА. 1958. № 3. С. 219–221.

1959

5. Археологические работы в Андижанской области в 1956 году // КСИА. 1959. Вып. 76. С. 56–62.

1961

- 6 К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии // СА. 1961. № 3. С. 251–260.

1963

7. Древние поселения у сел. Сержень-юрт // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 42–53. (Соавторы: А.А. Иерусалимская, Е.И. Крупнов).

1964

8. Гайрат-тепе (к истории поселений Ферганы первой половины I тыс. н. э.) // СА. 1964. № 3. С. 218–237.
9. Исследование Сержень-юртовского поселения в 1962 г. // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 73–80. (Соавтор Е.И. Крупнов).

1965

10. Исследование Сержень-юртовского поселения в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 67–74. (Соавтор Е.И. Крупнов).

1966

11. Погребальные памятники Ферганы первых веков н. э. // СА. 1966. № 1. С. 211–226.

12. Древний Сержень-юртовский поселок в ЧИАССР (по раскопкам 1964 г.) // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 81–87. (Соавтор Е.И. Крупнов).

13. Антропоморфные статуэтки из Сержень-юрта // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 74–78. 1967

14. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии // СА. 1967. № 1. С. 266–270.

15. Исследование памятников раннего железного века у с. Сержень-юрт // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 82–89.

16. Северо-кавказская экспедиция // АО 1966 г. М., 1967. С. 57–64. (Соавторы: Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, Р.М. Мунчаев, В. Б. Виноградов). 1968

17. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии // АЭС. Т. 2. Грозный, 1968. С. 9–38.

18. Северо-кавказская экспедиция // АО 1967 г. М., 1968. С. 65–69. (Соавторы: Е.И. Крупнов, Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов).

1969

19. Раннекобанский могильник у сел. Сержень-юрт // СА. 1969. № 4. С. 171–183.

20. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 3–21.

21. Погребение военачальника из Сержень-юртовского могильника // КСИА. 1969. Вып. 123. С. 114–116.

22. О раскопках Сержень-юртовского могильника (Чечено-Ингушетия) // АО 1969 г. М., 1970. С. 94–96.

1970

23. Об одном типе кобанских булавок // КСИА. 1970. Вып. 132. С. 12–15. 1971

24. Ред. на кн.: Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. II. Орджоникидзе, 1969 // СА. 1971. № 2. С. 297–299.

25. Раскопки могильника у сел. Сержень-юрт // АО 1970 г. М., 1971. С. 107.

26. К вопросу о хронологии памятников восточного варианта кобанской культуры в свете новых археологических раскопок в Чечено-Ингушетии // Тезисы до-

кладов, посвященные итогам полевых работ в 1970 году в СССР (археологические секции). Тбилиси, 1971. С. 86–88.

1972

27. Сержень-юртовский могильник кобанской культуры // АО 1971 г. М., 1972. С. 27–128.

1973

28. Предметы из Ца-ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тыс. до н. э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 149–158.

29. Новые материалы по бронзовому веку в западном Предкавказье // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 60–67.

30. К проблеме локальных вариантов кобанской культуры // III Крупновские чтения: тез. докл. и сообщ. Грозный, 1973. С. 6–7.

1974

31. Сым-тепе – поселение в Фергане // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 16. Л., 1974. С. 92–104. (Соавтор Н.Г. Горбунова).

32. Рец. на кн.: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный // СА. 1974. № 2. С. 280–290.

33. Хроника «III Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии» // СА. 1974. № 4. С. 322–324.

34. Кинжал из окрестностей станицы Змейской (Северная Осетия) // IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Орджоникидзе, 1974. С. 14.

1975

35. Работы Северо-кавказского отряда // АО 1974 г. М., 1975. С. 112–114. (Соавторы: Э. Кантемиров и О.В. Череповская).

36. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // *Studia Thracica*. Т. 1. София, 1975. С. 91–102.

37. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев, 1975. С. 52–73.

38. Проблема восточного варианта кобанской культуры в свете последних археологических изысканий // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Махачкала, 1975. С. 37–38.

1976

39. Работы Чечено-Ингушской экспедиции // АО 1975 г. М., 1976. С. 126–127.

40. Горные памятники восточного варианта кобанской культуры // VI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Краснодар): тез. докл. М., 1976. С. 25–26.

1977

41. Кобанская культура. Восточный вариант: монография. М., 1977. (САИ; вып. В2–5). 87 с.

42. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-восточного Кавказа. Махачкала, 1977. С. 70–95.

43. Работы Кавминводского отряда // АО 1976 г. М., 1977. С. 103–104.

1978

44. О южной границе восточной группы кобанской культуры // СА. 1978. № 3. С. 154–166.

45. Восточный вариант кобанской культуры в свете последних археологических исследований // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 99–109.

46. Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа. М., 1978. С. 108–111. (Соавтор М.Х. Багаев).

47. Хроника «VI Крупновские чтения (Краснодар 1976 г.)» // СА. 1978. № 1. С. 308–312.

48. О работах Чечено-Ингушского отряда // АО 1977 г. М., 1978. С. 123–124.

49. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры) // VIII Крупновские чтения: тез. докл. Нальчик, 1978. С. 15–17.

1979

50. Об обряде трупосожжения в кобанской культуре // IX Крупновские чтения: тез. докл. Элиста, 1979. С. 21–202.

51. Новейшие раскопки поселений поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы-2 в Карачаево-Черкессии // IX Крупновские чтения: тез. докл. Элиста, 1979. С. 25–26. (Соавтор В.Б. Ковалевская).

52. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО 1978 г. М., 1979. С. 128–129. (Соавтор В.Б. Ковалевская).

53. О работах Учкеевского отряда // АО 1978 г. М., 1979. С. 129–130.

1980

54. Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // СА. 1980. № 1. С. 195–210. (Соавтор А.В. Найденко).

55. Хроника – VII Крупновские чтения // СА. 1980. № 2. С. 275–279.

56. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкессия) // СА. 1980. № 3. С. 225–237. (Соавтор Х.Х. Биджиев).

57. Совещание по хронологии-периодизации памятников Кавказа // СА. 1980. № 4. С. 307–312.

58. Изображения фантастических существ в глиняной пластике восточных «кобанцев» // X Крупновские чтения: тез. докл. М., 1980. С. 18–19.

59. Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровской (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 72–91.

60. Контакты населения Карпато-дунайского мира и Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Античная балканистика – 4. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: тез. докл. М., 1980. С. 32–34.

1981

61. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. 1981. № 2. С. 161–177. (Соавтор Г.Е. Афанасьев).

62. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. 1981. № 3. С. 29–43.

63. Находки позднекобанской культуры в верховьях Кубани // СА. 1981. № 4. С. 196–205. (Соавтор М.Н. Ложкин).

64. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (по материалам кобанской культуры) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 45–57.

1982

65. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант: монография. М., 1982. (САИ; вып. В2–5). 177 с.

66. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 3. С. 14–34.

67. О работе сектора скифо-сарматской археологии за 5 лет. (1975–1979 гг.) // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 130–133.

68. X Крупновские чтения в Москве (хроника) // СА. 1982. № 4. С. 287–290.

69. Синкретизм материальных форм как проявление культурного прогресса (на примерах кобанской культуры) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: тез. докл. Ереван, 1982. С. 114–115.

70. К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. М., 1982. С. 27–29.

1983

71. XI Крупновские чтения (Новороссийск, 1981) // СА. 1983. № 1. С. 315–319.

72. XII Крупновские чтения (Геленджик, 1982) // СА. 1983. № 3. С. 281–286.

1984

73. Rite de l'incinération des cadavres chez les Kobans du Caucase // Savaria. Szombathely, 1984. № 9–10. P. 135–164.

74. О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры // СА. 1984. № 1. С. 247–251. (Соавтор Т.Н. Мишина).

75. Средняя Европа и Северный Кавказ: контакты и хронологические соответствия в эпоху поздней бронзы – раннего железа // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Майкоп, 1984. С. 20–21.

76. Погребения сарматского времени в ущелье р. Карца в Северной Осетии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 113–119.

77. Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова // СА. 1984. № 4. С. 291–299.

1985

78. Предисловие // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985. С. 3–6. (Соавтор М.П. Абрамова).

1986

79. Пседахский могильник кобанской культуры // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 134–158.

80. Комплекс начала I тыс. до н. э. из урочища Клинь-яр (Кисловодская котловина) // СА. 1986. № 1. С. 253–258. (Соавтор М.В. Андреева).

81. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. 1986. № 3. С. 121–135. (Соавтор А.З. Аптекарев).

82. Клад из станицы Упорной и новые данные о контактах культур Северного Кавказа и Центральной Европы в конце II тыс. до н. э. // XIV Крупновские чтения: тез. докл. Орджоникидзе, 1986. С. 38–40. (Соавтор А.З. Аптекарев).

1987

83. XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (хроника) // СА. 1987. № 4. С. 308–315.

84. Хронология кобанской культуры в трудах А.А. Иессена // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 39–47.

1988

85. Эпоха поздней бронзы (Глава III. 3) // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.: коллективная монография. М., 1988. С. 61–65.

86. О происхождении т.н. зооморфных браслетов восточного варианта кобанской культуры (к северокавказско-трансильванским контактам конца II тыс.

до н. э.) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Махачкала, 1988. С. 31–33.

87. О бронзовых т.н. «рабочих» топорах кобанской культуры // Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения: тез. докл. Башкапсарского полевого археологического семинара. Сухуми, 1988. С. 28–30.

1989

88. Кобанская культура Кавказа (Глава восьмая) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 252–267, 406–413 (табл.). (Археология СССР). Коллективная монография

89. Кобанская культура. Западный вариант: монография. М., 1989. 196 с. (САИ; вып. В2–6).

90. Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре (на примере зооморфных браслетов) // СА. 1989. № 3. С. 27–34.

91. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н. э. (кобанская культура: модель тысячелетия развития): науч. докл. по дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 51 с.

1990

92. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3. С. 64–92.

93. Древности кобанского типа вне Кавказа (смысл и значение) // Проблемы древней и средневековой истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа): краткие тез. докл. науч. конф. памяти Б.А. Латынина. Л.: ГЭ, 1990. С. 18–19.

94. Традиционные направления, характер и формы межзональных коммуникаций носителей кобанской культуры в конце II – первой половине I тыс. до н. э. // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Ставрополь, 1990. С. 31–33.

95. Кобанская культура: субстрат и инновации в период формирования (последняя четверть II тыс. до н. э.) // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван, 1990. С. 184–193.

1991

96. Восточно-кобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // проблема происхождения нахских народов: тезисы докладов. Грозный; Шатой, 1991. С. 9–12.

97. Воинская атрибутика у племен позднекобанской культуры // СА. 1991. № 4. С. 25–35. (Соавтор М.Х. Багаев).

1992

98. Kozenkova V.I. Seržen-Yurt. Ein Friedhof der späten Bronze und frühen Eisenzeit im Nordkaukasus: Monographie. Mainz am Rhein, 1992. 101 S. (KAVA. AVA-Materialien; Bd. 48).

99. Пути и перспективы археологии Северного Кавказа: преемственность и дискретность в исследованиях // XVII Крупновские чтения: тез. докл. Майкоп, 1992. С. 6–10. (Соавтор С.Н. Кореневский).

1994

100. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) // РА. 1994. № 1. С. 191–196.

101. Памятники новочеркасского типа: истоки формирования, культурно-исторический аспект развития (взгляд с гор) // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Кисловодск, 1994. С. 32–35.

102. Antropomorphic figures from the north Caucasus // Antiquity. 1994. Vol. 68, № 258 (March). P. 141–146.

1995

103. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематика и хронология). Западный вариант: монография. М., 1995. (САИ; вып. В2–5). 166 с.

104. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н. э.) // Историко-археологический сборник. Т. 2. Армавир; М., 1995. С. 48–52. (Соавтор А. П. Мошинский).

1996

105. Двадцать пять лет Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа // РА. 1996. № 1. С. 249–251. (Соавторы: В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов).

106. Восточно-кобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 13–23. (Сокращенный вариант).

107. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры): монография. М., 1996. 163 с.

1997

108. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Вып. 1. М., 1997. С. 14–18. (Соавторы: Р.С. Сосранов, Э.Л. Чарджиев).

1998

109. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант: монография. М., 1998. 200 с. (САИ; вып. В2–5).

110. О некоторых малоизвестных коллекциях кобанской культуры // XX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Железноводск, 1998. С. 52–53.

111. К интерпретации малоизвестной коллекции кобанских древностей из Берлинского музея древней истории // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: тез. докл. СПб., 1998. С. 32–34.

1999

112. Хроника: XX юбилейные Международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Железноводск) // РА. 1999. № 3. С. 246–250. (Соавтор Р.Р. Рудницкий).

113. Рец. на кн.: Motzenbäcker J. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskatalogue. Band. 3. Berlin, 1996 // РА. 1999. № 2. С. 223–229

114. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 185–194. (Расширенный вариант).

2000

115. Причастность к археологическому братству // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина. СПб., 2000. С. 139–140.

116. Кобанская культура: вехи в столетнем исследовании (XX век) // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Кисловодск, 2000. С. 54–56.

2001

117. Поселок-убежище кобанской и культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ): монография. М., 2001. 198 с.

118. Хроника: XXI Крупновские чтения в Кисловодска, апрель 2000 г. // РА. 2001. № 2. С. 167–175. (Соавтор С.Н. Савенко).

119. Памяти Н.Г. Горбуновой // РА. 2001. № 3. С. 184–187. (Соавторы: В.И. Маршак, Н.К. Качалова, Г.А. Брыкина).

2002

120. О еще одном шедевре, который мы потеряли // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Ессентуки; Кисловодск, 2002. С. 65–66.

121. У истоков горского менталитета (могильник кобанской культуры у аула Сержень-Юрт. Чечня) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002. Монография. 231 с.

122. Древние основы культурного наследия нахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. М.: Наука, 2002. С. 19–24.

2004

123. Серебряный голос верности (К 100-летию Е.И. Крупнова). РА. 2004. № 1. С. 167–172.

124. Хроника: XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Ессентуки – Кисловодск, 2002). РА. 2004. № 1. С. 175–180. (Соавтор С.Н. Савенко).

125. Памяти Май Павловны Абрамовой. РА. 2004. № 4. С. 182–185. (Соавтор М.Х. Багаев).

126. Об уточненных границах кобанской культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения: междунар. науч. конф.: тез. докл. М, 2004. С. 98–100.

127. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. С. 66–92. (МИАР; № 6).

128. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М., 2004. Монография. 220 с.

2005

129. Хроника: XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Москва, 2004) // РА. 2005. № 3. С. 172–176. (Соавтор З.Х. Албегова).

130. Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIII Крупновские чтения). К 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова // Вестник РГНФ. № 3 (40). М., 2005. С. 226–233. (Соавтор Л.Т. Яблонский).

2006

131. Археологические свидетельства миграций древних «кобанцев» (на примере поясных пряжек с кругами) // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Нальчик, 2006. С. 102–105.

132. Пряжки-кони кобанской культуры: к кавказско-луристанским контактам XI–X вв. до н. э. // РА. 2006. № 4. С. 18–23.

133. Феномен кавказской бронзы // Металлы Евразии. 2006. № 4. С. 94–96.

2007

134. Специфика некоторых атрибутов костюма древних кобанцев как показатель миграций // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С. 258–294. (МИАР; № 8).

135. Предисловие // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П. Абрамовой. М., 2007. С. 5–10. (Соавтор В.Ю. Малашев).

2008

136. «Жил с чистым сердцем...». Крупновские чтения 1971–2006. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М., 2008. С. 33–42.

137. Памяти Леонида Романовича Кызласова (24.03.1924 – 24.07.2007) // РА. 2008. № 1. С. 188–192.

138. Материальные следы разнокультурных инфильтраций в кобанскую культуру как отражение цивилизационных процессов в ойкумене Кавказа // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 199–203.

139. О процессах пространственной подвижности границ ареала кобанской культуры // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 69–95. (МИАР; № 10).

140. Предисловие // Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н. э. – XII в. н. э. М.: Наука, 2008. С. 3–5.

141. О потенциале «забытых» коллекций: древности кобанской культуры в Собрании Коссиерской // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. С. 159–181.

2009

142. О неизвестном комплексе VIII в. до н. э. из Учкелена (Карачаево-Черкесия) // Нижегородский сборник. Вып. 10. Волгоград, 2009.

143. К вопросу о хронологии Кескемского могильника // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Ставрополь, 2009. С. 231–248.

2010

144. Поздняя бронза в Терско-Сунженском бассейне: дискуссионные вопросы периодизации и хронологии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Магас, 2010. С. 198–201.

145. О некоторых находках из Эссентукского поселения конца II – рубежа II–I тысячелетия до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 40–50. (МИАР; № 13).

2011

146. Слово редактора // Эрлих В.Р. Святилища II Тенгинского городища (IV в. до н.э.). М.: Наука, 2011. С. 5–6.

2012

147. Неизвестные данные о так называемом «курчалоевском кладе» из Чечни (из архива Е.И. Крупнова) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012. С. 63–66.

148. Предисловие // Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.). М.: Таус, 2012. С. 7–8.

2013

149. Кобанская культура и окружающий мир: монография. М.: Таус, 2013. С. 252.

150. Предисловие // Очерки средневековой археологии Кавказа: сб. ст. к 85-летию В.А. Кузнецова. М.: Таус, 2013. С. 5–7.

2014

151. Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 160–162.

152. Еще раз о так называемом кладе близ сел. Курчалой (Чечня) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2014. С. 179–285.

2016

153. Материальные свидетельства духовного мира «кобанцев» как проявление культурной универсалии общеиндоевропейских мифологических традиций // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный, 2016. С. 94–96.

2017

154. Специфика духовного мира кобанских племен: монография. М. 2017. 114 с.

155. Вехи славного пути (к 75-летию М.Х. Багаева // Вестник Академии наук Чеченской республики. № 1 (34). Грозный, 2017. С. 120-123.

В печати

156. Поздняя бронза на территории Чечни. Глава I: Поздняя бронза. Глава II: Ранний железный век на территории Чечни. История Чечни. Коллективная монография. Т. 1. Грозный.

Издания научных трудов под редакцией В.И.Козенковой

- 157.** Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы: сб. М., 1978.
- 158.** Задачи советской археологии в свете решений XXII съезда КПСС: тез. докл. всесоюз. конф. (Суздаль, 1987 г.). М., 1987.
- 159.** Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
- 160.** Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М., 1999.
- 161.** Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения: междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова: тез. докл. М., 2004.
- 162.** Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.: Таус, 2007. (МИАР; № 8). (Соредактор М.Ю. Малашев).
- 163.** Эрлих В.Р. Святилища II Тенгинского городища (IV в. до н. э.). М.: Наука, 2011.
- 164.** Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н. э. – XII в. н. э. М.: Наука, 2008.
- 165.** Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.). М.: Таус, 2012.
- 166.** Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова: сб. ст. М.: Таус, 2013.
- 167.** Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р. Кубанский могильник. Материалы раскопок Н.В. Анфимова 1965 г. М. 2016.

Список сокращений

АО	– Археологические открытия
КСИА	– Краткие сообщения института археологии
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
МАДИСО	– Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России
мог.	– могильник
посел.	– поселение
РА	– Российская археология
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
разруш. погр.	– разрушенное погребение
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
случ. нах.	– случайная находка

Научное издание

В.И. КОЗЕНКОВА

**СПЕЦИФИКА
ДУХОВНОГО МИРА
КОБАНСКИХ ПЛЕМЕН**

Редактор *Н.В. Бельченко*
Дизайн и верстка *В.Ю. Луньков*
Обложка *Н.С. Сафроновой*

Подписано в печать 18. 12. 2017. Формат 60х84 ¹/₈
Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 200 экз. Зак. № 1355

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А.
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru www.tps68.ru

ISBN 978-5-94375-228-5

